

КОНЦЕРТ ПАТРИЦИИ КААС

ОТРЫВКИ

12+

МАРК ВЕВИОРОВСКИЙ

Марк Михайлович Вевиоровский

Концерт Патриции

Каас. Отрывки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38013992

SelfPub; 2019

Аннотация

В книге вы встретитесь с обыкновенными и неординарными людьми, которые мало отличаются от нас с вами, но живут удивительной жизнью. Действие происходит в узнаваемых обстоятельствах и даже с участием реальных лиц. Паранормальные способности некоторых героев позволяют причислить книгу к произведениям фантастическим, но уж если это научная фантастика, то фантастика социальная, затрагивающая некоторые основы нашей реальной действительности с необычной стороны, но неизменно с любовью к человеку.

Жизнь как пьеса – автор отбирает самое важное, по его мнению, но кто сказал что он прав?

По целому ряду причин многое из уже написанного не попадает туда, куда это было предназначено.

Такие материалы накапливаются, не всегда сохраняются, но всегда эти отрывки жаль – они появились не случайно, но случайно остались не у дел.

Я решил дать пристанище этим неустроенным частям жизни своих героев и выделить им «жилплощадь».

ВОПРОСЫ и ОТВЕТЫ

Очередной вечер вопросов и ответов состоялся в большом зале Дома культуры, и этот зал был полон.

И начал его Виктор Скворцов.

– Добрый вечер, друзья! Сегодня немного поговорю и я!

Смех в зале.

– Давайте вспомним недавнюю историю. Сперва телевизионный вечера вопросов и ответов вел Анатолий Иванович Свиридов из крохотной студии – только звук без изображения. Потом специалисты придумали, как в этой тесноте организовать видеосъемку, и Свиридов пришел к вам на экраны ...

Скворцов по традиции – уже сложилась традиция! – сидел

за столом с микрофоном, с кучками бумаг.

– Мы устраивали ответы и по прямым телефонным звонкам, потом по группам вопросов, за что нас обвинили в редактировании вопросов ...

Смешок в зале.

– Так мы пришли в этот зал, но ... Вот это «но» и служит причиной нашего разговора. Что же это такое, в чем суть этого «но»? А все дело в вашей неумной любознательности и страстном желании получить ответ от самого Свиридова, и никак не иначе.

Смех в зале.

– Тематика ваших вопросов настолько обширна, что только Толя ... то есть Анатолий Иванович способен справиться с этим. Но кроме всего это еще и время для ответов, нельзя же продолжать вечер до бесконечности. Поэтому мы решили ...

Недовольный гул в зале и выкрики «кто это решил?»

– Решили мы двое – Анатолий и я. В основном ... Мы решили ввести некоторые ограничения. А именно – ограничить время проведения такого вечера вопросов и ответов полтора часами.

Недовольный гул.

– Кто считает, что это мало, пусть сам попробует отвечать на вопросы полтора часа. Второе ограничение – тематика. Должны быть группы вопросов, и ответам на одну или две группы будет посвящен каждый вечер.

Опять недовольный гул, но не сразу, а после некоторой паузы.

– Я слышу, что вы уже подумали – да, такое предложение вызывает много нареканий. Было и еще одно предложение. В качестве одной из форм демократии предлагалось прямо в зале, в режиме реального времени, оценивать заданный вопрос. Когда прозвучит вопрос все сидящие в зале высказывают свое мнение – достоин ли вопрос, чтобы на него ответили сразу или нет. Оценка – прямое голосование поднят-ем руки. Подняли руки больше половины зала – вопрос принят, меньше половины – вопрос не принят. И это при общей продолжительности полтора часа.

Недоуменная пауза с легким шумом – в рядах обменивались мнениями.

– А пока вы думаете я предлагаю всем высказать свое мнение по группам вопросов – записками, как обычно. И еще – не пытайтесь записывать ответы на магнитофоны – записи всех вечеров вопросов и ответов имеются в нашей аудиотеке, там их можно прослушать ...

ОТВЕЧАЕТ АНАТОЛИЙ СВИРИДОВ

Первые вопросы, которые Скворцов подготовил по предварительно поданным запискам, касался подробностей социально помощи и льгот, которыми пользовались жители города.

Свиридов уже не раз отвечал на подобные вопросы, но

он не ссылаясь на свои прежние ответы, а подробно отвечал снова и снова ...

В центре зала встала девушка и задала свой вопрос.

– Анатолий Иванович, а правда, что бикини ... ну, трусики! Правда, что бикини названы в честь острова, а остров связан с атомной бомбой? Ой, извините ...

– Что ты смущаешься, Любочка! Ты же знаешь, что я очень люблю отвечать на исторические вопросы, эти вопросы очень полезны – ответы на такие вопросы несут такую важную информацию. Итак, Бикини.

Свиридов помолчал совсем немного.

– Атолл Бикини – типичный коралловый остров в виде замкнутой кривой линии кораллов, окружающей внутреннюю лагуну. Площадь атолла Бикини, входящего в состав Маршалловых островов, составляет около 650 квадратных километров. Ничего себе, правда? Да, много, но это с лагуной, а по краю тянется узкая полоска кораллов. Тут, на атолле Бикини в августе 1946 года, через год после атомной бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки, были взорваны две атомных бомбы – одна над поверхностью океана, а другая – под водой на глубине около 20 метров. Для испытаний в лагуну атолла поместили около 70 военных кораблей, были задействованы сотни кинооператоров с обычной и повышенной скоростью съемки.

– По этим материалам сделан документальный фильм, который доступен для просмотра. Если кратко, то на атолле

Бикини, на атолле Эниветок и на других островах в конце 40-х и в начале 50-х годов были проведено большое количество ядерных взрывов различной мощности. А примерно через четыре недели после первого взрыва на очередном показе мод был показан купальный костюм с маленькими трусиками, получившими затем название «бикини». Тогда это было непривычно и даже скандально, а теперь это вид привычной сексуальной одежды. Но те трусики были намного больше и намного скромнее сегодняшних!

– А еще под названием бикини известен роман популярного польского писателя Януша Вишневского ... Хотя можно вспомнить, что первая публикация Аркадия Стругацкого в 1956 году называлась «Пепел Бикини» ... Это краткий ответ на вопрос нашей Людочки, за что ей большое спасибо.

– Анатолий Иванович, а вы смелый человек?

– Вот это вопрос! Не знаю ...

– Смелый, смелый! – ответил за Свиридова Виктор Скворцов, неизменный ведущий вечеров и ответов.

– Анатолий Иванович, а правда ли, что у великого Альберта Эйнштейна в любовницах была супруга нашего скульптора Коненкова?

– Да, это правда. Все это опубликовано, и даже часть их переписки, читайте!

– А как выдумаете, Коненков знал об этом?

– Думаю, знал.

– А почему вы так думаете?

– Потому, что я так думаю.

Смех в зале.

– Анатолий Иванович, а будет ли конец света в декабре 2012 года? Календарь майя предвещает конец света!

– Это неправда. О том, что календарь народа майя предсказывает конец света – это такая же спекуляция, как и печально знаменитый миллениум на стыке двадцатого и двадцать первого века. И тогда, и теперь это чистой воды вранье!

– А как же астероид, который летит на Землю?

– Давайте по порядку. Календарь майя не предсказывает конца света в той или иной интерпретации. Вообще их календарные даты, переведенные некоторыми исследователями, были переведены на наше летоисчисление неверно – там была другая точка отсчета. Это первое, и то, о чем я говорю, давно опубликовано.

– А почему везде говорят о календаре майя и конце света? Даже ученые!

– Причина очень проста – кое-кому это выгодно, как было выгодно устраивать панику перед концом прошлого века. Тогда на этом заработали одни, теперь стараются зарабатывать другие. Теперь по поводу конца света.

Свиридов помолчал, пережидая шумок в зале.

– Научно установлено, что на земном шаре сменилось несколько поколений разумных существ, цивилизаций, причем некоторые из прошедших цивилизаций были весьма раз-

витыми, обладающими научными и техническими знаниями. Свидетельства этому обнаружены в археологических находках у самых разных народов. И в этих материалах содержатся сведения о некоей дате, о каком-то событии, о катастрофе или ином катаклизме, вызвавшем конец цивилизации. Древние материалы разных народов, очень далеких географически и исторически друг от друга, содержат очень похожие сведения о пришельцах, о невиданной технике и других малопонятных вещах, которые мы только еще начинаем понимать ...

– Вы считаете, что пришельцы были? Что они посещали Землю?

– Таких данных уже накопилось довольно много, как и данных о внеземном происхождении человека ... Ну, а если кратко, то возможен некий рубеж, который будет соответствовать смене цивилизации на Земном шаре. О причинах этих перемен можно говорить много, но для этого лучше пригласить специалиста ... Но этот рубеж может находиться примерно в сотне лет от нас. Практически еще один век!

– А метеорит?! Астероид?!

– Тут еще интереснее! Если говорить кратко, то во Вселенной кто-то бережет, охраняет нашу Землю, в том числе от громадных астероидов. Астрономы уже накопили сведения о таких случаях, когда громадный астероид, нацелившийся на нас, был уведен с орбиты и уничтожен. А те метеориты, которые достигали поверхности Земли, не были губительны

для всего земного шара.

– И кто же нас так защищает? Значит, Бог существует?

– Я не могу ответить на этот вопрос. Тут слишком много неясного – то, что мы привыкли называть Богом, может оказаться чем-то еще более невероятным ...

Длительная молчаливая пауза.

– А озоновые дыры и пагубное влияние техногенной деятельности человека на судьбу Земли?

– Тут тоже не все так просто. Наши космонавты уже давно установили, что изменения в озоновом слое происходят независимо от нашей деятельности и от выбросов углекислого газа. Парниковый эффект – тоже фантазия. На эту тему наш знаменитый космонавт Гречко защитил диссертацию довольно давно. Поэтому весь шум и Киотский протокол, ограничивающий количество выбрасываемого в атмосферу углекислого газа, – это очередная уловка, выгодная конкретным бизнесменам, конкретным структурам.

– Что, как и миллениум?

– Совершенно верно!

– И известно – кому именно?

– Известно. Но пока я вам фамилий не назову, хотя они известны ...

– Отстаньте от Толи ... то есть от Свиридова. Давайте сменим тему! – вмешался Виктор Скворцов.

– Анатолий Иванович, а вы знаете много иностранных языков? Сколько? И как вы их учили? Спасибо!

– Вопрос интересный. Число языков я вам не назову, потому что сам не знаю. А как я их изучал ... Есть у нас знаменитый полиглот Вилли Мельников. Он знает сто четыре языка – живых и мертвых. И как он признается, он еще про два языка не знает – что это за языки и какому народу они принадлежат ...

– Как такое может быть?

– Вилли не изучает языки, они приходят к нему в голову сами. После клинической смерти на войне он вдруг стал полиглотом, и разговаривает на множестве языков и наречий. С ним очень интересно поговорить, и мы долго беседовали на самых разных языках. Если к нему языки приходят сами, он вдруг чувствует, что он знает язык и может говорить на нем, то я в отличие от него языки изучаю ... Но не так, как все изучают их в школе, в институте, но мне тоже очень трудно это объяснить. Как и Вилли.

– Но все-таки как это происходит? У вас появляются новые языки?

– Да, бывает. Вот, например, я услышал один из малоизвестных тибетских языков, я понял говорящего на этом языке человека, и сам заговорил на этом языке, хотя буквально пару минут назад еще не знал этого языка. Мистика?

– Еще какая! – это опять вмешался Виктор Скворцов.

– Анатолий Иванович, вопрос о кино и лучшем фильме о Великой отечественной войне? По вашему мнению!

– Вы все знаете, что ходить в кино я не мастак, но за состо-

ниями нашей и зарубежной киноиндустрии иногда наблюдаю. Кроме того, я видел много фильмов времен войны, которые мало кто из вас видел. Могу сказать, что я лично лучшим фильмом о войне считаю фильм, где нет ни одного военного кадра – фильм «Белорусский вокзал».

Одобрительный гул в зале.

– А многие современные фильмы о нашей якобы действительности ... или недавнем прошлом ... Прошу прощения, но о некоторых из «создателей» таких фильмов можно сказать только ... Как же нужно ненавидеть свою Родину, чтобы снимать такие фильмы!

– Давайте по запискам? – Виктор переждал шум в зале.

– Первая серия записок об отличиях нашего города от города большого – от Москвы. Если кратко сформулировать вопросы, то получится: почему наш город так отличается от Москвы? Пожалуйста, Анатолий Иванович!

– Наш город отличается от Москвы, от большого современного города, от столичного города. Достаточно сильно. Во-первых, наш город находится на закрытой территории с весьма ограниченным доступом извне. Это определяет многое, но не все. Во-вторых, в нашем городе действуют некоторые правила, отличные от этого большого города под названием Москва. Этих правил много, и они очень разнообразные. Например, ограничения по движению транспорта внутри застройки ... Но из основных правил я назвал бы следующие ...

– Все жители нашего города при встрече здороваются друг с другом – так, как издавна было принято в деревне. Это хорошо, к этому привыкли, и это отражает добросердечные отношения людей ...

– Правила внутреннего распорядка – вести себя культурно, без пьянства и драк, не сквернословить, уважать стариков и женщин ... Нет, ничего нового, это все правила издавна принятые в русских общинах, как и правило здороваться с каждым встречным. Жену любить, детей не бить, родителей почитать, не воровать, соседей уважать, за собою убирать, никому не досаждать ...

Зал внимательно слушал, хотя Свиридов не говорил ничего нового.

– Христовы заповеди! – сказал кто-то в зале.

– А чем они плохи? Дальше можно сказать о социальной сфере. Зарплата на уровне Московской, но прибавьте все явные и скрытые выплаты. Скрытые – это множество бесплатных услуг, начиная с транспорта и спортивных учреждений и кончая низкими ценами на продукты питания, явные – выплаты и доплаты. Доплаты воспитателям, учителям, медицинским работникам. Выплаты матерям – полный оклад после родов и по больничному. Выплаты всем учащимся в наших учебных заведениях, стипендии учащимся в Москве, выплаты усыновителям, доплаты новобрачным, престарелым, одиноким ...

– Да у нас одиноких и престарелых без наличия в семье

молодых уже не осталось ...

– Доплата при проведении культурных мероприятий – в Доме культуры цены мизерные, Дом культуры нисколько не окупается. Книги, журналы – кроме модных! – по ценам издательства. Билеты в театры – с дотацией. Путевки в санатории, дома отдыха, на теплоходные и другие экскурсии – доплата от 50 до 75 процентов. Детям – бесплатно.

– Садовые участки – вся инфраструктура бесплатна, и льготный кредит на строительство дома. У кого есть автомобиль – переоборудование на электропривод по себестоимости, доплата заводу, аккумуляторы и зарядные блоки в аренду – бесплатно. Технические жидкости, до этого заменитель бензина – по себестоимости, а это почти вдвое дешевле, чем для жителей города ...

– А медицина? Врач по вызову в течение часа, скорая через пятнадцать минут, больница – одно и двухместные палаты, любая медицинская техника и любые лекарства. Не дай бог что-то сложное, так любая клиника Москвы ...

– Не дай бог, но и Свиридов поможет! – вставил Скворцов.

– Но не это главное отличие нашего города от города большого, что тут недалеко от нас. Я считаю главным отличием тот человеческий климат, что утвердился у нас – взаимное уважение, благожелательность, терпимость, взаимопомощь ... Посмотрите, как помогают переезжать нашим воспитанникам, когда они получают квартиры и уходят из-под кры-

лышка Таисии Архиповны! А свадьбы? На свадьбах гуляет весь город! И ни одной драки, ни одного пьяного ...

– Я могу найти еще отличия от большого столичного города ... Но там люди разобщены, а у нас все друг с другом знакомы ...

– Как в деревне! – снова раздалось из зала.

– Да. Как в деревне. Русская деревня была очень хорошо воспитана, пока ее не испортил город с его нигилизмом, бессердечием, бездуховностью ... Вспомните, в деревне никогда не было проституток! Были шалавы, были гулящие, но не было такого промысла! У нас в городе нет ... нет святых, но я не помню, чтобы у мужа появилась любовница, или у жены – любовник.

– А у Антиповых? – раздался ехидный голосок из угла.

– У Антиповых ситуация совсем другая. Их брак с Валентином Викторовичем был условным, служебным. И когда они сошлись с Кареном Варданяном, то сватать Маргариту мы с Кареном пошли к Валентину Викторовичу, и он лично отдавал Маргариту в жены Карену. А потом у него появилась Ольга Петрова ...

– У нас в городе – тьфу, тьфу! – уже много лет нет никаких преступлений. Были пара случаев хулиганства, но это были приезжие, практиканты. Проучили, отослали. Жен не били по моим данным тоже много лет!

Смех в зале.

– Воспитание подрастающего поколения ... Да вы все са-

ми знаете – группы маленькие, классы маленькие, воспитание современное, но без всяких новомодных наворотов. Наши выпускники поступают в ВУЗы с первого раза, еще ни один не срезался на экзамене ...

– Что еще вам рассказать? Есть конкретные вопросы?

– А вот продукты на рынке? Из деревни!

– Цены на рыночную продукцию были отрегулированы следующим образом. С одной стороны стоимость жизни в деревне у нас тоже ниже, чем вне нашего ЗАТО, поэтому исходно цена продуктов ниже. Кроме того все затраты по анализам безопасности продуктов, их транспортировку из колхоза к нам на рынок, на обустройство торговых мест, на ночевку мы взяли на себя. А это тоже приводят к снижению цен на продукты. В результате цены на нашем рынке, как и в магазинах, практически вдвое ниже, чем вне ЗАТО. Я ответил?

– Анатолий Иванович, а как формируется наша музыкальная программа? Я имею в виду программа Дома культуры ...

– снова начались вопросы из зала.

– В нашей войсковой части ...

Мгновенный шум в зале, сменившийся смешком ...

– Как я понимаю, многие вспомнили, что живут и работают в воинской части, а большинство являются военнослужащими. Так начиналась наша организация, и так она до сих пор существует. В значительной степени это связано с проблемами секретности, но ...

– Музыкальная программа формируется у нас таким образом, чтобы учитывать запросы населения и отражать современный уровень культуры. Это кратко.

Зал молчал.

– И как я понимаю, вопрос имеет дополнительный уровень – а почему ... Почему у нас в Доме культуры не выступают некоторые знаменитости или ансамбли? Почему ни разу не было того-то и того-то? Так?

– Так! – дружно ответил зал.

– Причин как минимум две. Первая – дутый имидж данного исполнителя или коллектива, не соответствующий его культурному уровню. И вторая причина сугубо прагматическая – высокие запросы и гонорары, которые требуют данные «знаменитости», что тоже немаловажно. Попросту дорого это.

– Так пусть билеты будут подороже!

– Вряд ли получится. Чтобы решить проблему таким образом, нужно чтобы на два концерта все билеты в этом зале стоили не меньше десяти тысяч рублей.

– У-у! – зашумело в зале.

– А такие знаменитости как Крутой, Паулс, Вайкуле ... Мацуев?

– Не поверите, но они чаще всего выступают у нас бесплатно!

– А театры? «Современник», Станиславского, оперетта?

– Разве вы не заметили, что билеты на такие представ-

ления дороже обычных? Плюс дотация – на культурные потребности ...

– Анатолий Иванович, все знают, что у вас прекрасная память. В какой степени ваша память способствовала вашей карьере, вашим достижениям?

– Ну, памяти одной недостаточно для достижения успехов в работе. Одного механического запоминания недостаточно, нужно еще понимать и уметь использовать то, что осталось в памяти. А вот умение использовать ... Я бы сказал, что мне везло на учителей. Почему-то в памяти остались только хорошие учителя, и в школе, и в институте, и на работе. После института я попал в конструкторское бюро ... Пришел в второй половине дня, и дали мне копировать с синьки ... Кто помнит, что такое синька? Это такая желто-коричневая бумага с темными линиями, а настоящая синька была раньше, она была синяя. А это правильно называлась аммиачная копировальная бумага или аммиачка. Но дело не в этом ... Я заточил карандаш, копирую на кульмане. Копирую!

Свиридов помолчал.

– А утром подходит главный конструктор и показывает мне ошибки на чертеже – тут, тут, тут. А я говорю ему – так мне сказали копировать, вот я и копирую, и черчу так, как на синьке, с ошибками. А он спрашивает – а вы их видите, ошибки? Говорю, конечно. Тогда он говорит мне – вот тут, справа, начертите правильно, без ошибок. Я и начертил, минут через двадцать. Хотел отколоть, принести ему. А он,

оказывается следил, подошел сам. И спрашивает – а почему так быстро? А я там начертил часть крышки колонны, крепеж, нажимные шпильки, уплотнение. Говорю, я же не измерял, а чертил по известным соотношениям размеров. Гайка высокая – высота два с половиной диаметра резьбы и так далее ... В общем, через месяц под моим руководством работала бригада, я самостоятельно вел объект, сам разрабатывал конструкцию. Правда, не особенно оригинальную ... А в декабре – а работать я пришел в конце августа – меня послали в командировку на объект с правом подписи ... Потом несколько аварий, главный механик института заметил меня, потом у меня появилось подразделение, связанное с безопасностью производств ... А потом после некоторых событий мне поручили создание нашей фирмы ...

– Товарищи, вспомните рассказ полковника Гнедаша – он так интересно рассказывал о самом начале строительства нашего института – это вмешался Скворцов. – И я думаю, что тут одной памяти маловато, еще и голову надо иметь ...

– Анатолий Иванович, а почему вы никогда не участвуете в спортивных соревнованиях?

– Видите ли ... Рассмотрим пример. Коллектив, класс с учениками, изучающими иностранный язык. Все так себе, а один знает язык в совершенстве. И соревнование – кто лучше знает язык. Всегда будет побеждать только тот, кто знает язык в совершенстве – у соревнующихся неравные условия. Примерно так обстоит дело с моими спортивными способно-

стями, и это наглядно показала последняя областная Олимпиада, где мне пришлось выступать. В индивидуальных видах я побеждал, а в коллективных я бы «тащил» команду ... Это уже получается не спорт, а ведь спорт – это соревнование ...

– Тем более стрельба, борьба, бросание чего-нибудь. – это опять вмешался Скворцов. – Я был на этой Олимпиаде и видел, как Свиридов опережал даже приглашенных профессионалов, ведь некоторые команды любителей так «усиливали» свои составы ...

– Анатолий Иванович, а как вы относитесь к ненормативной лексике? К мату?

– Как культурный человек я должен, я просто обязан относиться к проявлениям ненормативной лексики отрицательно. Но ненормативная лексика в нашей жизни, в нашей культуре присутствует, и довольно вольготно себя чувствует.

– Я прекрасно помню одну из своих командировок, связанной с наладкой оборудования после аварии – у меня в бригаде были слесари из лаборатории разработчиков, и мы много времени проводили вместе на площадке.

– По возвращении в Москву я постоянно ловил себя на том, что я готов разговаривать так, как разговаривали эти ребята – сплошная ненормативная лексика, сплошной мат.

– Да, невысокий культурный уровень – но не у всех. Но во время трудной и ложной работы неформальное общение нередко ведется с использованием мата ...

– Все запреты использования мата к результату не приводят. Существует словарь ...

– Вот бы посмотреть этот словарь! – раздался голос из зала.

– Я говорю о словаре разрешенных слов и выражений для использования в средствах массовой информации, а не запрещенных ... Словарь мата тоже есть, и когда я листал его, то увидел много мне неизвестного!

– А правда, что Лена Долгополова использовала неформативную лексику на работе?

– Она использовала известный из литературы прием: осадить матерщинника его же оружием. И она выдала соответствующую тираду, удивив до невозможности всех монтажников. Я этого не слышал, сужу только по рассказу. После этого при ней никто не матерился.

– А лично вам приходилось использовать мат?

– Да, приходилось. Иногда даже рекомендуют неформативную лексику для снятия нервного напряжения. И при этом вспоминают Дмитрия Менделеева, завязатого матерщинника – тот применял такой прием, и этого не скрывал. А мат есть у многих наших писателей, ставших классиками: у Пушкина, у Солженицина, у Есенина, у Маяковского ...

– А у Скворцова? – раздался ехидный голос из зала.

– От Скворцова я таких выражений не слышал, хотя без сомнения он владеет этим арсеналом ...

– Анатолий Иванович, а что такое НЛО?

– Вопрос! Если отвечать подробно, то нам с вами понадобится много времени. Поэтому я попытаюсь покороче, и с самого конца. С конца – я имею в виду сегодняшнее положение дел.

Свиридов немного помолчал.

– Начнем с того, что неопознанные летающие объекты представляют собой реальные физические объекты, движущиеся в нашей атмосфере. По имеющимся на сегодняшний день сведениям эти объекты наблюдаются уже многие тысячи лет. Эти объекты имеют внеземное происхождение, но адрес владельцев пока неясен, как и назначение. Видимо, объекты разные, и даже с разных планет. Уровень техники этих объектов пока недостижим для нас, и даже понять этот уровень весьма трудно. Функции этих объектов тоже не всегда ясны, но иногда мы можем предполагать их. Это вопрос сложный, излагать все имеющиеся на сегодняшний день данные – долго и сложно.

– Можно отметить, что эти летательные аппараты могут быть беспилотными или пилотируемые автоматами, роботами, и эти роботы могут посещать – и скорее всего посещали нашу планету неоднократно.

– НЛО при попытке нападения могут уничтожить нападающего, такие случаи имели место. Но если не высказывать негативных побуждений, то НЛО ведет себя нейтрально. Это я могу засвидетельствовать лично – в моей практике была

встреча с таким объектом. Объект летел параллельно нашему самолету, истребителю, где в кабине сидел я ...

Зал затих и могло показаться, что в зале никого не было.

– На этом давайте закончим, а если возникнет необходимость, то сможем продолжить ... потом ... В качестве послесловия хочу привести слова одного немецкого астронома и ракетчика. Он сказал во время интервью по поводу НЛО: «Наука стремится к знаниям, а не к правде». Поэтому наук консервативна и недоверчива ...

– Анатолий Иванович, а почему на телевидении столько вранья? Я имею в виду телепередачи ...

– Вопрос и простой и сложный. Простой потому, что телевидение – организация коммерческая, и передают то, за что платят деньги. Ну, за исключением того, что противоречит закону ... То есть за деньги передадут любую лабуду! А во вторых – очень многие сюжеты заказные, созданные специально для оболванивания ... для оболванивания нас с вами!

– И еще есть одно обстоятельство ... Многие из присутствовавших жили в Советском союзе, когда любая информация была государственной, и все привыкли верить в это без сомнений.

– Теперь многим сложно отвыкнуть от этого, и воспринимать информацию критически. И еще – свобода и демократия, а особенно в ее нашем зачаточном состоянии, приводит к настоящему разгулу ... Именно разгулу! Разгулу всевозможных измышлений и бредней, лженаучных умозаклю-

чений и всяческих оккультных школ и сект, и всякой прочей нечисти. Наряду с реальным враньем это тоже заполняет программы ряда телевизионных каналов. Я ответил вам?

ОТВЕЧАЕТ АНТОНИНА СВИРИДОВА

Инициатором проведения вечеров «женских» вопросов и ответов была Елена Геннадиевна Долгополова.

Внешне главный инженер «НИПЦ» казалась гордой и неприступной, но каждый поговоривший с нею хотя бы один раз кардинально менял свое мнение об этой стройной красивой женщине. Елена Геннадиевна была доступна и на работе, и вне ее. Многие познакомились с нею в родильном доме, в яслях, в детском саду, и все убедились в доступности и добродушии Лены ...

Но в производственных вопросах ...

Теперь на щите Дома культуры появилась афиша с надписью: «Вечер женских вопросов и ответов». И приписка внизу – ведет вечер Елена Долгополова.

Народ забурлил, зашевелился, и ящик для вопросов стал наполняться еще быстрее.

И первой на растерзание «женского» вечера – именно так это оценила Тоня – была выставлена Антонина Свиридова.

– Здравствуйте, друзья!

Так начала вечер Лена Долгополова.

Она сидела справа на сцене за маленьким столиком в своем любимом брючном костюме.

Со временем она перестала носить короткие юбки, сводя с ума всех мужчин своими длинными стройными ногами, и перешла на брючные костюмы.

Справедливости ради стоит отметить, что и в брюках она не стала менее привлекательной и соблазнительной. Но ее жесткий нрав знали все и на попытку пофлиртовать с ней мог решиться только впервые ее увидевший.

– Сегодня мы с вами начинаем новый цикл вечеров вопросов и ответов – цикл женский, и отвечать вам будут хорошо известные вам женщины. Сейчас сюда, на сцену, выйдет первая из них, и это будет Антонина Свиридова!

Народ оживился, зашевелился, захолопал и на сцену вышла смущенная таким вниманием Тоня.

– У нас есть большое количество записок с вопросами, но можно начать с вопросов прямо с места. В зале есть микрофоны ...

Сразу поднялся лес рук – желающих было достаточно.

Тоня присела за стол в центре сцены – стол был накрыт небесно-голубой скатертью, отлично гармонирующей с бледно-лиловым платьем Тони.

Долгополова выбрала в зале поднявшую руку женщину, осветила ее лучом фонарика, где-то кто-то включил микрофон и вопрос прозвучал на весь зал.

– Антонина Ивановна, расскажите о себе. Пожалуйста!

– Биографию! – сразу с другого места.

– Вопрос принят! – засмеялась Лена. – Прошу.

– Ну, что же. Биографию так биографию. Я родилась в первой половине двадцатого века очень далеко от Москвы, где-то в Монголии. И в младенчестве попала в детский дом, потому что мои родители были репрессированы и ... и расстреляны. Поэтому их могила у нас на кладбище чисто символическая – где они на самом деле похоронены, неизвестно. Отец был расстрелян там, на Дальнем Востоке, где он служил в погранвойсках, а мама погибла в Сухановской тюрьме ...

Зал напряженно затих.

– Потом школа недалеко от Москвы, спецшкола и длительная заграничная командировка. А с Толей ... с Анатолием Свиридовым мы познакомились давно, когда я еще только кончала спецшколу ... И когда вернулась на Родину, то ... то стала Антониной Свиридовой. Это не настоящее мое имя ...

Тоня помолчала, и зал дисциплинировано ждал тоже.

– А дальше вы все знаете – все тут, у вас на глазах. И наш с Толей сын Гриша, точнее его сын, и Гришина жена Улечка, и наши внуки Верочка и Коленька ... И наши платья, которые я вижу в зале ...

– И мой костюм тоже! – вмешалась Долгополова.

Тоня засмеялась, в зале захлопали.

– Все в зале без исключения знают Антонину Ивановну, видели ее награды, и поэтому прошу ... прошу ненужных вопросов не задавать!

Лена снова светом фонарика выбрала женщину с подня-

той рукой.

– Антонина Ивановна, а где вы так научились шить? Больше половины сидящих в зале одеты в ваши наряды! Спасибо!

– Я училась шить очень далеко отсюда ... Толя, можно?

Это Тоня обратилась к Свиридову, сидящему слева от нее в директорской ложе.

Свиридов кивнул и Тоня продолжила.

– Я окончила специальный ... специальную школу моделирования женской одежды на территории Соединенных штатов Америки. И там продолжила практическую деятельность. А затем, когда вернулась домой и раздумывала – чем же мне заняться, вдруг вспомнила о своем умении шить. Правда, начала с детской одежды – стала шить для Гриши. А теперь ...

Аплодисменты зала.

– Антонина Ивановна, многие не верят, что Гриша – не родной ваш сын. Но отношения в вашей семье вызывают только зависть! Расскажите, как вам это удается?

– У нас в городе мало семей с такими ... с такими нежными отношениями!

– Тонечка, ответь! – Лена остановила желающих дополнить вопрос.

– Отношения в семье во многом зависят от женщины. Эту истину стоит помнить всем, кто строит семью. Стараться сглаживать все шероховатости, не создавать напряженности, быть всегда приветливой и радостной от встречи со сво-

ими домашними! Мужа всегда – я подчеркиваю, всегда! – встречать с улыбкой независимо от своего и его настроения. И налаживать отношения исключительно добротой!

– А Гриша вас принял сразу?

– Конечно нет! Но надо отметить, что он был удивительно терпим. Особенно учитывая, что тогда его мать еще была жива, и он иногда встречался с ней ... встречался под контролем Толи. А полностью он ... Он не смирился, нет, а по-настоящему принял меня после одного случая ...

– Говори, мама, говори! – это подал голос из ложи Гриша.

– Мы в первый раз втроем отдыхали на море. И надо же было такому случиться ... В общем, нам пришлось задерживать диверсантов. И один из них начал стрелять, и я толкнула Гришу в воду, чтобы в него случайно не попали ...

Зал напряженно затих.

– Потом мы Толей задержали двоих, а третий ушел, но Гриша его нарисовал так, что пограничники удивились – Гришин рисунок был точнее фотографии! А я извинялась, что его толкнула, когда в нас начали стрелять ... с тех пор он признал мое право быть рядом с ним и с Толей. А называть мамой стал намного позже ...

– Мама, я тебя люблю! – это Гриша сказал на весь зал.

– Ваш муж часто уезжает в командировки. Он мужчина видный и очень ... очень соблазнительный! Не сомневайтесь ли вы в его верности вам?

– Вы спрашиваете, не изменяет ли мне муж и не сомне-

ваюсь ли я в его верности? Никогда! И в его, и в моей жизни было много всего ... разного. И мы уже так много-много лет не сомневаемся друг в друге. Честность – основа нашей с Толей семьи ...

– Но известно, что у Анатолия Ивановича очень близкие отношения со многими женщинами у нас в городе. И как вы к этому относитесь?

– Так же, как Толя относится к тому, что у меня тоже очень близкие отношения со многими знакомыми мужчинами, и мы дружим все вместе. И наша дружба никогда ... никогда не оскорбляет нашей любви ... С Виктором Скворцовым мы знакомы с первого курса, где они учились вместе с Толей. Он тогда влюбился в меня ...

Гул в зале.

– Да, тогда Витя влюбился в меня, и эта влюбленность сохранилась! И мы дружим. И ценим нашу дружбу – и я, и Витя, и Толя. С Костей Докукиным мы знакомы тоже очень давно, мы познакомились на турбазе на черноморском берегу, и мы там ... мы там ... мы там резвились несколько дней. С Кареном Варданяном мы тоже очень давно знакомы и дружны, с Валдисом Лазарисом встретились ...

Тоня помолчала, и зал напряженно молчал тоже.

– Мы с Валдисом познакомились под настильным огнем из пулемета, а Валдис и Толя отстреливались ...

Гул в зале.

– Ну, а с офицерами Юры Воложанина мы тесно сдружи-

лись ... и с их девочками далеко отсюда, в городе «Солнечном». У меня много знакомых мужчин – и Петя Дормидонтов, и Потап Потапович, и Дима Лопаткин, и молодые мальчишки ...

– Антонина Ивановна, а Анатолий Иванович как-то сказал, что он никогда не поет песен Высоцкого. Неужели и вам он их не пел?

– Пел. Наедине. Это было на берегу озера, никого кругом, и только мы и небо ...

Зал терпеливо молчал, дожидаясь пока Антонина Ивановна справится с волнением.

– А еще он не поет песен, в которых слишком сильно чувствуется личность автора, его жизненная линия. Вспомните, как он поет песни Олега Митяева! Он поет далеко не все песни Олега, а некоторые ...

– Можно мне?

Из кулисы выглянул Виктор Скворцов – оказывается, он все время стоял позади Лены Долгополовой.

– Я вмещаюсь, Лена?

– Ладно уж, раз вылез! Говори!

– Я хотел добавить, что Толя очень чувствителен к стихам. Говорю как автор! И вот Толя говорит, что иногда в хороших стихах чувствует мелодию, заложенную автором. Некоторые песни Митяева Толя пел с текстового оригинала, не зная музыкального исполнения автора, и Олег потом удивлялся. Удивлялся тому, как точно Толя понял его, Олега, и

как прекрасно он создал мелодию – лучше автора, то есть самого Олега. Вспомните!

Зал еще долго пытал Тоню Свиридову, и получал ответы практически на все вопросы.

ОТВЕЧАЕТ ЕЛЕНА ДОЛГОПОЛОВА

Как известно инициатором проведения вечеров «женских» вопросов и ответов была Елена Геннадиевна Долгополова.

Ее хорошо знали не только на фирме под названием «НИПЦ», но и в городе.

Вдобавок Лена Долгополова с некоторых пор принимала посетителей в общественной приемной города, куда многие обращались со своими бытовыми проблемами.

И по отзыву обратившихся к ней жители города узнали, что Долгополова во многом повторяет деловые привычки главного человека в городе – Анатолия Ивановича Свиридова – она решает все вопросы так же быстро и кардинально.

Теперь на ДOME культуры появилась афиша с надписью: «Вечер женских вопросов и ответов: на ваши вопросы отвечает Елена Долгополова».

Справа на сцене зрители увидели хорошо знакомого ведущего «мужские» вечера вопросов и ответов – Виктора Скворцова, который замахал руками, останавливая шум в зале.

– Привет, привет друзья! Извините меня – это ваш жен-

ский вечер, но меня попросили по старой памяти провести это вечер. Поэтому начинаем с вопросов с места. Прошу!

– Елена Геннадьевна, ходят легенды о вашей строгости и твердом характере. Это легенды или правда?

– Правда.

– И вы часто наказываете своих подчиненных?

– Наказания без причины не бывает. Самое главное при этом, чтобы провинившийся понял причину своего наказания.

– А этих провинившихся много?

– Больше спросить не о чем? – вмешался Скворцов.

– Ничего, Виктор Антонович. Каждый спрашивает о том, что его больше всего волнует. Подчиненных у меня достаточно – я главный инженер фирмы, и кроме тех, кто работает здесь, недалеко от Москвы, есть еще коллектив далеко от Москвы в городе Солнечный.

– Там тоже есть «провинившиеся» – Лена так подчеркнула это слово «провинившиеся», что в публике засмеялись.

– Елена Геннадиевна, говорят, что вы после института начали работать у Свиридова. Это правда?

– Правда. Анатолий Иванович делал из молодых специалистов грамотных инженеров. Учил он нас тщательно и строго. Я считаю себя его ученицей, и очень многим ему обязана.

– Он продвигал вас?

– Он выдал меня замуж, он всегда требовал по максимуму, он заставлял решать такие задачки, которые многим бы-

ли не по зубам. И я всегда чувствовала его поддержку.

– Вы главный инженер фирмы, вы мать и жена – как у вас хватает времени на все это?

– Этому я тоже училась и учусь у Анатолия Ивановича. Он успевает везде при несравнимо большем объеме работы.

– А каким образом вы принимаете участие в новых разработках фирмы?

– Вопрос не корректен. Как я могу не принимать участие? Чем же мне тогда заниматься?

– Лена, не обращай внимания на глупые вопросы! – это из лоджии громко крикнула Виолетта Ерцкая. – Как минимум многих наших проектов мы не смогли бы выполнить без Лены, без ее непосредственного участия в самых глубоких аспектах. Например, мы с ней вместе правили руководства для операторов и конфигурацию пультов управления ...

– Я немного приоткрою завесу тайны – чаще всего открытия происходят при мозговом штурме на нашем Ученом совете, а Елена Геннадиевна там весьма квалифицированный и активный член совета. И это чаще всего совершенно секретно! – это уже Виктор Скворцов.

– Елена Геннадиевна, вы весьма красивая и привлекательная молодая женщина. Как вам удается сдерживать активное ухаживание некоторых мужчин?

– Красота далеко не всегда является положительным фактором при общении с мужчинами, и иногда были случаи ...

ОТВЕЧАЕТ ВИКТОР СКВОРЦОВ

Этому вечеру вопросов и ответов предшествовал настоящий военный совет, хотя этот совет был семейным.

Решали проблему – стоит ли идти Виктору на вечер вопросов и ответов или нет?

На совете присутствовали все взрослые члены семейства – кроме Лены и Виолетты там сидели Маша с Даниилом и Елка с Костей.

Сомнение в необходимости выхода перед публикой высказал Виктор.

О том, что несомненно будут скользкие вопросы сказали Лена.

Дипломатично молчали молодые.

– А как ты думаешь, Виола? – спросил Виктор.

– Знаешь, Витюша, я думаю ... Я думаю, что все это не так страшно ... Чего ты боишься?

– А если ему зададут вопрос по поводу двоеженства? – сказал Лена.

– И что тут страшного? Ты, что, не сумеешь ответить?

– Но если начнут хамить ... – проговорил молчавший до сих пор Даниил. – За такое морду бьют, без проблем ...

– Вести вечер будет Свиридов? – спросила Виолетта. – Тогда хамство исключается!

В конце концов решили, что Виктор пойдет на вечер.

И начался вечер с вступления Анатолия Свиридова – это он занял привычное место Скворцова.

– Я приветствую вас, друзья мои! Перед тем, как сюда к вам выйдет Виктор, надо сказать пару слов.

– У него всегда найдется пара слов ...

Это прозвучало из-за кулисы, но все узнали голос Виктора Скворцова.

– Не волнуйся, Витя, я тебе оставлю тоже ... А хочу я сказать ...

Свиридов сделал паузу, и почему-то все насторожились.

– Мы с Витей из разных семей – он из обеспеченной семьи, а я из беспризорников. Это по меркам времени нашего детства. Но были и общие принципы, например, бить обидчика сразу и без рассуждений. Особенно если обидели твою девушку независимо от того, что прошелся с ней ты всего два раза.

Зал настороженно молчал.

– Наша молодость прошла ... Увы! Но принципы остались, и врезать без промедления ...

Все посмотрели на руки Свиридова, а некоторые видели эти руки на тренировке ...

– Чтобы не занимать времени добавлю, что бить морду публично не обязательно, но ... Поэтому некоторым стоит задуматься! А теперь я вызываю на сцену Виктора Скворцова, талантливого ученого, прекрасного человека и моего друга! Встречайте Виктора Антоновича!

И к столу на середине сцены из кулисы вышел смущенный Виктор Скворцов, на этот раз в элегантном костюме с

галстуком, встреченный аплодисментами, а хлопать начали Виолетта, Лена и Тоня из директорской ложи.

– Прошу вопросы из зала!

Свиридов занял свое место за столом сбоку.

В зале поднялась рука, Свиридов высветил поднявшего руку фонариком, включился микрофон.

– Виктор Антонович, а как вы познакомились со Свиридовым? Мы поняли, что вы давно знакомы.

– Прошу, Витя.

– Мы с Толей ... то есть с Анатолием Ивановичем познакомились еще в школе, хотя тогда наша дружба не была такой тесной, как теперь. Затем встретились на первом курсе института. Во время учебы ... да много всего произошло за время учебы! Мы за это время познакомились с нашими будущими женами. Я влюбился в будущую жену Толи ... Анатолия Свиридова, а моя будущая жена влюбилась в Анатолия. Дружба наша продолжается до настоящего времени и прекращать ее мы не намерены. Я ответил вам?

– Следующий! – скомандовал Свиридов.

– Виктор Антонович, вы начальник отдела, заместитель Генерального директора, лауреат, профессор. В какой мере в вашем карьерном росте сыграло знакомство со Свиридовым?

– Вопрос принят! – предупреждая реакцию Скворцова сказал Свиридов.

– Раз Толя ... то есть Свиридов считает вопрос законным,

то я отвечу ...

– Толя, можно пару слов? – это раздалось из ложи, и сказала это Лена Скворцова.

– Слово Елене Петровне Скворцовой!

– По поводу Вити я могу сказать вот что ... Еще во время учебы Толя как-то сказал ... То есть Анатолий Иванович Свиридов сказал, что нет такой задачи, которую не сможет разрешить Витя. Талант Вити был виден еще в институте. Поэтому он достиг многого ...

– Видите, как представила меня моя жена. Поясню. Свиридов пригласил меня сюда, на фирму в качестве специалиста по новым материалам, потом была командировка ... в город «Солнечный», затем работа по созданию новых материалов и по их изучению, потом комплексный отдел с экспериментальными установками, потом должность заместителя Генерального, преподавание ... В какой мере во всем этом сказались знакомство со Свиридовым? Я думаю, во многом. А именно – он знал мои возможности ... Я подчеркиваю – именно возможности, а не способности, и поручал мне ту работу, которую по его мнению я мог выполнять. Что я по мере сил и делал. А оценивать свою работу мне не по рангу ...

– Оценкой работы Виктора Антоновича являются его награды и звания, а о них мы сегодня говорить не будем. Следующий!

– Я хочу предупредить вопрос, который может привести кое-кого к ... к серьезным повреждениям. Скажите, Виктор

Антонович, в вашей большой семье сейчас несколько малышей. А кто сидит с ними?

– Какой хороший вопрос! У нас сейчас среди малышей две мои дочери – дочка моей любимой женщины Виолетты Маргарита и дочка моей любимой женщины Лены Аня. А еще внуки – сын Кости и Елены Скворцовых Александр и сын Даниила и Марии Дубининых Аркадий. Целый детский сад! А со всеми этими малышами возятся мои любимые женщины Лена и Виолетта, моя дочка Маша и наша новая дочка Елка, жена нашего сына. По моим сведениям они различия между малышами не делают, а малыши воспринимают это как должное. Хотя конечно своих родных мам не забывают. И совершенно удивительное дело! Кто бывал у нас, те знают – руководит всей малышней наш с Виолой младший сын Витенька! Он собирает всех маленьких, играет с ними, умывает и приводит на обед, укладывает после обеда спать. Это удивительно! Я очень рад такой большой семье!

– И мы тебя поздравляем! Следующий вопрос!

– Я не могу не спросить вас Виктор Антонович, о той роли, которую вы играете в жизни Виолетты Вадимовны Ерцкой. В ее научной карьере ... Нет, не проталкивание ее я имею в виду! А ее рост. Спасибо.

– Вопрос принят.

– Вопрос о Виолетте в той или иной форме был определен ... Итак, Виолетта Ерцкая. Оператор экспериментальной установки, талантливый экспериментатор и талант-

ливый инженер, человек неординарный и наполненный идеями, сделавший весьма существенные изобретения и открытия, прекрасная женщина, которую я люблю, и у нас с нею уже двое детей. А насчет «проталкивания» ... Да, мы беседуем на научные темы, да, Виолетта советуется со мной ... Но она советуется и с Долгополовой, и с Карцевой, и со Свиридовым, и с Барановым, и с другими ... Помогать – да, помогаю. Проталкивать – нет, не проталкиваю.

– И внутри нашей фирмы «проталкивание» и «волосатая лапа» просто невозможны!

Это громко сказала Маргарита Антипова из левой ложи, но услышал весь зал.

– Благодарю! Следующий вопрос!

– Виктор Антонович, среди новых конструкционных материалов много совершенно уникальных образцов, которые по свойствам находятся вне конкуренции. А каковы перспективы их использования на практике?

– Толя, насколько уместен это вопрос?

– Отвечай в рамках ...

– Раз самое высокое начальство считает возможным ...

Вы понимаете, что иногда свойства настолько уникальны, что бывает очень трудно определить область практического применения. А иногда область понятна, но практическое внедрение затруднено технологическими проблемами ... Например, долгое время не находили широкого практического применения сверхтонкие пленки, а потом появились

аккумуляторы ... А технологию изготовления этих очень эффективных аккумуляторов пришлось ... пришлось по-настоящему изобретать! Но могу сообщить вам, что аккумуляторы далеко не единственное практическое применение этого изобретения ...

– И изобрели, и кое-кто получил звание лауреата, а другие иные награды! – это добавила Антипова, закрывая вопрос.

– Спасибо, Маргарита Семеновна. Следующий!

Скворцов ответил еще на несколько вопросов из зала, потом на вопросы в ранее поданных записках.

Скольких вопросов не было ...

ОТВЕЧАЕТ МАРГАРИТА АНТИПОВА

Маргариту Антипову в городе знали меньше – во-первых, она появилась тут не столь давно, а во-вторых, она практически не занималась проблемами города.

Но интерес к ней был – не только у работающих на фирме, но и у обычных жителей.

Хотя под категорией «обычных жителей» скрывались те, кто может быть непосредственно и не трудился на территории «НИПЦ», но все равно тем или иным способом был связан с его деятельностью. Из тех, кто не был связан с деятельностью «НИПЦ» можно было назвать некоторых пенсионеров, да и то не всех – кое-кто трудился на почте, в магазине, в бассейне. Пенсионеры подрабатывали, это приветствовалось, а зачастую такие рабочие места с неполной занятостью

обслуживали учащиеся из лесной школы, перебравшиеся в город для завершения учебы в старших классах.

Лена Долгополова начала вечер, представила Антипову, выбрала поднятую руку в зале.

– Маргарита Семеновна, а как вы стали Генеральным директором «НИПЦ»? Говорят, что с этим связана какая-то история!

Короткие смешки в обеих ложах – и слева, и справа.

– Я стала Генеральным директором по собственной просьбе.

Оживление в зале.

– Я обратилась к Анатолию Ивановичу с просьбой назначить меня на эту должность вместо Антипова. Валентин Викторович, занимавший эту должность, для этой работы не годился, с работой не справлялся, и Свиридов поручил эту работу мне. Направляясь к Свиридову я предупредила Валентина, и он об этом знал. А затем, через некоторое время меня в этой должности утвердил Ученый совет.

– Маргарита Семеновна, а кто вы по специальности? Что вы кончали?

– По специальности я математик и физик-теоретик, кончала физмат МГУ. Потом еще бакалавриат ... в другой стране ...

– В Америке! – это раздалось из левой ложи, это сказал Свиридов.

– А у вас есть научные труды? Статьи?

– Есть ряд работ на русском языке, но они секретные. А на английском – их у нас не переводили ... – это снова сказал Свиридов.

– Толя, не мешай! Не удивляйтесь, мы с Анатолием Ивановичем на «ты», и знакомы всего на несколько лет меньше, чем он знаком со своей женой!

– А это правда, что вы очень давно знакомы с Антониной Ивановной Свиридовой?

– Правда.

– И что вы много лет ... работали за рубежом?

– Тоже правда.

– И что Варданян сватал вас у вашего собственного мужа?

– Наш брак с Валентином Антиповым был фиктивным, служебным. И когда мы встретились с Кареном, то Валентин благословил наш брак.

– А теперь вы занимаетесь научной работой?

– Маргарита Семеновна член нашего Ученого совета и принимает участие в нашем коллективном творчестве, – это опять вмешался Свиридов. – Я поясню: во-первых, у нас давно установилась практика коллективного творчества, и это плодотворно работает как это ни странно. Во-вторых, наша работа секретна. Могу лишь сказать, что Маргарита Семеновна активно принимает участие и как математик и отчасти как физик-теоретик.

– Спасибо, Толя! Так просто я ответить не смогла бы!

– Как поживает ваш приемный сын? Он научился гово-

речь на русском языке?

– Ванечка уже много слов знает, многое говорит. В детский сад ходит с удовольствием и там обучает ребятшек армянскому языку – там тоже уже много слов знают.

– А это правда, что в вашей сумочке может находиться пистолет?

– Это бывает редко. Надобности нет. Один раз мы взяли оружие для салюта на кладбище ...

ДОХОДНЫЙ ДОМ

Закрытое акционерное общество под названием «Доходный дом» возникло очень давно, когда происходил бурный рост частных коммерческих организаций самого различного типа, активно осваивающих экономическое пространство.

АОЗТ «ДД» было создано тремя физическими лицами, внесшими минимальный на то время пай в уставный капитал – по 10 тысяч рублей. Поскольку пайщики-основатели были связаны семейными узами, то сложности не было, и очень скоро у АОЗТ формально остался один хозяин, действующий от имени других по доверенности.

Первоначально сфера деятельности была обозначена как «обеспечение потребностей населения в высококачественных товарах и услугах», и весь устав АОЗТ уместился на паре страниц. Но последующие собрания акционеров конкретизировало области деятельности и очень быстро акционерное общество приобрело все признаки коммерческого предпри-

ятия «торговый дом» – по действующим юридическим нормам.

«ДД» работало – сперва очень скромно, имея всего двух наемных работников: управляющего и бухгалтера. Это были два нестарых мужичка деревенской внешности, из одной деревни, судимых – но оправданных, выпускников юрфака МГУ, обладающих деревенской хваткой и деловыми качествами.

Аудиторские проверки постоянно подтверждали законность и успешность деятельности «ДД», отмечая постоянное расширение сфер деятельности.

И хотя помещение «ДД» не ошеломляло посетителя богатством и роскошью – две небольшие комнаты на первом этаже Института Картографии и геодезии, общение быстро приводило к прочным коммерческим связям.

Дисциплина и пунктуальность – все договора выполнялись в срок, все платежи совершались без задержки. Но и от контрагентов требовали того же, и не дисциплинированные быстро опадали.

Уставной капитал общества постепенно рос, но с какой быстротой рос оборотный капитал! Общество арендовало старинный деревянный домик в старой Москве – памятник архитектуры, полностью отреставрировало его и поселилось в тихом московском переулке, отвоевав себе два машиноместа поблизости.

А АОЗТ расширяло сферы деятельности. Появилась

небольшая типография, обслуживающая мелких заказчиков, но при случае способная издавать небольшую детскую книжку. Каждую осень АО стабильно сдавало государству десятки сотен тысяч тонн зерновых. Оживило умирающее производство лаков и красок – да не просто оживило, а вдохнуло новую жизнь.

На чужой территории появился небольшой ларек, но живописные краски и другие материалы были там вне конкуренции. Вне настолько, что наезды конкурентов как-то быстро рассосались.

Появился магазин аккумуляторов с внимательными продавцами-консультантами и невиданными аккумуляторами – крохотный аналог батарейки LR06 без усталости крутил вентилятор, и только через неделю на корпусе загорелся красный глазок и запищал сигнал.

В художественном салоне «ДД» арендовал часть торговой площади – не афишируя это – и там продавали дефицитную резьбу по дереву и красочные миниатюры с невероятными сочетаниями цветов. С этого прилавка продукцию сметали сразу – и иностранные туристы, и местные любители.

Небольшая эмблема торговой марки «ДД» появилась на площадке, где продавали голубенькие электромобили совместного российско-японского предприятия.

Да мало ли где еще появлялись знаки «ДД»!

В лихие времена, когда из-под полы продавали кристаллический кремний высокой чистоты и некоторые изотопы, ак-

ционерное общество засветилось и на этих нелегальных операциях и некоторых иных полукриминальных действиях, но когда органы выявляли подобные действия, то оказывалось, что все это производилось под прикрытием и с санкции могущественной конторы.

Далее появились разнообразные технические жидкости от заменителя жидкого моторного топлива до озоностойких амортизаторных, смазочных и герметизирующих составов.

И много еще чего можно купить с маркой «ДД» ...

КОНСУЛЬТАЦИЯ

– Здравствуйте, Владимир Владимирович, Свиридов.

– Здравствуйте, Анатолий Иванович.

– Владимир Владимирович, мне необходима ваша консультация как юриста.

– Чем могу, Анатолий Иванович.

– Я пришлю вам несколько страничек текста. Когда сможете побеседовать – позвоните. Заранее большое спасибо.

Запечатанный пакет Президенту вручил хорошо знакомый ему полковник Воложанин.

На двух скрепленных страничках находилось предложение о создании некоего АОЗТ под названием «Инновационная корпорация СГВС». Создавали АОЗТ четверо акционеров: Свиридов, Гнездилова, Воробьева и Свиридов-мл., вклад которых в уставный фонд составлял по сто тысяч долларов. Задача АОЗТ должна была заключаться в финансиро-

вании различных проектов за счет собственных и заемных средств.

Кроме этого были там наброски устава и прочих обязательных элементов учредительного договора вплоть до создания в составе АОЗТ своего банка под названием «Надир».

Вторая бумага была черновиком особого распоряжения Президента с разрешением – Действительному государственному советнику 1-о класса Советнику Президента генерал-полковнику Свиридову и майору действующего резерва СВР Гнездиловой (Свиридовой) – участвовать в деятельности коммерческого предприятия АОЗТ «Инновационная корпорация СГВС» и использовать для деятельности указанного АОЗТ средства, полученные в результате деятельности А.И. Свиридова в соответствии с секретным постановлением ЦК КПСС и Президиума Верховного совета с такими-то исходящими реквизитами.

Третий документ бы обращением в Роскомимущество с просьбой передачи в полное хозяйственное управление АОЗТ усадьбы Орлова-Денисова (Ф.Ротопчина, Б.Лубянка 16) с обязательством проведения за счет собственных средств полной реконструкции усадьбы и двух флигелей по проекту Архнадзора с последующей передачей левого флигеля для размещения там банка «Надир» и передачей остальных помещений Минкульту РФ.

На небольшом листке от руки Свиридов написал:

«Я рассматриваю все это как возможность применения внебюджетных средств и расширении сфер их приложения.»

– Анатолий Иванович, я посмотрел и одобряю ваши новации. С чего думаете начать?

– С Хабаровска и скоростных катеров. Лизинг судов для Москвы.

– Можно небольшую фантазию для разрядки?

– Как считаете, Сергей Кожугетович? Слушаем вас.

– Некоторые одиозные личности типа Авакова любят неожиданные внезапные проверки. Приезжает такой «фрукт» поздно вечером к своему кунаку, гуляют, а рано утром устраивают набег на боевую точку с инспекцией. И дают приказ на обстрел.

– Вот инспектор примчался на минометную батарею, а там одни трупы – зарезаны или застрелены. И склад мин неподалеку от позиции взрывается, и никаких следов.

– Хлебнув для храбрости инспекторы мчатся к позиции танков – там тихо, танки с задранными люками. На стук не отвечают, попытки вскрыть люки приводят к взрыву такой силы, что танковая башня отлетает метров на двадцать.

– Это не фантазия, а вполне реальная картина. Берусь сделать в любое удобное время.

– Да-а, Анатолий, с тобой не соскучишься! Как, Владимир Владимирович?

– Насколько я помню непонятные взрывы гранат в закры-

том танке уже были ...

– Анатолий Иванович, что вы думаете о Ковальчуке?

– О котором?

– О Михаиле Ковальчуке.

– Михаил Ковальчук талантливый и весьма энергичный ученый, специализирующийся на кристаллографии. И настолько увлеченный этой тематикой, что он подгребает под себя ... прошу прощения – захватывает организации, тем или иным образом причастные к этой тематике. В Курчатовском институте его интересуют ускорители, позволяющие повысить разрешающую способность электронной визуализации структуры кристаллов, а остальное его не интересует, и он эти направления прикрывает. Но всемерно развивает любые направления, так или иначе связанные с кристаллографией в самом широком смысле слова вплоть до белковых молекул и других сложных органических структур.

– Все его устремления направлены на развитие кристаллографии и новых направлений исследования и практического приложения. Остальное его практически не интересует кроме систем управления наукой – управления в том направлении, которое он считает правильным и единственно верным: вещество без жесткой структуры с рентгеноструктурным анализом. Все более высокие частоты, все более высокое разрешение, все более богатая информация о веществе вплоть до структуры белков, до расположения атомов – а это

уже создание лекарственных средств.

– Как человек с точки зрения личностных характеристик Михаил Ковальчук тоже очень энергичный и активный ученый, рассматривающий внешний мир как зону своего влияния в своих личных целях. А личные цели переплетаются с научными интересами и как диктатор или единоличный руководитель Ковальчук в зону своего воздействия включает различные научные структуры, полезные для кристаллографии – конвергенция, которую он пропагандирует.

– Слабо упорядоченные структуры – белки и другие неупорядоченные структуры вплоть до отслеживания хода химических реакций, именно туда устремлены помыслы Михаила Ковальчука. Он либо мирным путем добьется привлечения новых научных структур, либо путем разрушения существующей Академии наук и создания новой Академии кристаллографии.

– Самое интересное состоит в том, что многие идеи Ковальчука независимо от него пытаются экспериментально попробовать Виолетта Ерцкая, и у нее намечаются некоторые успехи. По крайней мере несколько образцов мы передавали для исследования в Протвино, и получили уникальные результаты. А Ковальчук активно способствует строительству новых установок для исследования структуры вещества – мы, кстати, участвуем в создании новейшего ускорителя в Гатчине ...

– И как использовать этого уникально ученого?

– Дядя Толя, почему ты не играешь в шахматы?

– Если коротко, то на доске 64 клетки и всего 32 фигуры.

Все войско – это 16 воинов! Это маловато, да и все возможные комбинации известны ...

Но на этом тема шахмат не закончилась.

– Дядя Толя, а почему ты не играешь в шахматы? При твоей памяти это было бы весьма интересно!

– Нет, Владик, не интересно. Ты ведь встречался с сотрудниками отдела «К» комитета ... У них имеется отдельный компьютер с полным набором программ компьютерных игр – всех, которые известны, в том числе шахматных, и против одной из них не устоял даже чемпион мира ...

– Ты играл с этой машиной?

– Играл. Машина выиграть у меня не смогла – несколько ничьих было, но в большинстве случаев выигрывал я.

– Ты играешь лучше ЭВМ?

– Не всегда. Но я всегда могу прочесть программу в машине, а это реальный выигрыш.

– Вам звонит генерал Свиридов!

– Анатолий Иванович, здравствуй.

– Здравствуй, Серей Кожугетович! Мы начинаем изготовление стволов под калибр 30 мм, стволов повышенной прочности. И боеприпасов этого калибра. Нам нужен военпред, знающий эту продукцию, на завод в Сибири ...

– Стволы для чего? Подобное вооружение у нас выпускают разные предприятия.

– Стволы для спарок и для шестиствольных автоматов – только сами стволы. А боеприпасы по вашему желанию в том числе тяжелые. Наши тяжелые.

– Тяжелые? Я что-то слышал, но не помню. Напомни.

– Наши тяжелые боеприпасы хорошо справляются с броней, даже пистолетные. А 30-ти миллиметровые по пробивной способности соответствуют 80 – 100 миллиметрам обычного бронебойного снаряда.

– Обедненный уран?

– Нет, чище и тяжелее. Дай хорошего инженера – мы ему жилье дадим, детишек устроим.

– Пришлю к тебе – поговори. Дай ему для меня материалы по своим тяжелым ...

– Анатолий Иванович, я собираюсь проехать по нашей железнодорожной ветке на нашей дрезине. Электродрезине!

– Елена Геннадиевна, я с большим удовольствием прокачусь с вами! Сообщите время.

Электродрезина была переделана из старой мотодрезины, и получился очень компактный вагончик плюс грузовая площадка с краном.

Свиридов, Долгополова, ее заместительница по транспорту молодая и амбициозная Лейкина и вновь назначенный начальник участка железной дороги с технической фамилией

Шестеренов устроились в кабине, а не в салоне – отсюда летящая навстречу блестящая колея была видна как на ладони.

– И сколько там?

– Шестьдесят километров в час. Думаю, это будет средняя коммерческая скорость трамвая.

– Остановки?

– Пассажиры – колхоз, дачная, завод, военная, далее метро. Время будем тестировать. Товарные – Москва-товарная, машзавод, дачная, колхоз и завод домостроения.

Дрезина прощелкала стрелки у машзавода и около воинской части и ровно понеслась к Москве ...

– Какие впечатления от пробного рейса нашей электрички? Как водители?

– Анатолий Иванович, все в порядке! Оба водителя в один голос говорят, что управление составом не очень удобно. Особенно экстренное торможение вызывает неудобства ... А сама трасса оказалась без замечаний, средняя скорость шестьдесят километров, максимальная до восьмидесяти. Пассажирский маршрут с учетом остановок состав проходит за 29 – 30 минут.

– Можно начинать пробную эксплуатацию? Тогда командуйте, Елена Геннадиевна.

– Толя, днем к нам приходил Сандал. Поиграл с Максимом, фыркнул на кошку, передавал тебе привет.

– Он один приходил, щенков с собой не приводил?

– Нет, он был один. Он пытался что-то сказать, но мы же не понимаем. К сожалению.

– Он мне сообщил, что посетил вас, и одобрил семью Максика. Я получил его мысленную передачу. И еще он поблагодарил за бутерброд! А еще Сандал отметил, как быстро растут Верочка и Коленька.

– А нам он этого не сказал!

– Но спасибо же сказал за кусок хлеба с колбасой!

Свиридов много лет пытался понять причину приступов у Тони.

Они отдыхали на изолированном от всех участке берега.

Тоня снимает босоножки, садится на влажный песок.

Кругом стремительно разбегаются всякие рачки и сороконожки, уплывают от берега медузы. Тоня сбрасывает футболку, шорты, трусики и мягко ныряет в воду – вода ласковая, нежная, осторожно поддерживает тело.

© ©

Пусть тебе приснится

Пальма-де-Майорка,

В Каннах или в Ницце

Ласковый закат.

Или та тропинка

В роще вдоль пригорка...

Свиридов пел негромко, вполголоса, но так проникновенно, что Тоня перевернулась на спину и протянула ему руки ...

В квартире Иванищевой в Сколково раздались три слитных удара стеклянной пробкой о край графина, и через пару минут из двери спальни вышел Умаров, запахивая халат.

– Излагай! – спокойно сказал он Свиридову.

– Учитель! Я понял причину припадков у Тони! Это угрызения совести от того, что она не может иметь детей. Не может ощутить тяжесть новорожденного, почувствовать его пальчики и губы на своей налитой молоком груди ...

– Постоянная внутренняя связь психологической установки и сознания. Я эту связь разрушил у нее в сознании, но ... Как вы считаете, Учитель, правильно ли я сделал? Не может это навредить Тоне?

Из двери за Умаровым вышла Иванищева, завернутая в простыню.

– Толя, руки прочь от моего ... от моего ... от моего мужчины!

Каждую неделю Тоня Свиридова отправлялась к отцу Исидору – иногда одна, иногда с Гришей или Улей.

– Тонечка, ты когда с отцу Исидору собираешься? Твоя хозяйственная сумка уже ожидает тебя у меня под столом.

Тоня брала Гришину «восьмерку» и ехала в колхоз.

Машину она останавливала на площади между рынком и новым зданием Универмага и дальше шла пешком.

Отец Исидор встречал ее привычным «Будь здрава, дочерь моя!», а Тоня так же привычно просила отца Исидора принять добровольные пожертвования на церковь.

И пачки денег из хозяйственной сумки Тони перекочевывали в тумбочку отца Исидора, а потом превращались в какие либо полезные вещи в церкви – обновленную кровлю, новую проводку, укрепленные ступени или отсыпанную и прикатанную дорогу к церкви ...

Свиридов выделял деньги на нужды церкви и ежемесячно фиксировал это суммы в своей общей тетради в «кладовочке» – эти суммы менялись в зависимости от нужд церкви.

Тоня на обратном пути обязательно заходила на рынок и в Универмаг, и без покупки никогда не уезжала. И еще без разговоров – местные ее хорошо знали и всегда находился желающий с ней побеседовать ...

– Олежек, выслушай меня ...

– Что-то случилось? Почему ты дрожишь, милая?

Катя Бганцева дрожала крупной дрожью и не могла успокоиться.

– Выслушай меня ... пожалуйста ...

Олег хотел обнять Катеньку за плечи.

– Олежек, не надо! Выслушай меня ... Мне страшно ... я не могу понять, почему ...

– В любом случае не дрожи. И успокойся. Я внимательно слушаю тебя.

– Пожалуйста спокойно выслушай ... мне страшно ... но я больше не могу ...

– Или успокойся ... или помолчи ...

Олег очень осторожно прикоснулся к сознанию девушки. И почувствовал смятение и обрывки воспоминаний – как ее похитили какие-то отморозки, как ее выручил Свиридов, как общительный молодой человек катал ее на лошади, а потом они купали лошадей и она без смущения раздевалась перед ним, а это был Гриша ... А потом Олег, Олежек, Олеженька ...

– Если ты будешь так дрожать, то я ничего не пойму. Успокойся. Ты только помни, что я тебя люблю.

Девушка перестала дрожать, но залилась слезами.

И сквозь слезы стала рассказывать Олегу про свое похищение, о котором ей не советовали даже вспоминать, про дядю Толю, про Гришу и про лошадей на озере ...

И Олег старался успокаивать ее, и внимательно слушал вздрагивающий голос плачущей девушки, которая для него так много значило.

И Катя понемногу успокаивалась, и даже начинала удивляться своему страху.

Кого она испугалась? Своего Олега, Олежку, Олеженьку, которого она любила и которому безгранично доверяла? Что на нее накатило?

– Анатолий Иванович, у вас как я слышал был проект с Вадимом Тумановым? И как?

– Да, команда Туманова построила у нас новую взлетно-посадочную полосу. Работали нормально, без эксцессов.

– Что за человек Вадим Иванович?

– Человек много переживший, но не озлобившийся. Энергичный, деятельный, талантливый руководитель.

– Имеет ли смысл привлечь его к делу?

Ресторан Курана назывался «На берегу Куры» и внешне выглядел очень скромно.

Скромная вывеска, не бросающаяся в глаза, окна-витрины с горными пейзажами (производства Гриши Свиридова, о чем Куран даже не знал), стильная деревянная дверь с надписью «Добро пожаловать!».

Рядом с этой дверью была дверь на верхние этажи с двумя очень скромными надписями: «Юридическая помощь. Недорого!» и «Недвижимость для всех».

Свиридов появлялся в ресторане очень редко, чаще всего тогда, когда его вызывал Куран.

Куран, или Игнат Семенович Куранов, разительно изменился, довольно умело управлял рестораном, дисциплинированно отчитывался перед Свиридовым о доходах и расходах и без нужды его не дергал.

Сегодня Свиридов материализовался в предбаннике по-

жарной лестницы и вошел в зал в виде «юриста» в модном бежевом костюме, модных громадных роговых темных очках и с темным париком с короткими волосами цвета темной меди.

И увидел за столиком в зале Галину Борисовну и Чулпан Наилевну – они сидели и обедали. Чулпан подняла глаза, повела взглядом по залу и чуть заметно вздрогнула – в импозантном мужчине она своим артистическим глазом узнала ... Свиридова?

Свиридов неприметным движением поднес палец к губам и прошел к своему столику – этот директорский столик помещался сбоку, у стены, и там его ждал Куран.

Куран встал навстречу Свиридову, двумя руками пожал ему руку, жестом пригласил к накрытому столу. Тут, рядом с Кураном, Хаматовой не было видно Свиридова, но зато теперь его было видно Волчек.

– Часто к тебе заходят артисты из «Современника»?

– Почти каждый день. И еще иногда звонят из театра и просят зарезервировать зал для труппы – это у них бывает часто. Я некоторым выдал льготные карточки, обедают со скидкой.

– Не разоришься? Большую скидку даешь? Много карточек выдал?

Оказывается, Куран, который жил буквально рядом с театром и никогда там не бывавший, вдруг стал театралом и стал посещать все премьеры!

Чулпан сняла со спинки стула сумочку и направилась в туалет, а Свиридов шагнул в дверь, ведущую за кулисы, но оказался перед Чулпан в узком коридоре перед туалетом.

– Спокойно, Чула, я Дубровский!

– Ой, Толя, ты меня так напугал! И этот маскарад!

– Так надо! Будь здорова и не болтай!

И Свиридов исчез, еще больше испугав Хаматову.

Но в зал она вернулась спокойная и ничем не выдала «приключения в коридоре» ...

– Свиридов, мне нужно еще три блатных пропуска в твой ресторан!

С этого начался разговор с Николаем Константиновичем Ефремовым, остающемся неизменным куратором Свиридова в ФСБ.

Свиридов достал из кармана три картонки с логотипом ресторана и синими вензелями – такая карточка давал владельцу свободный вход в ресторан в любое время суток.

– Как дела в ресторане? Не разорился еще?

– Это с какого перепуга? Мы даже прибыль получаем с моим компаньоном!

– И большую прибыль? Не поделишься?

– Моему компаньону хватает. А делиться – такого уговора не было.

– Шучу, шучу. Там место удобное, хотя и посольство рядом, и церковь, и налоговики ...

– Именно поэтому и удобное – столько всякого народа шагает.

– Согласен. Там над рестораном еще два этажа? Что там?

– На втором юридическая контора и подпольный гинекологический кабинет.

– Как подпольный?

– А так. Контора сдает часть своей площади в субаренду врачам-гинекологам, а те работают без вывески, и думаю, без разрешения. Аборты, восстановление девственности, анонимные услуги.

– А выше?

– Выше агентство недвижимости, и они тоже сдают в субаренду часть площади отделу фьючерсов торговой фирмочки. И те, и другие работают без вывесок и ведут себя тихо, не высовываются.

– У тебя нет поэтажного плана? Там над аркой нет соединения с соседним зданием?

– Там нет соседнего здания, это одно здание. Проход на втором этаже заложен капитально, а на третьем просто заложены две двери.

– Значит, в принципе возможен проход по лестнице с другой стороны арки?

– Для этого кроме удаления контор нужно будет оформить перестройку в БТИ.

– Это сложно?

– Тысяч сто – двести и пара месяцев. И пара месяцев и

еще пол-лимона на строительные работы под то, что будет нужно там создать.

– Приходи ко мне с планом верхнего этажа, подумаем.

– Слушаюсь, Николай Константинович. А что делать со вторым этажом? Там народ всякий, и с точки зрения конспирации ненадежный.

– Ты как всегда бежишь впереди паровоза! Молодец!

И Свиридов пришел к генералу Ефремову с чертежами и дело завертелось.

Юридическая контора и агентство недвижимости получили весьма престижные помещения, а их неофициальные субарендаторы просто исчезли после непонятного визита с недвусмысленными предложениями.

Строители работали очень быстро и слаженно, как всегда у Свиридова, и Куран только удивлялся в очередной раз таким способностям своего одноклассника.

И на третьем этаже образовалась гостиница со скромными, но очень комфортабельными номерами и своими собственными лестницами – их было четыре. Две из них располагались по разным сторонам арки в здании и выходили на улицу, третья лестница – это был так называемый черный ход старого здания, а четвертой была пожарная лестница, расположенная в дальнем углу помещения ресторана, и эти две последние лестницы выходили во двор.

Таинственные постояльцы этой гостиницы могли питать-

ся едой из ресторанной кухни или даже спускаться в зал ресторана, обслуга гостиницы была своя, но главной проблемой оказалось вынудить персонал ресторана молчать.

И эту проблему Свиридов решил со свойственным ему изяществом – он собрал всех, включая Курана, и на свойственном московской шпане языке популярно объяснил им, что их ожидает в том случае, если они хоть чуть-чуть развяжут языки.

Практически все хорошо знали авторитет человека, разговаривающего с ними, а кто не знал – тем популярно пояснили, и все уяснили всю важность предупреждения.

И никто не интересовался – кто там и что происходит на третьем этаже, и вообще есть ли в доме третий этаж?

А на втором этаже открылся – вполне официально! – спортивный салон с тренажерами, душевыми, массажными кабинетами и всем прочим, но действующий без вывески, но доступный всем.

Сюда приводили друзей, а те приводили своих знакомых, и быстро все места были разобраны, и образовалась группа постоянных посетителей со своим расписанием, появился штат тренеров, массажистов и медиков, занимающихся воспитанием здоровых людей.

Всей необъятной жизнью этой части здания руководил Игнат Семенович Куранов, который подчас забывал свою кличку «Куран» и изменился кардинально, чему удивлялся сам ...

И дом зажил своей собственной жизнью, и когда генерал Ефремов приехал посмотреть, что там соорудил генерал Свиридов, он был искренне удивлен увиденным, и генерал Свиридов получил очередную благодарность конторы – причем даже с занесением в личное дело ...

– Дементий Кузьмич, за что выпьем?

За столом в новой квартире около Ботанического сада за роскошным столом сидели четверо: Дементий Кузьмич Белоглазов, его супруга Евгений Павловна, Анатолий Иванович Свиридов и его супруга Антонина Ивановна.

– Давай за твое новое назначение? Или за новоселье?

Генерала Белоглазова назначили инспектором инспекторской группы при Оперативном управлении, и в его планах уже была поездка в качестве ХХХХХХ на плановых учениях в южном округе.

– Нет, давайте выпьем за здоровье моей любимой жены Женечки!

– Женя, твое здоровье!

– Евгения Павловна, за вас!

– Тонечка, мы с тобой договаривались!

– Прости, Женя!

Стол ломился от всяческих вкуснейших блюд, шеренгой стояли бутылки.

– Женя, как вкусно! Твое мастерство хозяйки – вне конкуренции. За тебя выпили, ха назначение Кузьмича выпили.

Но ведь у нас новоселье. За новоселье, за вашу счастливую жизнь в Москве!

– Слушай, Анатолий ... Вот чья это квартира? Расквартирование предлагало мне трешку повторным заселением на Кутузовском ... Квартира большая, но место шумное, трасса ... Эта квартира даже поменьше, но место уж очень хорошее. Так чья эта квартира?

– Твоя, Кузьмич, ваша с Женей! И с Викой – когда она приезжает?

– Вика прилетает через три дня ...

– А каким образом квартира наша?

– Так вы ее купили! Завтра к вам зайдет риелтор Федор Константинович, и вы с ним оформите все документы. Вы купите эту квартиру.

– Так ... И дорого?

– У Федора Константиновича будут все документы, и подписанная купчая ...

– Толенька, что ты смотришь?

Тоня переодевалась, когда тихонько открылась дверь из кабинета Свиридова и он вошел в их спальню. Конечно, он входил сюда свободно, без стука – а вот к нему в кабинет Тоня стучалась.

Это было естественно – его кабинет был служебным помещением, где он мог принимать посетителей, и вмешиваться в его работу никто даже не помышлял.

– Я люблюсь тобой! Ты так прекрасна ...

– Ты не забыл сколько мне лет? А вот ты все еще мужчина молодой, в самом соку ...

– А ты? Ни капли лишнего жира, и вообще ...

Тоня неспешно одевалась.

Свиридовы в последнее время все чаще замечали, что их сверстники почему-то стареют, и это хорошо заметно. Старели Виктор и Лена Скворцовы, старели Грачевы, старели Мари и Валдис Лазарис, старели Баранов, Карцева, Дормидонтов, Лопаткин, Потапович – те, с кем Свиридов начинал создание фирмы.

Старели многие другие ровесники Свиридова, а вот он оставался таким, каким его привыкли видеть лет десять назад.

– Толенька, почему мы не стареем?

– С одной стороны это крем, с которым я тебя массирую, но есть что-то еще ... И я могу только предполагать о причинах такого феномена ...

То, что Свиридовы не меняются с возрастом, заметили многие – вопросы об этом задавали только самые близкие, а остальные просто не рисковали.

Например, Костя Докукин на правах старинного друга спросил об этом Тоню.

Тоня посмеялась, кокетливо улыбнулась Косте и спросила:

– А разве Любаша стареет? Мне кажется, что она не ме-

няется и по-прежнему прелестна!

А Лена Долгополова, которая была заметно моложе мужа, замечала и не хотела замечать возрастные изменения у Потапа, и он оставался для нее таким же самым достойным и желанным мужчиной в ее жизни.

Александр Баранов и Елена Карцева старели дружно, и так же дружно все крепче привязывались друг к другу.

Петр Дормидонтов так и остался неженатым, хотя близкая женщина у него была.

И они не скрывали своих близких отношений.

Дмитрий Лопаткин не обладал таким постоянством, и близкие отношения с женщинами у него длились, как правило, недолго.

Но надо отдать ему должное, со всеми своими женщинами Дмитрий оставался в прекрасных отношениях, и все его женщины дружили и составляли его близкий дружеский круг ...

– Здравствуйте, Анатолий Иванович.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович.

– Что можете сказать по поводу пожара на газовозе в Атлантике?

– Пожар начался на трех газовозах. На первом неожиданно образовались четыре газовых фонтанов, и они загорелись – это было странно и страшно! Этого просто не могло быть, но фонтаны горели! Команда испугалась и они покинули корабль, и уже с рации на спасательном ботике подали сигнал

SOS!

– Вы казали о пожарах на трех газовозах?

– На втором газовозе пожар начался по правому борту – показалось, что это из-за утечки газа из танков. И при этом взорвался газовый блок двигателей, чего тоже быть не могло. За несколько минут огнем была охвачена почти вся палуба, и команда испугалась взрыва и тоже покинула корабль.

– И третий?

– Третий газовоз взорвался по неизвестной причине и начал тонуть, ложась на борт. Огня не было, но когда корабль лежал на боку над ним взорвалось газовое облако, смяв борт судна. И все это происходило в прямой видимости с заднего газовоза, и там включили всю систему пожаротушения на полную катушку, не дожидаясь аварийной ситуации.

– И как это могла произойти? Одновременно?

– Очень похоже на диверсию. Но тогда у последнего газовоза осталось не так много времени до аварии. Да, спутник показывает, что с четвертным газовозом что-то происходит! Похоже на взрыв, но взрыв объемный, что так же невозможно при том уровне безопасности, что заложили проектировщики. Пока больше подробностей мне неизвестны.

– Боюсь, что подробностей не будет ... Но если будут, то сообщите..

Заседание Совета безопасности было эмоциональным и шумным.

Бестолковым.

– Почему молчит генерал Свиридов?

Все головы повернулись в сторону Свиридова, по своему обыкновению сидящему в самом конце стола.

– Да мать вашу .....

Все онемели – эта комната никогда не слышала такого изощренной ругани, да и многие из присутствующих не слышали такого мата, улавливая лишь отдельные понятные им словечки вроде «блин олады», «нихерим хуху» или «ангидрит твою ...» и «еперный театр».

Свиридов ругался долго, без спешки и со вкусом.

– Анатолий Иванович, здесь же дама!

Растерянно вставила сидящая за столом женщина с высокой прической.

– Нет здесь дам, есть только государственные деятели!

– Согласен. – очень негромко произнес сидящий в торце стола мужчина и замолчал.

Все головы повернулись в его сторону.

– Я согласен с оценкой Анатолия Ивановича. А по существу?

– Я записал семнадцать пунктов по ходу нашего обсуждения. Из них пять пунктов требуют немедленного решения ...

И Свиридов в своей обычной неторопливой манере, доходчиво и аргументировано начал перечислять многое из уже перечисленного, но в его словах показавшегося новым и очень важным ...

В конце заседания Президент поблагодарил присутствовавших и все встали и устало потянулись к выходу.

Свиридов перехватил даму и стал что-то говорить ей.

Та сперва слушала очень напряженно и неприязненно, затем стала слушать более доброжелательно, заулыбалась.

Кончилось тем, что дама смущенно зарделась и погрозила Свиридову пальчиком ...

– Тонечка, я так устал от этих начальников, что мне нужно поспать ...

– Спи, милый. Я покараулю.

Свиридов повернулся к Тоне спиной и она укрыла его, прислонясь к его спине.

Она знала, что Свиридов сложил руки на груди каким-то особым образом, и не дай бог разбудить его неожиданно – разбудивший может отлететь очень далеко.

Он спал спокойно, и Тоня караулила его сон.

Он пробудился – Тоня почувствовала это! – и повернулся к ней.

И через некоторое время она уютно устроившись у него на плече и касаясь губами его шеи слушала его негромкий голос.

– Они на меня навалились вдвоем – Владимир Владимирович и Сергей Кожугетович, и стали меня пытаться. А что такое интересное я видел в Тибете? А что я узнал о будущем?

– И что же такого интересного им рассказал?

– Практически ничего нового – для них. И еще я поделился с ними афоризмом: будущее нужно не подсматривать, а прогнозировать. А потом меня попытался пощупать старый лис Антон Эдуардович Вайно – руководитель администрации Президента. Он занялся оформлением нового Советника Президента в ранге Действительного государственного советника Российской Федерации 1-го класса Свиридова Анатолия Ивановича.

– Возникли какие-то сложности?

– Сложности? Да там анкеты похлеще наших старых советских, на многих страницах! А я первым делом на их чистом бланке сверху сделал надпись: «Совершенно секретно особой важности» – вдобавок к шапке «Секретно».

– И как этот Вайно?

– Он был готов к чему-то подобному, и мы с ним довольно быстро поладили и оформили все нужные документы ... Но документов было много и даже неожиданных для Антона Эдуардовича.

– Чем же ты его удивил?

– Парой листков ознакомления с моими особыми полномочиями. Распечатал прямо там с флэшки и дал ему подписать. При все его прибалтийской сдержанности он почти открыл рот!

– Скушал?

– А куда ему было деваться ... Но папочка с моим личным делом получилась солидная ...

– Да еще им понадобилась моя фотография для личного дела – пришлось фотографироваться ...

– Принеси карточкуц ...

Позже в личном архиве Тони появилась фотография мужа в военной форме и при всех его наградах – это производило впечатление!

– Тонечка, придется нам с тобой посетить великосветскую тусовку!

– Да неужели ты согласился на такое?

– Это тусовка особая – ее устраивает Джохан Поллыева.

– Та самая?

– Да, та самая. И публика там будет соответствующая. Возможна даже Пугачева.

– Как же мне одеться? Чтобы выглядеть рядом с советником президента ...

– Это мне нужно выглядеть рядом с тобой ...

Тоня очень волновалась – они со Свиридовым на тусовки не ходили, тем более на великосветские. А тусовка у Поллыевой была более чем великосветской!

Тоня в струящемся светло-сером платье в пол с розеткой из яшмы и Свиридов в безукоризненном вечернем костюме с бабочкой под цвет ее платья были великолепны.

Он подвел Тонию к группе мужчин, роящихся вокруг высокой дамы в нежно-лиловом наряде.

– Джохан, дорогая, позволь представить тебе мою жену,

Антонину Ивановну Свиридову!

– Тоня!

– Джохан. Мне приятно познакомиться с женой такого человека, как Анатолий!

Женщины недолго разглядывали друг друга, а потом их рукопожатие было по-мужски крепким.

В зал старинного особняка вошла примадонна – это стало ясно сразу.

– Я приветствую тебя, драгоценная Джохан! А это кто такой?

– Здравствуй, Алуся! А это Анатолий Свиридов!

– Ну, привет, Толик. Да не толкай меня! – это уже Максиму, толкающему ее под локоть.

– Ничего, что я тебя на ты? Я ведь много старше тебя!

– Не извольте беспокоиться, Алуся! Хотя если быть точным я родился на несколько лет раньше!

– Да не может быть!

– Тем не менее ты молода и прекрасна, Алуся! А это моя жена Антонина! Привет, Максим!

– Здравствуй, Антонина! Если хоть чуточка из того, что рассказывают про твоего мужа – правда, то ...

– Про моего мужа рассказывают столько всяких небылиц

...

Аллу Борисовну отвлекли, со Свиридовыми поздоровался Галкин.

– Анатолий, ходят упорные слухи о твоём концерте в те-

атре «Современник». Говорят, что ты поешь любые песни, на разных языках и даже чисто женские ... О том, что ты поешь, говорят не только в «Современнике». Был еще закрытый концерт для ветеранов спецслужб ...

– Видишь ли, Джохан, как известно у нас ничего надежнее слухов нет. Это самый надежный и достоверный источник информации ...

– А что ты поешь?

– Все.

– Что ты споешь нам? Я приготовила гитару.

– А банджо нет? Я спел бы песню тexasской глубинки, о которой мне рассказала моя подруга – это песня ее детства.

– Извини, банджо нет. Спой по своему выбору ...

Гитара была неплоха, Свиридов проверил струны.

Полыева свистнула как мальчишка.

– Тишина! Слушаем моего друга Анатолия!

Свиридов заиграл неизвестную мелодию, заиграл сразу, без «бренчания» и пристраивания к инструменту.

© ©

Я закрою глаза,

Я забуду покой,

Я прощаю тебя,

Я прощаюсь с тобой.

Я запомню твой смех,

Обещай, что во сне

Легкой тенью на миг
Ты вернешься ко мне.

Голос Свиридова легко перекрывал немалый зал и
небольшой гул голосов.

Непритязательный текст в его исполнении приобретал
глубокий смысл, к нему обернулась Пугачева.

© ©

Я во сне закричу,
Что не чувствую боль.
Только ты мне не верь,
Только так я живой.
Я закрою глаза,
Я открыл тебе мир.
Я прощаюсь с тобой,
Только ты мне не верь.

Постепенно публика собиралась вблизи поющего Свири-
дова

© ©

Я закрою глаза,
Я любил в тебе тень,
Я прощаюсь с тобой,
Только ты мне не верь.

Я во сне закричу,
Что не чувствую боль,
Только ты мне не верь,
Только так я живой.
Я закрою глаза,
Я забуду покой,
Я открыл тебе день,
Я прощаюсь с тобой.
Только ты мне не верь.

– Максик, ты не знаешь откуда эта песня? Ты тоже не слышал?

Окружающая Свиридова публика негромко интеллигентно аплодировала.

– Анатолий, спасибо. Но говорили, что ты поешь известные песни лучше популярных исполнителей. Кстати, откуда эта песня?

Свиридов молча пожал плечами.

– Антонина, ты не знаешь?

– Знаю. Через пару лет этот фильм увидят зрители. Его еще не сняли ...

– Да-а?

– А что-нибудь, что требует голоса ты исполняешь? – обратилась к Свиридову Пугачева.

– Я попробую. Джохан, можно воспользоваться инструментом?

Свиридов подошел к роялю в углу зала, открыл крышку, тронул клавиши.

– Вполне приличный инструмент.

Пугачева фыркнула.

Свиридов заиграл что-то незнакомое, но явно песенное

© ©

Помянем,

братья,

тех,

кто мир

собой

закрыл;

Про личный

свой успех

для нас

навек забыл.

Помянем их мольбой,

чтобы

простили те,

Кто нас

не взял с собой, оставив

на земле.

Тоня внутренне вся дрожала – Свиридов никогда не играл на рояле.

И, во-вторых, слова были явно женские ...

Спохватилась и Пугачева – но Свиридов пел серьезно, не копируя чужого голоса, и вкладывая в слова чувства женщины, страдающей и ждущей ...

© ©

Верните
память,
вернитесь
сами!

Я отмолю
вас всех
слезами!

Земля и небо
слились навечно -

Как это больно,
бесчеловечно.

Тоня понемногу успокаивалась – рояль под руками Свиридова звучал уверенно, но откуда?

Полина и Олег постоянно держали канал связи со Свиридовым, и Олег мысленно <играл> за Свиридова – сперва полностью, потом лишь частично: он с удивлением почувствовал, что Свиридов начал сам попадать пальцами куда надо, и мало того, он уже вел мелодию!

Это было так удивительно, что все находящиеся на связи «мальчики», мысленно поддерживающие Олега, тоже удивлялись и радовались.

А в помещении появилась новая гостья – высокая, красивая.

Она с удивлением прислушалась к голосу Свиридова:

© ©

Помянем их
стократ –
и рюмкой,
и слезой;

И горечью
наград за их
прощальный
бой.

Помянем,
стоя все,
склонившись

над травой -

Они ушли туда,
где свет
стоит за мглой.

Свиридов играл в две руки – правая вела мелодию, а левая, на басах, вела аккомпанемент. Это отметили все, владеющие инструментом, и в первую очередь Пугачева.

А голос ... голос жил, страдал, звал ...

© ©

Протянем
Руки к тем,
глаза чьи
слёз полны;

Чей дом
осиротел
от ужаса беды.

Помянем их,
прошу,
помянем миром их -

Погибших
за Страну,
за честь
и за своих.

Повторяя последний куплет Свиридов слышал голоса негромко вторящих ему мужчин.

– Анатолий, ты молодец! – первой зааплодировала Джо-хан.

– Анатолий Иванович, сердечное спасибо вам! Я не ожидала, что эти стихи так можно спеть ...

– А ты Толик, совсем непрост! – подошла Пугачева. – Говорят, ты колоратурой владеешь?

– Алла Борисовна, моего мужа зовут Анатолий Иванович. Повторить?

И столько силы было в голосе Тони, что ...

– Маша, познакомься! Анатолий Свиридов.

– Мария. – Захарова вспомнила: этого человека в генеральской форме она видела около Президента. – Мы где-то виделись?

– Анатолий. Я там в паре мест ... немного ...

– Анатолий Иванович, уж что-что, а я такого от вас не ожидал! – это подошел почтенный господин, которого Свиридов помнил по работе над Уставом РАН.

– Как это ты, Алуся, Анатолия сразу на ты?

– А как еще мне его называть, Джо? – так иногда Алла

называла Джохан. – У меня имя и ордена!

– Не видела ты его в форме и с наградами! Язык бы прикусила ...

– Или проглотили бы! – вмешался почтенный господин.

– Алла, не связывайся! Тут мафия! – вмешался Галкин.

– Макс! Ты не прав по всем фронтам! Во-первых, Алла несъедобна, да и сама сожрет кого хочешь. А во-вторых, здесь все так хорошо к ней относятся!

– Гости дорогие, не пора ли закусить?

Фуршет был скромн – рюмочка или бокал, выпечка явно профессионального происхождения.

В углу зала заиграл небольшой квартет.

– Потанцуем? – Свиридов предложил Тоне руку.

И они первыми пошли танцевать, и это было удивительно красиво – оба с белоснежной седины головами, удивительно слаженны движения ...

– Герман Борисович, вы не знаете – откуда она?

– Знаю только, что она занимается моделированием одежды ...

– Алуся, ты обещала нам спеть!

– Да, конечно. Но у меня нет второго голоса ...

– Я могу!

– Нет, Максик, не сегодня. Анатолий ... ты как, потянешь?

– Варум ден нихът! Почему бы и нет, Алусик!

Проглотив «Алусика» Пугачева села за рояль и долго пристраивалась, прилаживалась.

© ©

За тобой не закрывая дверь,

Я живу уже который год,

Она начала с хорошо известной концовки популярного фильма, автором которой была хозяйка дома.

© ©

И с тех пор отсчёт

Моих
нечаянных
потерь

Остановленный
кого-то ждёт.

Свиридов перехватил мелодию без всякого промедления, и его голос не разошелся с аккомпанементом. И Пугачева приняла это совершенно естественно.

© ©

Опять метель,

И мается
былое
в темноте.

Опять метель,

Две вечности
сошлись

В один
короткий день,

Короткий день...

Пугачева начала высоко, а Свиридов с чуть заметным отставанием, но без усилия стал вторить ей, не форсируя звук.

© ©

Ты меня не ведая,
прости,

На пороге долго
не томись,

Ведь теперь
у нашей

повторившейся любви

Станет
сроком
давности
вся жизнь.

Он сел рядом с Пугачевой и положил руки на клавиши.
Пугачева еле заметно кивнула ему.

И Свиридов в полную силу голоса так, что звякнули под-
вески у люстры запел припев:

© ©

Опять метель,

И мается
былое
в темноте.

Опять метель,

Две
вечности

сошлись

В один короткий день,

Короткий день.

Повтор они пели вдвоем в унисон, и их голоса ничем не уступали друг другу.

© ©

Опять метель,

И мается

былое

в темноте.

Опять метель,

Две вечности

сошлись

В один

короткий

день,

Короткий день ...

Они одновременно сняли руки с клавиатуры.

Пугачева повернулась к Свиридову.

– Мне нет дела до твоего консерваторского образования!

Пообещай мне спеть со мной еще хотя бы раз. Хотя бы раз ...

– Обещаю! – и Свиридов передал Пугачевой свою визитную карточку – визитную карточку адвоката.

Тут в зал вошел мужчина с военной выправкой в камуфляже, в до блеска начищенных берцах, и подал Свиридову телефон.

– Свиридов. Здравствуйте.

– Да.

– Да.

– Мы с женой в гостях у Джохан Реджеповны.

– Обязательно.

– Да.

– Да.

– Незамедлительно. Желаю здравствовать!

– Нет, что вы!

– Обязательно. До свидания.

Свиридов отдал телефон Воложанину и шепнул ему «едем!».

– От кого привет, Анатолий? – прощаясь спросила Полыева.

– От него. – Свиридов показал вверх. – От ВВ.

Они вышли.

Свиридов помог надеть Тоне меховую шубку, накинул полушубок.

– Юра, ты не замерзнешь?

– Что вы, Антонина Ивановна! В машине тепло.

Блестящая машина, крякнув на прощание спецсигналом, рванула от подъезда усадьбы и понеслась по дороге, притормаживая на поворотах. От перекрестка перед ней понеслась к городу полицейская «канарейка» с включенной люстрой ...

– Джо, а кто такой ВВ?

– Это Владимир Владимирович ...

– Кто!?!

А в телефоне Захаровой с отключенным вызовом тихо задрожал сигнал.

Она взяла телефон, нажала кнопку ответа ...

И вздрогнула – динамике телефона зазвучала только что слышанная песня. Ее песня ...

В переулке напротив ворот московской площадки «НПЦ новых технологий» висела вывеска «Юридические услуги для всех». Сперва сюда обращались жители ближайших переулков, затем слава этой фирмы разнеслась и дальше – здесь не брали денег с пенсионеров, ко всем относились очень вни-

мательно, а помощь была реальной, действенной.

Самое интересное было в том, что сложные и запутанные дела рассматривал адвокат по фамилии Свиридов, слава о котором быстро разнеслась сперва по ближайшей округе, а затем и дальше. А в судах, где иногда выступал адвокат Свиридов, его вспомнили и стали относиться с большим вниманием, а иногда откровенно боялись.

Причины для осторожности были вполне реальными – оказалось, что этот адвокат мог запросто «посадить в лужу» самого опытного обвинителя, добывая непонятным способом доказательства и свидетелей в пользу своего доверителя.

Информированность адвоката Свиридова в нормативной документации ставили в тупик не только рядовых адвокатов, но и опытных судей, поэтому аргументация этого адвоката не подвергалась сомнению.

Известно, что Свиридов проходил практику у авторитетного адвоката – Генри Резника, и того иногда «пытали» – интересовались его мнением о Свиридове.

И получали восторженные отзывы с рассказами о выигранных Свиридовым процессах.

Но Свиридов выступал в судебных заседаниях весьма и весьма редко, и даже принимая посетителя со сложным делом Свиридов нередко передавал ведение дела своим помощникам – юристам из числа офицеров отряда полковника Воложанина.

Из последних адвокатских дел юриста Свиридова можно

выделить два – они были особенными.

Первое ... но оно было настолько скандально-личным, что о нем мало кто знал.

Второе дело было связано со скандальным процессом делжки материального объекта – конефермы.

После смерти пожилого отца завещание обнаружено не было, и практически брат и сестра должны были наследовать все хозяйство поровну. Но брат заниматься реальными делами не привык, доверил все сестре. И они договорились делить пополам прибыль, хотя это было несправедливо.

Но сестра согласилась – она с детства занималась с лошадьми, конюшной, выездкой.

А брат продолжал бездельничать, менять женщин, мало обращал внимания маленькой дочери, неожиданно появившейся у него, пока не попал в руки жесткой и деловой самки.

И они – брат и его новая жена – приехали к сестре, и брат потребовал свою долю в наследстве.

К Свиридову это дело попало по знакомству – Николай Владимирович Бганцев оказался близким знакомым отца этой женщины, и ее банкиром.

И он позвонил Свиридову и бесконечное число раз извиняясь попросил ...

Из разговора с Николаем Владимировичем, а затем с заводчицей и владелицей конюшни, Свиридов многое понял и выяснил расстановку сил.

После этого в ходе бесед с обиженной сестрой была раз-

работана стратегия взаимоотношений с братом, а Свиридов начал постоянный мониторинг событий.

Для начал сестра жестоко обидела брата заявлением, что ему придется подавать на нее в суд, требуя раздела имущества.

И такое судебное заседание состоялось – после соответствующей подготовки его молодой деловой женой и амбициозного адвоката. Тот согласился, тем более что Свиридов нигде не засветился, и его участия в процессе не предугадывалось.

– Ответчица, вы согласны с иском требованием о разделе имущества в равных долях?

– Да, согласна. У меня вопрос к истцу.

– Истец, ответьте на вопрос ответчицы.

– Для того, чтобы оценить половину имущества необходимо произвести оценку. Поскольку инициатором судебного заседания был ... был мой брат, то я считаю правильным возложить бремя оценки на истца.

– Истец, вы согласны?

– Да, ваше честь, я согласен. Мы уже произвели такую оценку. Стоимость наследственного имущества составляет 358 тысяч долларов США.

Ответчица удержала рванувшегося адвоката.

– Я согласна с названной истцом суммой. Таким образом ему и мне причитается по сто семьдесят шесть тысяч. Прошу истца подтвердить эту сумму.

– Я подтверждаю! – закричал взволнованный брат.

– Я не претендую на спорное имущество. Поскольку сумма названа, то я считаю справедливым, если истец возьмет на себя труд принять имущество в натуре и выплатит мне оценочную половину стоимости этого имущества.

Истец не нашелся от неожиданности что ответить, не нашелся и адвокат – Свиридов, незримо присутствующий в зале, сделал соответствующее усилие, и судья ударил молотком.

– Рассмотрев обстоятельства данного гражданского иска суд решил. Требования истца удовлетворить. Спорное имущество передать истцу, реализовать и выплатить ответчику сумму в размере, эквивалентной ста семидесяти шести тысяч долларов США. Решение окончательное и обжалованию не подлежит!

Ошалевший братец и его жена после заседания догнали ответчицу, загородили ее от других и попытались ей угрожать, но не учли, что рядом невидимый стоит Свиридов с видеокамерой. И соответствующий иск появился незамедлительно, и к нему почти сразу прибавился еще один – неугомонная супруга нашла бугаев и подговорила их напасть на сестру.

Нападение не удалось – Свиридов был рядом, все было отснято, признания нападавших попали на стол следователя, и понеслась ...

Но это еще был далеко не конец истории.

Совсем скоро появился иск о неэффективном управлении имуществом, о нанесенном коммерческом ущербе, о принудительном изъятии имущества у собственника и выплате суммы ущерба. Только вот ущерб был определен реальным оценщиком, произведшим заодно полную оценку имущества. Полная оценка имущества оказалась намного меньше заявленной ранее, и когда из половины оценочной стоимости имущества вычли сумму ущерба, то оказалось, что сестра должна брату выплатить совсем чуть-чуть больше прежней ежемесячной выплаты, которую она раньше выплачивала ему.

Вдобавок брат получил два года условно за угрозы, а его жена – пять лет за организацию нападения вместе со своими поделниками, и немалых усилий стоило выговорить ей условное наказание.

После этого случая о юристе Свиридове вспомнили, стали опасаться его участия и более внимательно относительно к процессам ...

Женя Кульченкова пребывала в раздумьи.

Она очень любила это состояние творчества, когда прекрасно знаешь предмет раздумий, но еще не знаешь как об этом написать.

Четыре дня в городе прожили Олег Митяев и Марна Есипенко. Олег дал два концерта здесь, в Доме культуры и еще у машиностроителей и в колхозе, а Марина выступала с твор-

ческими вечерами.

И Женя раздумывала о том, какую статью она напишет в ближайший номер многотиражки – так по привычке продолжали называть городскую газету.

У Жени в папке уже лежали отпечатанные фотографии с концертов – Митяев, Митяев с девушками, Митяев со Свиридовым – оба с гитарами, Митяев и Есипенко, одна Марина в строгом черном костюме, Марина в лесном лагере с детишками, Марина с местными певицами ...

Женя уже знала, что она даст в тексте всего две фотографии, и даже заглавие полосы в газете родилось из строк песни, цитату из которой она уже выбрала.

Концерт Митяева длился больше трех часов, и во время концерта Олег общался с залом, рассказывал различные истории. В качестве второй гитары рядом с ним на сцене сидел Свиридов, а затем постепенно к ним присоединился весь состав ансамбля «Живой звук».

Несколько раз из ложи к Митяеву присоединялась Марина, а потом сбоку появился весь состав бек-вокалисток в белоснежных костюмах.

© ©

Когда на сердце покоя нету,

Когда оно промозглым днем чего-то ждет:

«Крепитесь люди, скоро лето!»

К нам наше лето обязательно придет!

Женя повторяла про себя строки, выбранные ею для первой статьи – она чувствовала, что одной статьей ей не отделаться.

А на другой день вечером зал Дома культуры снова ломился от зрителей – с творческим отчетом выступала супруга Митяева ведущая артистка театра Вахтангова Марина Есипенко. А Олег в этот вечер давал концерт в городе машиностроителей, и Свиридов со своей гитарой был там.

Марине аккомпанировал Олег Ерлыкин, и делал это мастерски.

На следующий вечер Олег снова выступал в Доме культуры – народ снова ломился на концерт, и Митяев не обманул ожидания зрителей – он практически не повторял предыдущего концерта, если только по просьбам зрителей, и в этот раз многие песни они пели вдвоем со Свиридовым ...

Женя дошла до редакции и открыла свой ноутбук.

На следующий день в газете появилась большая статья Евгении Кульченковой о концертах москвичей, а в студии звукозаписи образовалась очередь на диски с записью состоявшихся концертов.

А с каким восторгом Олега и Марину встречали детишки в лесной школе!

Свиридов не называл свои поездки командировками – это слово было из внешнего лексикона. Даже в разговорах с Тоней Свиридов почти никогда не использовал слово «командировка» – он говорил поездка.

И такие поездки на Кавказ, в горячие точки для Свиридова не были чем-то из ряда вон выходящими – он часто туда отлучался, один или с командой офицеров, просто так для сбора информации или для проведения мгновенной боевой операции.

И после такой отлучки у офицеров команды полковника Воложанина появлялись боевые награды, а у Даши Огородниковой (которая Волжанина) появлялись седые прядки.

Ее Юрочка успокаивал жену, целовал ее, целовал Федю и Алёну, убирал в тумбочку около кровати тяжелый пистолет ...

На этот раз Свиридов отправился в горы на территории Чечни практически наобум – информация была совершенно непонятной, но тревожной.

Информация была несколько невероятной – якобы существовал секретный центр, где готовили запрограммированных террористов путем целенаправленного воздействия на мозг человека. Координаты этого центра известны не были, и Свиридову нужно было найти его – если такой центр реально существовал ...

И Свиридов отправился на Кавказ.

Свой поиск гипотетического центра зомбирования и обучения террористов он начал с поиска специальной аппаратуры, сведения о которой давно кочевала по популярным изданиям. Но Свиридов опирался не на эти не всегда надежные сведения, а на совершенно надежную развединформацию, которой он располагал.

Поэтому поиск был целенаправленным и быстро привел к положительным результатам – местоположение ультразвуковой аппаратуры, обычно применяемой для воздействия на человеческий мозг, было обнаружено.

Опустившись в коконе Свиридов начал поиск входа в подземные помещения центра, скрытого в склоне горного массива. Вход был хорошо замаскирован, и найти его помогли выходящие двое охранников с американскими «Стингерами» – гостей наземных тут не ожидали из-за неприступности склона.

Но для Свиридова крутизна склона препятствием не была, и он невидимым стал путешествовать по туннелям центра – помещения охраны были полны вооруженных бородачей, неярко освещенные туннели разветвлялись и не были снабжены указателями. Но это не помешало Свиридову найти главные помещения, которые тщательно охранялись и скрывались за металлическими створками ворот.

Так как проникновение сквозь преграды для него не представляли затруднений Свиридов двинулся дальше, мысленно отмечая те помещения, которые следовало затем взорвать,

и наконец нашел лабораторию. В лаборатории, разделенной прозрачными перегородками на ряд отсеков, было много всевозможной аппаратуры, стояли ложементы с креплениями и кучами датчиков на разноцветных кабелях, а в одном из отсеков шла работа. На ложементе, прикрепленный белыми лентами, лежал смуглый мужчина, и на его голове размещались разноцветные датчики с проводами, уходящими в виде толстого кабеля в соседний отсек.

В соседнем отсеке сидели двое бритых белых мужчин, наблюдая за экраном монитора и регулируя некий прибор, к которому они прикасались очень аккуратно.

Свиридов знал, что существующая аппаратура позволяет воздействовать на мозг человека, создавать управляемых запрограммированных террористов и убийц, и затем управлять этими людьми путем воздействия на третью сигнальную систему посредством обычного телефона, телевизора или кодированным речевым приказом.

Именно поэтому первым делом Свиридова было обнаружение и изъятие рабочей документации с описанием метода и кодировки для управления объектом.

А потом объект по неизвестным причинам взлетел на воздух ...

Звонок был неожиданным.

Мари позвонила Свиридову по фирменному сотовому телефону.

– Я слушаю, Мари.

– Вам звонят по спецсвязи, командир!

Обращение «командир» Мари использовала чрезвычайно редко, только в особых случаях

– Соединяйте!

Вечером Свиридов предупредил своих домашних, что отлучится на несколько дней, а Тоне сказал о том, с чем столкнулись наши на австралийском континенте.

– Там в делегации несколько сотрудников разведки под прикрытием как массажисты, корреспонденты, тренеры. Наши спортсмены жалуются на непонятки – вдруг сбой ритма, слабость, потеря настроения на победу. В общем чувствуют постороннее вмешательство в психику. Предполагают организованное целенаправленное вмешательство в психику спортсменов, и именно наших. Мой знакомый ничего конкретного обо мне не знает, но просит о помощи. Надо слетать ...

И Свиридов неожиданно появился в комнате своего знакомого, чем вызвал сильнейший ступор. Пришлось выводить Всеволода – так звали знакомого – с помощью коньяка, и в больших дозах.

Это помогло, и наконец Всеволод смог говорить.

– Слушай, Толя, это что-то ужасное! Жалуются все! Человек собирается, настраивается, мобилизуется, выходит на старт – и ... И все – ничего не получается, ни настроения, ни мобилизации сил, и идет вперед только на привычке от тре-

нировок! И многие ничего потом не помнят – не помнят, почему не выкладывались, почему снижали темп, теряли ориентировку. Все по неизвестным причинам, но бывают последствия – слабость, иногда головная боль ... Помогай, Толя!

– Вот тебе мое прикрытие – я массажист-травматолог! С дипломом!

– Это прекрасно! Давай выпьем! За твое здоровье! За твои успехи!

Свиридов быстро ознакомился с программой соревнований, с расстановкой спортсменов в командах, с болевыми точками ...

– Кто завтра выступает? Давай, быстро знакомь меня с твоими коллегами!

С учетом мощного психологического воздействия Свиридова его появление было встречено без особого удивления, и он тем же вечером приступил к работе.

Массаж прыгунье с шестом проходил нормально, если не считать, что Свиридов снял всю нужную ему информацию из сознания прыгуньи. И не только снял, но и постарался внедрить ей уверенность в собственных силах, и вдобавок присовокупил некоторые элементы защиты от постороннего вмешательства в ее сознание.

А утром он присутствовал при общем медицинском осмотре, где его представили всей команде – это представление прошло спокойно и даже весело, именно так настраивал

всех Свиридов, тем более что кое-кто непонятным образом вспомнил Свиридова.

В униформе, в темных очках и фирменной бейсболке он появился в зале, и устроился рядом с тренерами. Сканируя зал Свиридов быстро обнаружил то, что искал – группу сильнейших экстрасенсов, изготовившихся к мысленному «нападению» на российских представителей.

Для полного сканирования этой группы Свиридову понадобилось около минуты – никто из этой группы и не подумал защищаться, считая себя неуязвимыми.

Для начала Свиридов поставил защитный экран над выступающими россиянами, который препятствовал преступной группе воздействовать на их сознание.

Девушка прыгнула, взяла контрольную высоту, и довольная отошла к своим вещам.

Свиридов сканировал группу экстрасенсов, определяя наиболее уязвимое место в их информационном поле. Для устранения двух из этой группы особых усилий даже не требовались, но Свиридов пока выжидал, изучая остальных.

Оставался последний, а тем временем выступали другие участники соревнований, и экстрасенсы отдыхали – это было даже на руку Свиридову.

– Толя, сейчас вторая попытка у Вероники! – шепнул ему на ухо Всеволод.

– Знаю. Помолчи.

Свиридов усилил действие защитного экрана и не напрас-

но – экстрасенсы мобилизовались и их мысленный сигнал значительно возрос.

Но экран работал, и одновременное сканирование сознания Вероники доказывало это. Она уверенно разбежалась, взлетела и перевалила через планку.

А Свиридов в импульсе «ударил» по всем экстрасенсам сразу, и видел – а не только чувствовал – что его удар достиг цели.

Экстрасенсы дернулись, а двое даже упали в проход между сиденьями, и начали протирать глаза. В их информационном поле Свиридов уловил невероятный разброд, смятение и страх от непонятных ощущений.

Не дожидаясь пока они опомнятся, Свиридов нанес дополнительный «удар», дополнив его воздействием на пищеварительную систему, и это подействовало сразу – один за другим экстрасенсы бросились из ложи.

Это не укрылось от внимания Всеволода.

– Слушай, а что это с ними? Ты не знаешь? Нет, нет, я молчу!

В этот день экстрасенсы в зал не вернулись и соревнования прошли спокойно.

А Свиридов сверившись с графиком соревнований и побеседовав с тренерами стал обследовать суставы бегунов с барьерами.

И поскольку делал это он с улыбкой, с разговором и очень мастерски – по отзывам бегунов – то его воздействия на пси-

хику спортсменов не смог заметить никто. Но такое воздействие было, и с обратной связью. Именно так характеризовал этот процесс Свиридов – он старательно вникал в информационное поле, знакомился с мыслями и установками каждого, а потом каждому индивидуально «давал» установки на следующий день.

Вечером после отбоя в комнате Всеволода собрались те, с кем можно было говорить без особых умолчаний. Оказалось, что Свиридов знаком не только с Всеволодом – он вспомнил и его вспомнили. Среди тренеров был человек, который знал боксера Свиридова, другой встречался с судьей международной квалификации по борьбе Свиридовым, третий видел стрелка-стендиста Свиридова, а кое-кто был из «своих», под прикрытием.

Были и просто вменяемые и разумные люди без предрассудков.

Поэтому разговор был почти откровенным, с планированием будущих достижений и защитных мероприятий.

В числе защитных мероприятий предусматривали не только противодействие чуждому воздействию, но целенаправленное воздействие на сознание отдельных участников соревнований.

– Толя, а насколько это реально? Извини, но тут все свои, и болтовни не будет!

– Надеюсь. Я попробую, но насколько это сработает ... Для существенного результата одноразового воздействия

мало, но будем работать ... Как по-вашему, кто обладает наиболее восприимчивой психикой?

Свиридов задержался на соревнованиях до финала, и к нему стали проявлять интерес представители иностранных спецслужб. Как правило, представители таких служб присутствуют на всех соревнованиях и вычисляются достаточно быстро.

Свиридова стали все чаще фотографировать, пытаться разговорить, выяснить владение им иностранных языков. А поскольку в базах данных уже содержались фотографии Свиридова, снятые во время его сопровождения Президента, то его быстро вычислили.

И всего одна достаточно серьезная структура сумела объединить образ массажиста, сопровождающего Президента и участника конференции в Индии по молекулярной модификации.

Но на этом любопытствующие даже успокоились – они посчитали Свиридова неопасным, но совершенно напрасно.

Экстрасенсы оправились от его первого «удара» и вернулись в зал, и вновь попробовали воздействовать на российских спортсменов.

Свиридову понадобилось осуществить еще один «удар» по их сознанию, значительно более мощный, и этот удар вывел экстрасенсов из строя надолго. По крайней мере до конца соревнований эти «специалисты» не появились, но заинтересованным лицам связать это со Свиридовым не удалось.

И Свиридов улетел домой вместе со спортсменами, так удачно выступившими в большинстве квалификаций, на что многие из них даже и не помышляли.

А участники этой истории нигде и ничего не рассказывали

...

– У нас с Сергеем Кужугетовичем возникли вопросы.

– Слушаю вас.

– Если возникнет крайняя необходимость военного вмешательства в известной вам местности, то что вы можете предложить нам с учетом ваших специфических ... специфических возможностей.

– Примерно так. Несколько ящиков гранат ... разных. Пара лимонок в люк танка, или лимонка и пара гранат типа РГД. И так все танки в этой местности.

– Транспортеры? Орудийные точки? Авиация?

– Транспортеры можно будет поразить ракетами из ручного гранатомета. Прислуга орудий поражается из стрелкового оружия. Самолеты уничтожаются либо на стоянке аэродрома, либо в полете.

– И все из невидимого источника?

– Да. Надеюсь американцы им еще не поставили станции для обнаружения моего «кокона».

– Есть и такие?

– Есть. Я уже с этим сталкивался. Но есть и меры противодействия.

– Вы примерно представляете ... представляете театр военных действий. Что можно ждать после ... после вашего вмешательства?

– Через двадцать – двадцать пять часов воевать будет нечем. И некем ... Но шуму будет много!

Свиридов не уточнил, что в случае необходимости будут задействованы два невидимых «кокона» с системами противодействия обнаружения с «экипажами» по пять человек и с полным боекомплектом ...

– Что вам требуется для того, чтобы реализовать все это?

– Политическая воля и ваш приказ, товарищ главнокомандующий!

Однажды из своей «командировки» Свиридов принес домой странный сверток.

Он отнес его в свой кабинет, а после ванны, позднего обеда, укладывания спать детей позвал Тоню к себе.

Он стал разворачивать сверток, и под грубой парусиной оказался потертый скрипичный футляр. Тоня замерла – в футляре, завернутая в кусок алого бархата лежала скрипка, и рядом с нею смычок.

– Это Гварнери. – почтительно сказал Свиридов, вынимая скрипку.

– Где ты украл ее?

– Я ее спас. Через несколько минут она бы сгорела вместе с домом. Но спасти ее хозяина я не смог ...

– Ты подаришь ее Аркадию?

– Да, я хочу подарить эту скрипку ему. Но без подробностей. Я даже не знаю, кто был последним владельцем этого раритета, хотя узнать это не трудно. Но этот человек достоин уважения – смотри, как он уважал свой инструмент.

– А если это был коллекционер, а не скрипач?

– Нет, он играл на ней! Смотри, смычок наканифолен, натянут.

Свиридов коснулся струн и они издали негромкий чистый звук.

– И струны настроены!

– Аркадий с ума сойдет от радости!

– Но пусть пока скрипка полежит в шкафу, подарю чуть позже ...

– Где же ты украл ее, милый?

– В Испании, – чуть слышно, касаясь губами Тониного уха, шепнул Свиридов.

Аркадий Аскадский, скрипач-самоучка, неизменный участник всех выступлений ансамбля «Живой звук», надолго потерял дар речи.

Сперва, когда Свиридов еще только разворачивал сверток, вынимал явно неновый футляр, на внутренней стороне крышки которого виднелась полустертая надпись: «X Gvarneri», он еще как-то реагировал на окружающую обстановку.

Но когда его руки развернули бархат и коснулись скрипки

Аркадий стал недосыгаем для окружающих.

– Толя, что ты сделал с Аркашей? Что ты ему дал?

– Валюша, я принес ему скрипку Гварнери.

– Гварнери? Да где ты взял ее?! Это же ... это же ... я понимаю его ... это же невозможно!

– Уймись, Суковицина. Можешь потрогать сама. Только осторожно, он сейчас опасен!

Аркадий трогал скрипку, гладил ее и губы его шевелились.

Наконец он взял смычок, приложил скрипку к плечу и коснулся смычком струн.

Скрипка отозвалась нежным громким и чистым звуком, и Аркадий просиял, и заиграл что-то сложное, с аккордами и переходами ...

– Теперь это надолго ... Свинтус, он даже не поблагодарил тебя, Толя!

– За такую скрипку благодарить нельзя. На ней нужно играть.

– Где ты взял ее? Ведь это величайшая ценность, у нас в консерватории, наверное, мало у кого есть такие.

– В консерватории по моим данным настоящей Гварнери нет. А у твоего Аркаши теперь есть!

– Спасибо тебе, Толя! Я понимаю, что это подарок бесценный! Дай, поцелую тебя!

Когда Аркадий в первый раз принес эту скрипку на сцену, то все собрались около него и разглядывали скрипку и ахали

от удивления.

– Это я подарил Аркадию! – раздался сзади голос Свиридова. – И пожелаем ему успеха с этой скрипкой!

И каждый старался хоть немного прикоснуться к этой древней скрипке, и желал успеха Аркадию.

Скрипка попала в хорошие руки – и она, и Аркадий относились друг к другу с большим уважением и любовью, Валентина ревновала Аркадия к скрипке. Но убираясь дома она касалась футляра очень осторожно, удивляясь себе сама – откуда у нее появилось такое уважение к древности?

А скрипка, казалось, распевалась, становясь податливее смычку, легче поддаваясь руке скрипача, радуя слушателей богатством и чистотой звука ...

ИЗ ЗАПИСЕЙ ЖЕНИ КУЛЬЧЕНКОВОЙ

Генерал Анатолий Иванович Свиридов заинтересовал Женю Кульченкову с первой встречи, когда он прилетел в их заброшенный и всеми забытый гарнизон и организовал эвакуацию всего личного состава.

Женя оказалась в последнем самолете, увозившем офицеров в Москву.

В последнем ряду в хвосте самолета устроился Свиридов с сопровождающими его офицерами, и Женя тогда подошла к ним.

– Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться! Старший лейтенант Кульченкова!

– Слушая вас, старший лейтенант.

– Я сотрудница местной газеты – пока она выходила ... Вы первый человек, который здесь не пользовался лозунгами, высокими словами о долге и чести, не давал завлекательных обещаний, а занялся конкретным делом. Я не знаю, когда и где я буду писать, но не взять у вас интервью было бы просто преступно.

– Даже преступно ... Поди ж ты!

И Свиридов попросил офицеров потесниться и дать место даме.

– Я ничего не знаю о вас, товарищ генерал ...

– Начнем с того, что зовут меня Анатолий Иванович. Вы – Евгения Анисимовна или просто Женя. Теперь можно продолжить.

– Хотя бы несколько слов о вашей биографии.

– Нет, Женя. В газете, где вскоре вам придется работать, вам кратко и доступно ответят на этот вопрос. Поэтому давайте следующий.

– Но мне же не за что зацепиться! Вы из МЧС? Вы из управления ракетных войск? У вашей формы нет нашивок!

– Знаете, погоны на камуфляже тоже бывают далеко не всегда – зачем врагу давать дополнительную информацию. Пробуйте далее?

– Пробовать? Значит вы сознательно играете со мной? – Жене стало еще интереснее. – Вы занимаетесь этим по должности или по велению сердца?

– Я попросил Президента поручить мне это ...

– Президента ?... Вы запросто общаетесь с Президентом?... Кто вы, генерал Свиридов?!

– А из вас выйдет толк, Женя. Давайте пока ограничимся этим, мне нужно побеседовать с полковником ...

Ни один номер городской многотиражки, прибавивший еще одну сдвоенную страницу – полосу на языке газетчиков – не обходился без материала Евгении Кульченковой.

Очень часто половину полосы занимал материал об одном из жителей города, причем до такой публикации об этом человеке знали только самые близкие знакомые.

Зато после публикации все окружающие удивленно смотрели на этого человека совершенно иными глазами – кто бы мог подумать?

Женя беседовала со многими жителями города около «НИПЦ» что недалеко от Москвы – этим термином широко пользовались не только в официальной документации, но и в просторечии.

Беседа с Таисией Архиповной Савостьяновой оказалась весьма интересной, и Женя записала ее очень подробно.

В этой беседе заинтересованность Жени вполне совпала со словоохотливостью Таисии Архиповны, и Женя узнала многое из истории города, о первом коменданте и самом Свиридове.

Павел Тимурович Большаков – полковник, разжалован-

ный за расправу над персоналом концентрационного лагеря, который с ходу захватили солдаты его дивизии, ветеран и инвалид, был первым комендантом города и сделал очень много для обустройства создаваемого города ...

Таисия Архиповна Савостьянова – гражданская жена Большакова, с самого начала занималась сиротами из лесного интерната, и это позже вылилось в создание своеобразного «общежития», где жили сироты, учившиеся здесь, в городе, учащиеся разнообразных профессиональных училищ.

Кроме этого на втором этаже первого жилого корпуса нашли место и служебные квартиры сотрудников интерната (или лесной школы) и зарезервированные квартиры для гостей фирмы.

И о чем бы Женя на разговаривала с Таисией Архиповной всегда разговор получался о Свиридове ...

Сотовые телефоны – в городе были запрещены сотовые телефоны, обычные, а работали только фирменные, производства Владика Медякова, которые нельзя было ни засечь, ни подслушать.

Женя столкнулась с секретностью еще до того, как начала работать в газете – первый ее разговор здесь, в городе недалеко от Москвы, состоялся с полковником Лазарисом и касался он правил секретности. И подписывая обязательство о неразглашении она очень внимательно отнеслась к словам полковника о чрезвычайной важности работ, выполняемых

под руководством генерала Свиридова.

Затем было несколько разговоров со Свиридовым, разговоров о самых различных проблемах, во время которых затрагивались и секретные аспекты. И Женя хорошо усвоила правило внутренней цензуры и причину запрета обычных сотовых телефонов. Это при том, как затем поняла Женя, далеко не все жители города обладали секретной информацией.

Совсем недавно – Женя уже работала в газете – в городе сняли запрет на фотосъемку на территории города и его окрестностях.

Значительно позже, когда Женя получила возможность посещать территорию фирмы и даже побывала на установках, она обратила внимание на строгое соблюдение правил техники безопасности.

И в разговорах с сотрудниками она убедилась в том, что постоянный инструктаж и проверка правил безопасной работы ведется не для проформы, не формально, а запись в журнале постоянного контроля – не шутка. И большое внимание соблюдению этих правил уделяет сам генерал Свиридов, и по его распоряжению снимали «с контакта» беременных девушек-операторов.

К несчастью, в слаженности работы службы различных служб, ведающих вопросами безопасности, Жене пришлось убедиться на практике во время пожара в колхозе. Она не принимала непосредственного участия в этом прискорбном

происшествии, но могла потом восстановить буквально по минутам все произошедшее начиная с момента вызова пожарной команды до оказания помощи погорельцам и работы следственной группы.

Пожар возник в жилом доме, позвонили на аварийный телефон фирмы из правления колхоза, пожарная команда выехала через три минуты после этого звонка, пожар был потушен за пятнадцать минут, полусгоревший деревянный сруб был раскатан и восстановлен за неделю, а погорельцы получили страховку.

Слаженность работы всех служб фирмы – а отдел техники безопасности с пожарной охраной и медсанчастью входил в состав подразделений фирмы «НИПЦ» – порадовали Женю. Именно порадовали, а не поразили – она уже начала привыкать, что здесь работают без дураков, либо не работают вообще.

Ее публикация о пожаре в колхозе не содержала восторгов по поводу работы пожарных, а была посвящена тому, как очень простыми средствами предотвращать такие происшествия ...

А еще в заметке Жени Кульченковой, журналистки, которая уже нередко печаталась в «Комсомольской правде» и в «Красной Звезде», были очень теплые и добрые строки о семье пожилых погорельцев и о их приемных детях ...

К проблеме безопасности по мнению Жени относились

очень серьезно, и методы утилизации отходов жизнедеятельности жителей города (и отходов производств) тоже не обошли ее внимания. Обратив внимание на многочисленные публикации и сюжеты по телевидению, посвященные свалкам и полигонам, Женя заинтересовалась тем, а как это решено тут, в зоне внимания Свиридова.

И с удивлением узнала, что эта проблема – секретна.

Секретна? Это только увеличило ее интерес к этой проблеме. Она стала исследовать эту проблему так, как она привыкла исследовать любую новую для нее область. И выяснила, что с самого начала деятельности института и города в лесу, в десяти километрах от города машиностроителей, была построена секретная установка, куда поступали все всевозможные отходы.

Сразу у Жени возникли две сери вопросов: во-первых, почему установка секретная, а во-вторых, как же это умудрились справиться со всеми всевозможными отходами.

В ходе исследований – или расследований? – Женя выяснила, что все отходы свозят к установке в лесу, которая не имеет специальной охраны, и там исчезают бесследно. Или все это вылетает в высокую дымовую трубу, которая стоит на территории установки?

В конце концов в ходе очередной встречи с генералом Свиридовы Женя задала и этот вопрос – с какими секретами связана установка уничтожения отходов?

Ответ Свиридова для Жени был неожиданным – тогда.

С временем эта неожиданность прошла, сменилась твердым убеждением в том, что ничего случайного здесь не происходит.

А установка высокотемпературного каталитического разложения всевозможных отходов оказалась секретной просто потому, что эта установка была запатентована и засекречена в той стране, откуда ее «позаимствовал» Свиридов.

Под его руководством установка была воспроизведена, отлажена, усовершенствована, и теперь безостановочно работала много лет. Раз в год установку останавливали на осмотр и замену катализатора, который производили тоже тут, на одной из установок «НИПЦ».

Поэтому вокруг всех городов – города около центральной фирмы «НИПЦ», около научно-производственного филиала (или города «умников»), около города машиностроителей – не было никаких свалок.

В последний год с учетом резерва мощности установки разложения был заключен договор на уничтожение отходов из колхоза, но обо всем этом Женя ничего не написала в газете ...

Но она несколько раз писала о колхозе, об установке переработки навоза в удобрение, о продаже этих удобрений даже за рубеж – и о том, что технология и оборудование было разработано в «НИПЦ» ...

А это произошло на одном из вечеров вопросов и ответов,

на котором перед залом говорил Свиридов.

Из зала потоком шли вопросы на темы культуры и музыки, и был вопрос о музыкальных пристрастиях самого Свиридова.

Свиридов назвал среди своих любимых композиторов Рахманинова, Мусоргского, Чайковского и Гершвина, отказался называть любимых исполнителей и певцов, артистов, и тут в зале ...

– Виктор Антонович, микрофон!

Это крикнула Евгения Кульченкова, и Скворцов светом высветил ее, а Владик в операторской включил направленный микрофон.

– Прошу прощения! Но у нас уже сложилась традиция реплик из зала, так позвольте и мне! Вы хотите узнать у Анатолия Ивановича о его пристрастиях, а я не так давно пыталась узнать о его отношении к некоторым весьма известным и знаменитым актерам. И узнала так много нового и неожиданного о некоторых, причем это было глубокое исследование жизненного пути артиста, и я посоветовала Анатолию Ивановичу написать эссе на эту тему. А вылезла я, как тут уже некоторые выражаются, затем, чтобы сказать всем – попробуйте уговорить Анатолия Ивановича посвятить этому отдельный вечер. Гарантирую, скучать не придется!

– Уж, что-что, а скучать не придется! Я тоже могу заверить вас, – это уже вмешался Скворцов, – Анатолий удивительный рассказчик, но заставить его невозможно! Только

по доброй воле!

Зал захлопал, зашумел, и Скворцову пришлось успокаивать публику ...

Аккумуляторы типа «ЛЕКСАР» размером с распространенный элемент питания 373 (или R20, D и UM 1 по Международным классификациям МЭК, ANSI и JIS) появились в продаже.

В каждом магазине, в каждом отделе, торгующем этими аккумуляторами, висели доходчивые плакаты с описанием особенностей этих изделий и способе их зарядки.

Перед выпуском в открытую продажу аккумуляторов бытовых размеров на фирме «НИПЦ» состоялся конкурс на наименования самых распространенных моделей – элементов: LR03 (AAA) – 286; LR6 (AA) – 316 «Уран», А 316 «Сапфир»; LR10 – А 332; LR14 (С) – А 343 «Юпитер»; LR20 (D) – А 373 «Орион», «Марс»; 3LR12 – 3336 «Планета»; 6LF22 – «Крона», «Корунд».

У этих «батареек» были аналоги – серебряно-цинковые и ртутно-цинковые элементы в тех же габаритах и множество иных торговых наименований, и участникам конкурса было необходимо их не затронуть.

Жюри выбрало следующие варианты: для типоразмера «AAA» – «Фингер», для «AA» – «Бриллиант», для «С» – «Малой», для «D» – «Толстый», для «3336» – «Плоский», для 6LF22 – «Корона». Некоторые названия звучали на-

столько странно, что их в торговле не использовали, но даже безымянные новые «батарейки» быстро оценили и раскупили несмотря на существенно более высокую цену по сравнению со старыми.

Установки на фирме «НИПЦ» и в ее далеком сибирском филиале работали в полную мощность, и их основной продукцией были аккумуляторы для электромобилей под условным названием «Скромный» БЕ-24 (на 24 Вольт) и «Хохотун» БЕ-48 (на 48 Вольт), и для тяжелой техники – «Богатырь» БЕ-96 (на 96 Вольт). Эти аккумуляторы можно было собирать в батареи любым образом – например, соединять БЕ-24 и БЕ-96 в одной батарее, получая батарею с напряжением 120 Вольт. Буквы «БЕ» означали Баранов-Ерцкая, поскольку после долгих препирательств из всех фамилий авторов выбрали этих двоих, как внесших наибольший вклад в изобретение и налаживание производства «ЛЕКСАР'ов».

«Скромный», «Хохотун» и «Богатырь» имели по несколько модификаций различной емкости, но понятие «емкость» для этих аккумуляторов было величиной весьма условной. Эта условность скорее всего проистекала из того обстоятельства, что «ЛЕКСАР» аккумулятором в общепринятом смысле слова не являлся – он скорее это был конденсатор, то есть ионистор.

Но и как конденсатор «ЛЕКСАР» был способен отдавать различное количество энергии в зависимости от условий работы, то есть от сопротивления внешней цепи. В каче-

стве примечания можно заметить, что для многих современных аккумуляторов на полимерной основе с использованием ионных механизмов преобразования энергии емкость тоже становилась понятием условным (и как это угадали составители древних советских ГОСТ'ов?).

К примеру, китайские аккумуляторы для электромобилей позиционировались как имеющие емкость 100 А.ч, но в различных условиях эксплуатации их емкость тоже была различной.

А у «ЛЕКСАРА» понятие емкости использовали для чисто производственных оценок, причем емкость эта тоже различной – при коротком замыкании внешней цепи и при некоторой оговоренной силе тока в цепи нагрузки. При коротком замыкании во внешней цепи емкость оценивали по времени, за которое напряжение на клеммах «ЛЕКСАРА» падало до заданной величины.

Но в качестве производственной характеристики, которая указывалась производителем каждого аккумулятора, и которую гарантировал производитель, был гарантированный пробег электромобиля конкретной модели между перезарядками и количество перезарядок, поэтому аккумулятор без привязки к конкретному потребителю не имел всеобъемлющей характеристики.

И это мешало широкому распространению «ЛЕКСАР'ов».

На серийный электромобиль «Русский Лист» устанавли-

вали аккумулятор менее мощный, чем был в свое время передан для испытаний в Японию.

Для изготовления всех этих «ЛЕКСАР'ов» использовали не только все свободные от исследовательской работы установки, но даже запустили несколько новых, но увеличивать выпуск становилось почти невозможно.

И решения этой проблемы пока не наблюдалось ...

Но Свиридов был убежден, что если есть проблема, то найдется и ее решение – вся практика убеждала в этом ...

Кабинет Свиридова в главном здании «НИПЦ» был скромным, и даже аскетичен. Это не мешало ему быть уютным и обжитым, но богатством обстановки кабинет не отличался. Даже канцелярия, разместившаяся в помещении бывшего парткома недалеко от кабинетов Свиридова и Антиповой была обставлена богаче.

Не так давно в кабинете появился небольшой шкафчик со стеклянными дверцами – в нем аккуратно выстроились все модели аккумуляторов «ЛЕКСАР», освоенных фирмой. Самые крупные модели аккумуляторных батарей для тяжелой техники стояли на нижней полке рядом с образцами зарядных устройств.

Заказывая себе этот демонстрационный шкаф Свиридов сразу заказал четыре экземпляра – для Антиповой, для Долгополовой и для Волкодава. И эти демонстрационные шкафчики пригодились – посетители, потенциальные заказчики –

изучали их с большим интересом, и сразу начинали выпрашивать образец для испытаний.

Виолетту Свиридов увидел только за обедом – все утро она лазила по установкам и знакомилась с рабочими журналами.

Он обратил внимание на ее усталый вид.

– Привет, Толя.

– Здравствуй. Устала?

– Немного. Когда можно зайти поговорить?

– Заходи в семнадцать часов. – У Свиридова часто прорывалась армейская привычка обозначать время.

В пять часов Виолетта Владимировна подошла к кабинету Свиридова.

– Садись, Виола. – Он вышел из-за стола и сел напротив нее за приставным столом. – У тебя очень усталый вид. И глаза красные. В чем дело?

– Я просматривала рабочие журналы, а их заполняют от руки ... Ничего, отосплюсь в Москве, отдохну.

Она потерла глаза.

– Я к тебе по делу. Мы с Леной ... с Леной Долгополовой прикидывали, как увеличить выпуск «ЛЕКСАР'ов», и у нас появилась мысль о расчленении процесса. Если выделить основные стадии, то появится возможность перенести некоторые операции процесса в другое место ...

– То есть оставить на установках только получение пленки? И ее вытяжку?

– Но для вытяжки нужны совершенно другие условия! А дальше вообще можно обойтись без поля! Я проверила!

– А изменение режима на установках?

– Минимальные – я тоже проверила! Но без твоего приказа никто даже помыслить не смеет об изменении режима, об изменении регламента. Наверное, это правильно, но ...

– Какую серию необходимо изготовить по новой технологии? Для испытаний по полной программе?

– Примерно двадцать «Бриллиантов» и «Толстых», а для больших будут нужны полевые испытания ... Я понимаю, насколько это сложно, но другим способом увеличить выпуск ...

– А ты не прикидывала, насколько вырастет выпуск при изменении технологии?

– Мы с Леной оценивали это примерно раз в пять. Но это прикидка!

Свиридов уже что-то чертил на листе бумаги.

– У меня получается даже больше! Садись рядом – прикинем ...

Виолетта пересела на другую сторону стола и стала смотреть, что там пишет и чертит Свиридов. Она поправляла его, предлагала свое или соглашалась с его наброском, и вскоре Свиридов пересел на свое место за столом и включил компьютер.

Виолетта пристроилась сбоку и смотрела на текст, появляющийся на экране монитора. Она совершенно не удивля-

лась, что текст стремительно появлялся на экране, хотя Свиридов не касался клавиатуры. А потом текст замирал, Свиридов пробежал пальцами по клавиатуре, фраза замирала на середине, и Виолетта предлагала ее продолжение.

Очень скоро появился приказ о проведении опытных работ, где подробно были описаны стадии исследований и назначались ответственные по каждой из стадий.

И ответственный за весь комплекс за исключением контрольно-испытательных операций – доктор технических наук В.В. Ерцкая.

– Напросилась ... – устало сказала Виолетта.

Это было только начало.

А результат окончательно проявился только через несколько месяцев, когда все испытания аккумуляторов, изготовленных по новой технологии – кроме больших! – были успешно завершены, а на полигоне безостановочно бегали два электромобиля и два электротрактора.

К этому времени была не только детально проработана новая технология, но и в Москве было разработано и изготовлено все новое оборудование. Часть оборудования улетела в Сибирь, где его монтировали на машиностроительном заводе. Этот завод по непонятной причине все еще называли заводом Дерендяева, хотя эта фамилия уже многим была неизвестной – видимо, какие-то фонетические особенности держали это название.

Монтировали такое оборудование и недалеко от Москвы,

на заводе Дементьева.

Через полгода, когда выпуска электромобилей «РуссLeaf» на территории бывшего АЗЛК стал приближаться к проектной отметке, дефицита в аккумуляторах уже не ощущалось – более того появилась реальная возможность их коммерческой продажи.

К этому времени появилась и фирменная марка аккумуляторов «ЛЕКСАР» в виде лица уютного улыбающегося старичка, в котором все с удивлением признавали Виолетту – это была фантазия Гриши ...

А Елена Геннадиевна Долгополова и Виолетта Вадимовна Ерцкая за налаживание нового производства аккумуляторов «ЛЕКСАР» получили ордена ...

В Москве появился фирменный магазин «Научно-исследовательского и производственного центра новых технологий», где стали продавать некоторые изделия фирмы «НИПЦ».

Сначала там было всего два отдела – отдел технических жидкостей и отдел аккумуляторов.

Богато оформленные стенды подробно информировали посетителей о всех достоинствах продаваемой продукции и приводили характеристики всех товаров.

Это стенд привлекал внимание не только потенциальных покупателей, но и специалистов совсем иного толка – не зря по распоряжению Свиридова за стендом стояли видеокаме-

ры.

Покупатели быстро распознали выгоды приобретения небольших аккумуляторов бытовых форматов, тем более что их принимали для перезарядки здесь же, в магазине – и это несмотря на их высокую цену.

По распоряжению Свиридова партии аккумуляторов марки «Толстый D», аналога широко распространенного 373-го элемента, были бесплатно переданы горнякам, спасателям, пожарным, в МЧС. Но со строгим предупреждением – если хоть один аккумулятор будет продан, то в дальнейшем все аккумуляторы будете получать по рыночным ценам!

Естественно, утечка состоялась, продавцы и покупатели были установлены, виновные – наказаны, и наказаны рублем провинившиеся организации.

Ну, кому какое дело, что все это было организованным каналом утечки образцов аккумуляторов (и куда надо!) ...

На территории бывшего АЗЛК недалеко от станции метро «Текстильщики» уже всю работу производило производство электромобилей «РуссLeaf» («Русский Лист») совместно с японской фирмой «Ниссан». Это было чисто автосборочное производство, и туда регулярно приходили эшелоны с машинокомплектами из Японии.

Недалеко от Москвы, в одном из моногородов оборонного комплекса осваивали изготовление некоторых агрегатов для японских машин, кое-что уже отливали в другом месте

Подмосковья. А кое-что из резинотехнических и пластиковых изделий пытались освоить московские предприятия.

Свиридов на АЗЛК бывал не часто, а чаще Генеральный директор этого совместного производства Яков Ракитин бывал на машиностроительном заводе Дементьева, где тоже всю работало опытное производство электромобилей «РуссLeaf».

И Ракитин, прошедший серьезную практику в аппарате Минэкономразвития и в Англии, с уважением выслушивал Арсения Волкодава, возглавившего опытное производство.

Арсений побывал в Японии на практике на заводах фирмы «Ниссан», и несмотря на молодость был поставлен Свиридовым во главе опытного производства – и хорошо справлялся с этим.

Арсений Волкодав активно экспериментировал на основе машинокомплектов, получаемых из Японии, и чаще всего находил понимание у Ракитина, у главного инженера завода Стригунова, у Варданяна, у Дементьева, а главное у Свиридова.

Свиридов, формально не занимающий никакого официального поста в совместном производстве электромобилей, фактически оставался главным в этом проекте, и это признавали не только «свои», но и японцы.

В самом начале при создании совместного производства японцы высказали предложение о создании фирменного лейбла – фирменного знака этого совместного, но все же

российского предприятия, и такой внутренний конкурс был объявлен.

Об этом конкурсе знал Гриша, и после разговора с отцом, Яковом Ракитиным и Борисом Стригуновым, которые бывали у них в гостях, Гриша набросал несколько эскизов такого фирменного знака.

На этом знаке обыгрывалось название – «Русский Лист», но в сочетании латинского шрифта и кириллицы – «РуссLeaf». Рисунок был прост и несложен для воспроизведения, и, возможно именно это подтолкнуло японцев к выбору именно этого эскиза.

На основании эскиза – уже по договору – Григорий Свиридов выполнил рисунок фирменного знака совместного предприятия по производству электромобилей «РуссLeaf», и этот фирменный знак появился на капотах этих голубеньких малышей.

Это – разработка фирменного знака – оказалось заразным, и Гриша разработал фирменный знак и для аккумуляторов «ЛЕКСАР» ...

Если производство около метро «Текстильщики» наращивало выпуск маленьких, юрких и таких уютных машинок, приближаясь к плановой величине – порядка ста тысяч машин в год, то опытное производство за количеством не гналось, и там выпускали всего две – две с половиной тысячи машин. Но каких!

Японцы, представители фирмы «Ниссан», только удивля-

лись – сколько выдумки и таланта вкладывали конструкторы Варданяна и Волкодава в модернизацию базовой модели.

И если серийные машины поступали в открытую продажу и расходились «как горячие пирожки», то опытные экземпляры поступали на испытание в далекий город «Солнечный», где охотно бегали в тех экстремальных условиях.

Представители фирмы «Ниссан» не знали, где происходят эти испытания, но получали подробный отчет по каждой машине – дневной пробег, климатические условия, остаточный заряд, время до зарядки и время зарядки. С последним было трудно – пока еще ни один из аккумуляторов, установленных на «российских листьях», не потребовал зарядки, хотя многие из них уже прошли гарантированный пробег – 1000 километров – и продолжали бегать дальше под неусыпным контролем.

Только на двух электромобилях, которые без усталости круглые сутки бегали по полигону в Дмитрове, серийные аккумуляторы пожелали подзарядиться после непрерывной работы и пробега более 5 тысяч километров, но это были самые первые образцы с мощными аккумуляторами.

Это было запротоколировано, и величина энергии, затраченной при испытании этих электромобилей, была зафиксирована как реальный предел при использовании аккумуляторов «Сакура» – так называли образцы «ЛЕКСАР’ов», выпускаемых для этих электромобилей.

Аккумулятор под именем «Сакура» был принят для ис-

пользования на легковых машинах малого и среднего классов – весом до двух тонн. Этот аккумулятор считался «маленьким» – батареи «больших» «ЛЕКСАР’ов» с именем «Богатырь» таскали танки и другую тяжелую технику.

А на покупку электромобилей «РуссLeaf» – «Русский Лист» записывались, как в стародавние времена, когда автомобили продавали на Бакунинской, и очередь была длинная ...

В Тольятти уже давно, еще в 1977 году пробовали создавать электромобили, и опытные экземпляры таких машин бегали по заводскому полигону.

Свиридов об этом знал, и давно уже ожидал – когда же ВАЗ проявит интерес к новым аккумуляторам?

Во время его очередного визита в РСПП к нему подкатился полненький мужичок и с непосредственностью южного человека попытался накоротке познакомиться со Свиридовым. Его хватило секунд на тридцать, после чего мужичок сник, стал заикаться.

Свиридов вручил мужичку свою визитную карточку и отошел.

Мужичок, представитель ВАЗ’а по фамилии Пелехатый, позвонил по указанному в визитной карточке телефону и Мари соединила его со Свиридовым.

Договорились о встрече на территории совместного с «Ниссан» производства около метро «Текстильщики», и

Свиридов принял мужичка в солидном кабинете Генерального директора совместного предприятия Ракитина.

От проходной гостя проводил неразговорчивый охранник в аккуратной форме и ввел его в кабинет с солидной табличкой «Генеральный директор завода «RussLeaf» Ракитин Яков Филиппович».

– Яков Филиппович? – растерянно спросил пришедший.

– Здравствуйте, Филимон Трофимович. Меня зовут Анатолий Иванович Свиридов. Я слушаю вас.

– Очень приятно ... Анатолий Иванович. Нас, Волжский автозавод интересуют аккумуляторы, которые вы устанавливаете на ваши японские машины. У нас разработаны серьезные модели перспективных электромобилей, и мы с удовольствием рассмотрели бы ваши предложения.

– Характеристики наших изделий вы можете посмотреть в нашем фирменном магазине. Других предложений не будет. А если вам нужны аккумуляторы типа «ЛЕКСАР», то пришлите свои «Технические требования». Мы рассмотрим, оценим свои возможности, и ответим вам.

– Но разве у вас нет проспекта или чего-нибудь подобного? Может быть можно ознакомиться с вашим производством?

– Какая форма допуска у вас?

– Допуска? Допуска чего?

– Я имею в виду форму допуска к секретным работам. Так какая у вас форма?

– Так ... Нет у меня никакой формы ...

– Тогда пишите. Можете писать сюда, на адрес Ракитина Якова Филипповича. И присылайте кого-нибудь, кто имеет допуск, хотя бы третью форму ...

Образец аккумулятора из сборки моделей «Хохотун» БЕ-48 на 48 Вольт Волжский автозавод получил примерно через месяц, и там начали испытывать его на последней перспективной модели ...

Свиридов чувствовал, что с ним старается связаться Исидо-сан, один из директоров японской фирмы «Ниссан». Когда Исидо-сан звонил по телефону, указанному на визитной карточке Свиридова, и представлялся, то Мари вежливо на хорошем английском языке отвечала, что Свиридов-сан в отъезде, что ему обязательно сообщат о звонке уважаемого Исидо-сан, и что Свиридов-сан обязательно свяжется с уважаемы Исидо-сан.

Таково было распоряжение Свиридова, и Мари пунктуально его выполняла.

А Свиридов выжидал, тянул время – он дожидался завершения переговоров между японской фирмой и американцами, которое должно было определить некоторые новые перспективы для фирмы «Ниссан».

Кроме того, Свиридов очень внимательно следил за сведениями о разработках электромобиля на фирме «Вольво» – а там работали серьезные люди ...

И только после этого у Исидо-сан в кабинете зазвонил прямой телефон, не связанный с секретарем.

– Многоуважаемый Исидо-сан, я приветствую вас и надеюсь, что вы в добром здравии!

Отличный японский язык, может быть чуть-чуть правильный и четкий, и Исидо-сан узнал Свиридова.

– Я приветствую вас, многоуважаемый Свиридов-сан! Я бесконечно рад, что вы в добром здравии, чего желаю вам на долгие лета!

– Я бесконечно извиняюсь, многоуважаемый Исидо-сан, что не имел возможности сразу связаться с вами! Я был очень далеко от Москвы.

Обмен любезностями продолжался еще некоторое время, но затем они договорились о личной встрече в Москве. И Исидо-сан с кучей помощников и помощниц прилетел в Москву, что свидетельствовало о значительном интересе к предстоящей встрече.

Встреча состоялась в конференц-зале главного корпуса предприятия, выпускающего русско-японские электромобили «РуссLeaf».

Поскольку Свиридов знал о пышной свите японского гостя, то его свита не уступала японской.

Кроме уже знакомых им Генерального директора совместного предприятия Ракитина и его заместителя Стригунова, Генерального директора машиностроительного завода Деметьева и директора завода опытных электромобилей Вол-

кодава, Галины Суковициной и Мари Козловой японцы увидели Главного конструктора «НИПЦ» Варданяна и Главного инженера «НИПЦ» Долгополову, Главного юриста «НИПЦ» Клиноземос и еще целую кучу вспомогательного персонала.

Исидо-сан даже пожалел, что взял с собой такую свиту – церемония представления заняла много времени, и к обмену торжественными речами они со Свиридовым смогли приступить не скоро.

Торжественное выступление Свиридова было сравнительно кратким и он посвятил его не только благодарственным словам приехавшим гостям, но и пожеланиями на плодотворное сотрудничество.

В ответной торжественной речи Исидо-сан в свою очередь благодарил хозяев за гостеприимство (он еще с трудом справлялся с головной болью после вчерашнего приема) и тоже выражал надежду на плодотворное сотрудничество в дальнейшем.

И не только в производстве электромобиля «РуссLeaf», но и в других областях.

Речи произносились на языках – то есть на русском и на японском, и поэтому требовали перевода, то тоже отнимало немало времени.

После чего по предложению Свиридов была принята программа дальнейших работ, включающая посещение заводов и деловые встречи. На этом программа первого дня была исчерпана.

– И чего ты потащил всех нас с собой? Впечатление создавал? – грубовато на правах старого друга спросил Дементьев.

– Естественно! Ты видел, сколько народу притащил с собой Исида?

– А как он радовался Мари и Галине! Прямо готов был расцеловать их! – сказала Долгополова.

– Да-а! А как он на тебя глядел?! – засмеялся Варданян.

– Что, так и будете нас везде с собой таскать? – спросил Волкодав.

– Спасибо, друзья, за компанию. Но дальше только те, кто будет нужен. Исидо тоже кроме секретаря-переводчика с собой больше никого брать не будет.

Следующая встреча состоялась через два дня, за которые Исидо-сан ознакомился с производствами в Москве и недалеко от Москвы.

На этой встрече кроме Свиридова и Исидо-сан присутствовали секретари-переводчики – миниатюрная японка и Мари Козлова. Женщины познакомились, обменялись улыбками, сели за отдельный стол.

Свиридов и Исида-сан устроились против друг друга за столом с букетом роскошных астр, бутылками минеральной воды и небольшой спиртовкой и японскими прозрачными чашечками.

Разговор шел на японском языке.

Мари включила диктофон, японка шепотом переводила слова беседующих и записывала перевод на свой диктофон

– они уже договорились обменяться записями ...

А Исидо-сан подробно рассказал Свиридову о результатах переговоров – на межгосударственном уровне! – о будущем фирмы «Ниссан» на американском рынке. Пусть Свиридов знал все подробности переговоров, но ему было важно насколько подробно и откровенно об этом ему рассказывал Исидо-сан.

И предложения фирмы сотрудничать в реализации планов развития на рынке США в тех рамках и в тех масштабах, которые сочтет возможным Свиридов-сан.

– Дорогой Исидо-сан! Мне очень ценно все, что вы сказали! Но надеюсь вы понимаете, что я один решить все проблемы не могу.

– Я все понимаю, Свиридов-сан. Но от вашего решения зависит почти все. Или я ошибаюсь?

– Будем считать, что вы правы. Давайте встретимся у нас ..

На другой день Исидо-сан и его личная секретарша в сопровождении двух сотрудников РСПП посетили город недалеко от Москвы. У контрольно-пропускного пункта гостей высадили из автобуса и отвели в небольшой зал.

Тут Свиридов объяснил гостям, что прибыли они на закрытую территорию, после чего им было предложено сдать сотовые телефоны и часы. И только потом все в другом уютном автобусе – с электроприводом! – поехали на фирму «НИПЦ».

А там им показали почти все.

Правда демонстрация процесса производства аккумулятора начиналась с загрузки рулона, упакованного в пленку, в шлюз особочистого помещения, где и начинался процесс образования аккумулятора. Но зато гости увидели очень много интересного и затем Исидо-сан забросал Свиридова вопросами.

Тем временем чиновники из РСПП оформляли листки ознакомления и расписывались в неразглашении всего увиденного и услышанного. Потом все пообедали в институтской столовой и их доставили в Москву, в гостиницу ...

Для бурно развивающегося производства электромобилей были необходимы не только аккумуляторы, но и технические жидкости и шины.

Всеми техническими жидкостями новые машины обеспечивали производства «НИПЦ», а отечественные шины японских разработчиков не удовлетворяли.

Пришлось Свиридову заниматься и этой проблемой.

В результате у фирмы «RossLeaf» появился деловой партнер – совместное предприятие с фирмой «Континенталь» по производству шин.

Это производство появилось несмотря на намерение фирмы «Continental AG» строить крупное предприятие по производству шин в Калужской области.

Но Свиридов соблазнил руководство фирмы предложением, гарантирующем быстрое ввод в строй небольшого пред-

приятия для целевого изготовления шин для действующего производства электромобилей и последующей – совместной! – реализации электромобилей и шин в Германии.

Совместное производство разместилось в пустующих помещениях московского шинного завода, на арендованных площадях и с частичным использованием рабочих этого завода.

Свиридову удалось это организовать быстро, как он умел делать, но основные усилия ему пришлось прикладывать не к налаживанию контактов с международным картелем «Континенталь», поскольку эта германская фирма имела свои корни в России еще с начала прошлого века.

Основные усилия понадобились для приведения рабочего контингента в нормальное рабочее состояние – бывшие работники завода были напрочь отучены от производственной дисциплины и от порядка вообще.

Но после первых громких увольнений на смену старым кадрам постепенно пришли более молодые, более адекватные и работоспособные, и именно их посылали для стажировки в Германию, в родную для этой фирмы Саксонию.

Несмотря на кажущиеся дополнительные затраты эти поездки быстро дали ощутимые результаты – и дисциплина на производстве наладилась, и производительность труда поползла вверх ...

Вдобавок новыми шинами, прошедшими международную сертификацию, «обували» не только продукцию «PycLeaf»,

но и пускали часть шин в продажу.

А за налаживание современного производства электромобилей и современных шин малого размера Анатолий Свиридов был удостоен специальной премии Российского союза производителей и предпринимателей ...

– Папа, ты очень устал?

– Ничего, Уленька, все путем.

А потом Тоня посапывая у него на плече и слушала его негромкий рассказ.

– Помнишь, я рассказывал тебе о новой пьесе? Автор новый, слабенький, постановщик тоже новый, неопытный. Он такой деликатный, что даже повысить голос не может ...

– Я сегодня устроил им такое!

– Кому?

– В театре «Современник». Я вмешался в ход спектакля! Там в спектакле есть персонаж, проходящий сквозь все действие, но практически бездействующий ...

– И тогда зачем он нужен?

– По замыслу постановщика этот персонаж должен олицетворять главное – Чистые пруды около места действия. И вот последняя сцена, должен появиться наш «рыбак», эту роль исполняет молодой мальчик, а он отлучился и опаздывает, бежит, поскользывается и ломает ногу ...

– Ой!

– И я набрасываю брезентовую куртку, вставляю ноги в

сапоги, нахлобучиваю шляпу, беру пучок удочек и выхожу на сцену ...

– Ты заменил бедного мальчика?

– Не совсем. У мальчика роль без слов, а я не удержался

...

Свиридов молчал, но Тоня даже и не думала его подготавливать.

– Мизансцена такая: спиной к зрителям на лавочке сидят парень и девушка. Рыбачек входит слева и должен молча пройти по диагонали и уйти за угол дома. А ребята уходят вправо на Чистые пруды – деревья колышутся за ажурной решеткой. Это отработанная мизансцена ...

– Я вошел на сцену и обернулся к молодым. И заговорил с ними. Для них чистая импровизация, но они включились, ответили. Встали, он обнял девушку и они ушли в сторону бульвара.

– Перед выходом на сцену я успел передать звуковику отмену звукозаписи в конце – здесь по мизансцене должна звучать песня про Чистые пруды, фоном.

© ©

Чистые пруды ...

Застенчивые ивы

Как девчонки,

Смолкли у воды ...

– Эту запись для спектакля делал я. А теперь я встал лицом к заднику с колышущимися деревьями, спиной к залу, и запел:

© ©

Однажды ты пройдешь
Бульварное кольцо.

И в памяти твоей
мы встретимся, наверно,

И воды отразят знакомое лицо,

И сердце исцелят,
и успокоят нервы.

У каждого из нас
на свете есть места,

Что нам за далью лет
все ближе, все дороже.

Там дышится легко,
там мир и чистота

Нас делает на миг

счастливей и моложе ...

– Ты знаешь, я пел ... я пел всем обитателям Чистых прудов – вчерашним и завтрашним ... Пел не громко, но меня слышал весь зал ... Я стал петь тише, и стал гаснуть свет ... Пошел занавес ... все на поклоны ... Аплодисменты!

– А ты? А что сказала Галина Борисовна?

– Галина Борисовна сказала, что я спас спектакль, и что я погубил спектакль ... Так сыграть, повторить никто не сможет, а играть все время я не могу ... А Серега Гармаш ругался, обзывал артистом ... Да и другие тоже ...

– А что почувствовал ты? Ты был на сцене ... не пел, а играл роль ...

– Ощущение совершенно невообразимо приятное ...

Электромобили разрабатывали все ведущие автомобильные фирмы мира, и это сдерживалось только наличием мощных аккумуляторов приемлемого веса.

Поэтому Свиридов оценивал готовность главных производителей к созданию таких моделей для перспективного использования с аккумуляторами «ЛЕКСАР».

Размышления Свиридова осложняли два обстоятельства.

Первое – концерт «Ниссан» готовился к развертыванию в Барселоне производства электромобиля e-NV200, созданного на базе компактного коммерческого фургона NV200. Исидасан упомянул об этом мимоходом, уточняя детали.

Второе обстоятельство состояло в том, что в ходе контактов с Джекобом Спрингфилдом Свиридов узнал, что американской фирме удалось создать некое подобие аккумулятора типа «ЛЕКСАР», но на несколько иной основе – не с пленкой, а с гранулами особого материала. Эти аккумуляторы были слабее «ЛЕКСАР’ов», но по характеристикам намного превосходили все имеющиеся на данный момент аккумуляторы массовых марок.

И Джекоб Спрингфилд уже посылал своего представителя в Гетеборг ...

На неожиданный звонок Владимир Владимирович ответил без отлагательства.

– Свиридов. Не терпит отлагательства.

– Через минуту в комнате.

Президент продолжил разговор, и извинившись, удалился.

Свиридов ждал его.

– Товарищ главнокомандующий! Через некоторое время на стартовой площадке в отрогах Кордильер произойдет авария – ракета взорвется прямо на стартовой позиции. Рядом сработает программа запуска и стартует ракета с ядерным боезарядом.

– Насколько реально достижение этой ракетой нашей территории?

– Теоретически – реально. Я могу уничтожить ракету на

любом участке траектории, но не полезнее ли будет использовать нашу систему ПРО? Показать наши возможности.

– Что для этого нужно?

– Думаю, задействовать Шойгу. Можем «навестить» его прямо сейчас.

– Действуйте, я с вами.

Свиридов и Владимир Владимирович материализовались в комнате отдыха Министра обороны на Фрунзенской набережной.

– Сережа, я звонил тебе. Вот тут произошел аварийный взрыв боеголовки. Ракета стартует вот отсюда ...

На столе лежала карта северной Америки, и Свиридов показал две точки.

– Вот так примерно пойдет траектория ракеты. Где, на каком участке наши системы смогут ее уничтожить?

– Запуск засечет наша станция на Чукотке ... Сигнал пойдет на главный пункт ПВО. Сбивать такую ракету сможем вот на этом участке траектории.

– Насколько это надежно? По времени полета ракеты?

– Резерв времени невелик ... но мы успеем. Объявить тревогу?

– Как вы считаете, Владимир Владимирович, нужно ли? Пусть система работает в реальной ситуации, а я смогу подстраховать ... Я эту ракету смогу уничтожить до подлета к нашей территории.

– А точка нацеливания ракеты известна?

– Ленинград.

– Анатолий Иванович, доставьте меня обратно в Кремль.

Будьте добры. Сергей Кожугетович, держите меня в курсе ...

Президент появился в кабинете ровно через пять минут и продолжил заседание.

Шойгу не оповещая свои службы, но тем не менее отслеживал именно это направление и увидел сигнал службы ПВО один из первых.

Свиридов стоял позади Министра, внимательно наблюдая за срабатыванием звеньев системы.

На мониторе-демонстраторе – по программе и точкам замера – вырисовывалась траектория полета ракеты. Свиридов был знаком с программой, по которой создавалась линия траектории, поскольку в создании этой программы принимал участие Владик Медяков ...

Высветилась точка пуска противоракеты, пошел отсчет – две колонки цифр, время полета чужой ракеты и время – расчетное – момента от пуска противоракеты.

– Я отлучусь! – и Свиридов исчез.

Приемом, который ему подсказали его неизвестные контакты, он поднялся на большую высоту и «увидел» ракету, вернее инверсионный след от нее, и помчался на сближение с ней.

Он совершенно не напрягался, меняя свое положение в пространстве и скорость перемещения – этому его тоже научили неизвестные контакты.

Кроме инверсионно следа он видел слои раскаленного воздуха, чему подивился – одно дело нагретая оболочка ракеты, а другое – волны воздушного следа с иными показателями коэффициента преломления, но у него пока не было времени для осмысления этого феномена.

Ракеты по заданной программе первоначально летела по пассивной траектории, а затем направилась вниз к заложенной программой цели. Свиридов напрягся и «увидел» координаты цели, заложенные в головке ракеты – он только собрался перевести координаты в сетку карты, как увидел старт противоракеты и переместился, чтобы видеть обе траектории сбоку.

На стойке перед ним в «коконе» бесшумно работала видеокамера, сообщая об этом помигивающим зеленым глазком, под стойкой привычно пристроился барабанный гранатомет – немецкий, с заряженным барабаном и с еще одним снаряженным запасным барабаном.

Свиридов зафиксировал взлет противоракет из сердца Европы, стайкой направившихся на перехват нашей противоракеты, и переместился поближе к ним.

Вот у этих ракет завершился активный участок и погасли выбросы реактивных двигателей,

«Ну, что же, пора!» – подумал Свиридов.

Он мгновенно приблизился на расстояние «активного удара» и мысленно приказал «цель групповая военная, аннигилировать!». Это так бы звучал приказ на человеческом

языке в переводе с мысленного, которым он пользовался.

На месте ракет вспухли серые туманные клубки, превратившиеся в уходящие вверх нити.

Свиридов повернулся, чтобы понаблюдать за «встречей» ракеты и противоракеты – они быстро сближались. Противоракета приближалась к цели под углом и не долетая цели взорвалась – вспух разноцветный клубок и вниз посыпались светящиеся обломки.

«Блок управления скорее всего цел!» и Свиридов стремительно рванул за обломками, нацеливаясь на обломок, определенный им как системный блок управления и наведения.

Нагнав этот раскаленный обломок он уравнивал скорость «кокона» с обломком и захватил его внутрь.

И материализовался в центральном пункте управления в здании Министерства обороны рядом с Шойгу ...

Разговор между Шойгу и Президентом занял две минуты, после чего Свиридов «телепортировался» в кабинет Шойгу вместе с Президентом, Пресс-секретарем, «черным чемоданчиком» и полковником в черной морской форме.

Дежурный по Генштабу предложил вниманию собравшихся краткий видеофильм о произошедшем.

На экране возникла карта – немного выпуклая, как на глобусе.

Первая точка обозначала место аварийного взрыва.

Вторая точка обозначила место старта ракеты.

Траектория ракеты была показана довольно реалистично – активный разгонный участок, движение по параболе, выключение двигателей.

В нижней части экрана пошла строка – обнаружение нашими станциями ПВО, точки нахождения станций обнаружения.

Картинку дополняли засечки времени – в абсолютном и относительном исчислении, где за начало относительного отсчета была принята точка пуска вражеской ракеты.

– События на экране происходят быстрее природы примерно в два с половиной – три раза.

– Почему примерно?

– Программисты уточняют.

На карте появилась точка запуска противоракеты, у нее тоже пошел отсчет времени, появилась траектория.

Внизу появилось время расчетного момента сближения ракет до подрыва противоракеты, а на территории Европы вспыхнула точки запуска противоракет противника, их траектории и отсчет времени.

– Успевали они достать нашу ракету?

– Нет. Все четыре ракеты встретились бы одновременно в одной точке ...

Чужие противоракеты прошли значительную часть пути, поднялись на большую высоту – по инерции, с выключенными двигателями, и тут они ... они просто исчезли.

Наша противоракета через шестьдесят секунд приблизи-

лась к чужой ракете и их совместный взрыв был обозначен пунцовым кружком.

– Было ли предупреждение о случайном запуске ракеты с территории США? Об аварии?

– Таких предупреждений не было ни по одной из горячих линий!

– Ваши предложения о том, каким образом нам следует реагировать?

– Господин Президент, Медведев звонит Шойгу!

– Сообщите Медведеву, что я на командном пункте у Шойгу! Занят!

– Президенты всех стран получают данные об инциденте через несколько минут!

– Предложения?

– Ноту протеста!

– Обращение в Совет безопасности ООН!

– Прямая линия – по горячей связи с Президентом США.

– Что ему сказать?

– Владимир Владимирович, а я бы предложил следующее. – Свиридов говорил не спеша, задумчиво. – Нам известно об аварии. Известна точка нацеливания их ракеты – программисты уточнят, но это Ленинград. Мы думаем, что раздувать случившееся не следует, а лишь ограничиться предупреждением о том, что мы собьем любую ракету и в следующий раз выложим на всеобщее обозрение блок наведения с адресом. Или если вы хотите проверить свою ПРО – мы

можем запустить небольшую ракету на Вашингтон ...

– Ты даешь, Толя! То есть генерал Свиридов, ваше предложение очень ... очень ... очень экстравагантно!

– Но вполне в духе времени. Сергей Кожугетович, тут есть линия горячей связи с президентом США?

– Есть. У меня в кабинете.

– Но делать это нужно срочно – они могут нас опередить.

Владимир Владимирович говорил очень спокойно и на английском языке.

Положив трубку Президент помолчал и сказал:

– Через час доклад у меня. Министр обороны, командующий РВСН, командующий ПРО, генерал Свиридов.

Президент позвонил Свиридову по спецтелефону.

– Анатолий Иванович, есть необходимость прояснить некоторые ... некоторые неясности. Как вы считаете, кого следует позвать? Только очень ограниченный круг ...

– Шойгу. И больше никого.

Они собрались в комнате для секретных бесед.

– Анатолий Иванович, я думаю, что следует более подробно узнать о ваших особых способностях. Мы с Сергеем Кожугетовичем знаем, что вы неоднократно принимали непосредственное участие в боевых операциях, используя свои неизвестные широкому кругу способности, и помогая нашим подразделениям специальных операций ... и в других случаях. Только-что мы были свидетелями вашего вмеша-

тельства в уничтожение запущенной на нашу страну ракеты. У нас естественно возникают вопросы ...

– Я не могу гарантировать вам полноту ответов, товарищ главнокомандующий. Но постараюсь!

– Итак, начнем с внезапного уничтожения ракет.

– Были случаи мгновенного уничтожения массивов саранчи ... – негромко сказал Шойгу.

– Вы можете объяснить эти явления?

– Не полностью. Я могу мысленным посылом аннигилировать некоторые объекты. Например, живую органику – саранчу, хотя тогда я не был уверен в таком всеобъемлющем результате. Со временем я научился избирательно аннигилировать различные объекты – органику живую и неживую, металлы, взрывчатые вещества и объекты вооружения. Ракету я смог уничтожить с расстояния порядка километра ...

Свиридов несколько лукавил – он мог аннигилировать объекты в прямой видимости, но экспериментально это подробно не проверялось.

– Аннигиляции можно подвергнуть конкретный объект, несколько объектов – как было с ракетами в этот раз, или произвести такое воздействие по площади.

– А в объеме?

– Не проверено.

– А к примеру одиночного человека можно аннигилировать?

– Возможно.

– Можно ли аннигилировать металлическое изделие, содержащее взрывчатые вещества?

– Можно. Но можно взорвать взрывчатку внутри изделия.

– Вид взрывчатого вещества и корпуса имеет значение?

– Материал корпуса не сказывается на взрыве. Взрывчатые вещества полностью не проверялись, но пока недоступные ВВ не установлены ...

– Какие-либо ограничения по аннигиляции для вас существуют?

– Возможно, но я их не знаю.

– Анатолий Иванович, не считайте наше любопытство праздным – мы интересуемся этим в плане использования в целях обороны страны!

Беседа в виде вопросов и ответов продолжалась больше часа, после чего был устроен небольшой перерыв с чаем и бутербродами.

За этот час Президент и Министр обороны выяснили многое из интересующих их проблем, но услышанное порождало и множество новых вопросов.

Оставалось неясным происхождение особых способностей Свиридова, и объяснить это он сам не смог.

Но некоторые вопросы, относящиеся к обороноспособности страны и возможности некоторых видов диверсионных актов собеседники Свиридова все же выяснили ...

Все подробности о происшествии – и даже те подробно-

сти, о которых кроме него никто не знал – Свиридов ночью рассказывал Тоне.

– Президент немного задержался. Все присутствующие были давно знакомы – подчиненных Сережи я знал, а еще с нами сидел Дмитрий Сергеевич ...

– Это Песков?

– Да, это пресс-секретарь Президента. Помощник Сергея подготовил демонстрационный экран, подключил ноутбук.

– Владимир Владимирович извинился, мы расселись, и он предложил мне доложить об аварии с ракетой на американской базе, которая предшествовала запуску ракеты.

– Я рассказал. Авария произошла случайно, из-за нарушения температурного режима хранения изделия – ядерная реакция началась в боевой головной части без срабатывания устройства инициации заряда. Поскольку ракета была не на стартовой позиции, а в хранилище, то взрыв разрушил само хранилище внутри горного массива, и от взрыва пострадали все ракеты в этом отсеке – их там было восемь. Взрыв был зафиксирован не по выбросу радиоактивных газов, а по сейсмическому сигналу – как подземный ядерный взрыв ...

– И еще я добавил, что протокол об этом инциденте я доставлю позже, когда этот документ доберется до их президента.

– Так и сказал? Нужно ли это?

– Сказал – и ладно. А потом докладывал Сергей, а его помощник демонстрировал все это на экране. Вопрос воз-

ник после непонятного исчезновения противоракет, запущенных на перехват нашей противоракеты. Вопросов было два: успевали ли они уничтожить нашу противоракету и куда они подевались?

– Ну, и!?

– Расчет времени показывал, что все летящие ракеты должны были встретиться в одной точке на расстоянии друг от друга 150 метров плюс-минус 10 метров. Таким образом с большой долей вероятности все противоракеты уничтожали американскую ракету.

– Это означает, что твое вмешательство было излишним?

– Я же не мог так быстро оценить временные параметры орбит! И я просто их аннигилировал. А сказал, что уничтожил – и все.

– И еще успел подобрать падающий кусок американской ракеты с остатками блока управления и координатами точки наведения ...

– Вопросов ... не было вопросов. А Владимир Владимирович рассказал о своем разговоре с их президентом, и сказал, что эту идею подсказал ему я. И тут же пояснил, что с этого момента я являюсь Советником Президента и его личным Представителем по целому ряду вопросов ...

– И за что тебе это ярмо, милый?

– Толя, я кажется решил задачку со звуком! – Владик Медяков был очень рад, и это чувствовалось по голосу.

– Посмотрим в зале? Я забегу после девятнадцати – идет?

Свиридов нашел Владика на пульте операторов – это было рядом с кинопроекционной, и светоотражающие окна операторской не выделялись около окон для кинопроекции.

Правда, не так давно рядом с кинопроекторами разместились столь же мощные и совершенные лазерные проекторы, и управление видеопроекцией усложнилось.

Этот пульт управления совмещенными видеопроекторами и рядом размещенный пульт управления звуковоспроизведением, записью и обеспечением всех аудиообеспечений в зрительном зале Дома культуры были детищем Владика Медякова, но он считал это простенькой задачей.

А вот задача замены системы микрофонов на сцене решению долго не поддавалась, хотя уже давно от микрофонных стоек перешли к индивидуальным носимым микрофонам с передатчиками, но это Владика тоже не устраивало.

И вот сейчас он был готов продемонстрировать Свиридову новую разработанную им систему обеспечения сцены полноценным звукосопровождением.

Для начала Владик показал Свиридову разработанную им принципиальную электронную схему, а затем они спустились в зал.

Свиридов отметил, что Владик перемещается свободно, и было почти незаметно, что совсем недавно он передвигался в инвалидной коляске. И пока они спускались Свиридов расспросил Владика о его самочувствии, о Нике, о сыне.

И встречаемых сотрудников Дома культуры, здоровающихся с ними, ничуть не смущало, что молодой человек называет Свиридова на «ты».

А в зале и на сцене Владик показывал Свиридову расположение направленных микрофонов, диаграмму охвата сцены и наличие мертвых зон, которых избежать не удалось.

Затем они поднялись обратно в пультовую и Владик продемонстрировал запись предыдущего концерта, выполненную в двух вариантах – с носимым микрофонами и с направленными. Сравнение записанных сигналов по принятой у Владика привычке производилось на экране монитора по интенсивности и по частотной характеристике, и особого отличия не наблюдалось.

– Ты у нас титан от электроники! Молодец, мальчик! Ты записал на пробу один концерт? Еще два, и перейдем полностью на новую систему. Но старую оставим в резерве – мало ли что, да и некоторые любят «погулять» во время концерта, вроде этого гада Свиридова!

Отношения с ВВ – Валентином Викторовичем Антиповым – у Свиридова были давние.

Правда, начались они не тогда, когда Свиридову поручили создать институт для глубокой молекулярной модификации вещества.

И даже не тогда, когда они с Леной Скворцовой, изображавшей его любовницу, прилетели в Прибалтику для кон-

спиративной встречи с американскими агентами. А этими агентами оказались Валентин Антипов и Маргарита Антипова.

А реально все началось на пляже у Черного моря, где отдыхали двое холостяков – Валентин Антипов и Анатолий Свиридов. Антипов отдыхал перед длительной зарубежной командировкой. А в задачу Свиридова входило обеспечить ему надежную охрану и комфортные условия отдыха.

Свиридов знал, что тут, в армянском поселке на берегу, незримо присутствовали сотрудники охраны, а «комфортность» Антипову было принято устроить по спартанским нормам – комната в частном доме (что было вполне нормально), дикий пляж, местный ресторан, кино и танцзал.

Для Антипова, который всего этого был лишен во время учебы, это доставляло истинное удовольствие, как и общение со Свиридовым.

Они вместе бегали утром на пляж около детского санатория, потом стояли в очереди в местную столовую на главной улице, которая тут выполняла роль приморской автострады, вечером после послеобеденного отдыха ужинали и шли на танцы куда-нибудь из местных «очагов культуры». Очень редко на танцах играл простенький оркестрик, а чаще всего орала радиола или магнитофон:

© ©

Помог мне, помой мне...

Антипов и Свиридов тогда много разговаривали, но Свиридов по инструкции куратора не затрагивал вопросов профессиональной деятельности Антипова. О своей работе Свиридов рассказывал достаточно подробно, хотя и не касался некоторых секретных вопросов. Бесед было много, особенно поздним вечером на темном побережье, где редко появлялись отдыхающие – и пограничники, которым было известна роль Свиридова.

Антипов и Свиридов подружились на самом деле, Антипов проникся доверием и уважением к молодому инженеру, что потом сыграло известную роль в назначении Свиридова руководителем строительства института.

Это уже потом Свиридов по мере общения с Барановым, Дормидонтовым, Потаповичем стал Генеральным директором созданной им фирмы, получившей название «НИПЦ».

А у Антипова осталось нерушимым уважительное отношение к Свиридову, неизмеримо возросшее годами успешной работы фирмы, задуманной или с Шабалдиным.

Через несколько лет после отдыха с Антиповым сюда приехали Свиридов с Тоней и Гришей, и на турбазе крутили все ту же пластинку ...

Посиделки с женами офицеров отряда полковника Воложанина Тоня собрала в своей мастерской.

С просторного стола убрали лекала, ножницы, подушечки

с булавками, мелки.

Стол застелили цветастой скатертью, собрали стулья, Уля помогла Тоне накрыть на стол, а затем ушла.

Тоня встречала гостей, рассаживала их, укладывая принесенную ими припасы на столе у стенки.

– А Дашенька где? Почему Дашеньки нет?

– Так она отнекивается, говорит, что с нею Анатолий Иванович не братался!

– Что глупости! Кто приведет ее? Позвонить?

Но пришла и Даша, как всегда краснея и смущаясь, все расселись, приняли по первой рюмочке ароматного грузинского вина.

– Девочки, – начала Тоня, – дорогие девчонки ...

– Ага, – не удержалась Вера Ложникова, которая Кулигина, – такие девочки старшего возраста!

– Верка, уймись! – тоже не удержалась другая Вера, Вера Толоконникова, теперь Маленькая.

– Да бросьте вы, девки!

– Все равно вы для меня девочки! Поэтому наш девичник

...

– Девчатник ...

– Считаю открытым! И за вас, дорогие девочки!

– И за вас!

– За вас, Антонина Ивановна!

– За тебя, Тонечка!

Дружно чокнулись. Несмотря на то, что не все «сестрен-

ки» Свиридова перешли с Тоней на «ты» и называли ее по имени, все они чувствовали себя тут дома.

Даже Даша Огородникова, которая Воложанина, неизменно называющая Тоню на «вы» по имени и отчеству, тем не менее общалась с Тоней вполне по-родственному.

После третьей, выпитой за мужей, разговор пошел о них самых – самых главных и важных в жизни семей офицеров с особенными сыновьями. И каждой находились добрые слова, дорогие воспоминания, истории, забавные и занятные случаи.

– Девочки, как же нам всем повезло! С мужиками повезло! И мне, и вам, и всем нам!

– Только работа у них ... нервная! Привет, пока – и сумку в руку, и нет его! Где, что?

– Одно утешает – он где-то с Толей ... со Свиридовым ...

– Верно, Нина. Если бы не это – то никаких нервов не хватит ...

– А вернется – небритый, колючий, усталый ... Пустой!

– Верно, Лера, пустой. Лучше и не скажешь!

– Но если бы мы знали, откуда они вернулись ...

– Наверное, лучше этого не знать ... Хватает одного запаха пороха ...

– Девочки, а им бывает так важно почувствовать себя дома ...

– Увидеть вашу любовь ...

– И как это для них, для наших мужчин, важно ...

После смерти Елизара Болеславовича Авдоконихина его жена Надежда Федоровна долго не могла оправиться, но ей очень помог маленький сын – Андрюша и добровольная помощница Капитолина.

Капитолина Шерстнева училась в местном ПТУ на оператора установок ГАМ, и вскоре после смерти Елизара Болеславовича стала помогать Наде, а потом Надя пригласила Капу к себе на постоянное житье.

Капитолина стала жить в этой просторной квартире, ухаживать за Андрюшей, посещать занятия и пользоваться консультациями Надежды, а при необходимости и других ведущих специалистов фирмы.

Надежду оберегали все сотрудники Авдоконихина, и никто не посмел сказать о ней плохого слова. А о приезде сына Авдоконихина, который в годы репрессий отказался от отца и вспомнил о нем только после его смерти и приехал за «наследством», ходили легенды. Якобы этот немолодой человек с бегающими глазками нарвался на Свиридова, и тот собственноручно спустил его с лестницы.

Надя как-то услышала эту историю, засмеялась и сказала, что Свиридов действительно присутствовал при визите этого сына, но с лестницы того не спускал.

Постепенно Надя оживала, и основную роль в этом играл ее сынок, ее Андрюша, и Капитолина. Немалых трудов Наде стоило приучить Капитолину к тому, что она не прислуга, не

приживалка, а подруга и ближайшая Надина помощница.

У маленького Андрюши была мама и Капа, и иногда Надя даже ревновала, если мальчик проявлял больше внимания девушке. Но потом он так уютно засыпал на руках у Нади, уткнувшись лицом в ее грудь.

Мальчик рос, уже ходил в детский садик, обзавелся знакомыми – Надя с ним ходила в гости к Скворцовым, к Свиридовым, к Кульченковым, к Ерлыкиной с Черномырдиным.

И к ним в просторную квартиру Авдоконихина приходили малыши с родителями. А если приходил Свиридов, то он приносил не только букет Наде, но и одну черную розу, которую ставили перед портретом Елизара Болеславовича работы Гриши – Елизар Болеславович очень любил черные розы.

Именно Скворцов вытащил Надю в первый раз в ресторан – он просто заявился к ним с Леной и Виолеттой и чуть ли не силой заставил Надю пойти с ними сперва на концерт, а потом в ресторан. Ненадолго, но этого было достаточно, чтобы Надя почувствовала жизнь вокруг нее.

После этого она уже с меньшим трудом поддалась уговорам Потаповича и посетила небольшое празднество по случаю юбилея лучшего механика отдела, и даже пару раз там потанцевала. Она чувствовала бережное отношение всех сотрудников бывшего отдела Авдоконихина, и с удивлением видела, что пока еще никто даже и не пытался назвать его отделом Потаповича. И ей это было приятно.

Возможно, поэтому она довольно спокойно восприняла

разговор с Потапом Потаповичем насчет продолжения работы над ее, Надиной, диссертационной работой. И в отделе аспирантуры возобновили дело аспирантки Надежды Федоровны Новиковой, теперь Авдоконихиной, и назначили ей нового руководителя – члена-корреспондента РАН д.ф.-мат. наук Потаповича П.П.

Вечером Надя рассказала об этом Капитолине, та обрадовалась и ничуть не возражала, что ей придется больше времени уделять Андрюше ...

В городе около фирмы «НИПЦ» было всего три жилых здания – два одинаковых длинных восьмиэтажных корпуса и так называемый «трилистник». Было много других небольших малоэтажных строений – Дом культуры, спорт-комплекс, универсам, ресторан, здание банка, здание местной администрации ...

Но других жилых зданий рядом с фирмой не было ...

«Длинные корпуса» строились по проектам, приближенным к типовым, если не считать, что в их проектировании непосредственное участие принимал лично Свиридов. Поэтому здания получились далеко не типовыми, хотя и были собраны из типовых заводских панелей.

Город начинался в первого такого длинного корпуса.

Все его пятнадцать подъездов были сгруппированы в виде пяти входов.

При этом все подъезды внутри здания были соединены

остекленным коридором.

Весь первый этаж был намного шире самого здания и целиком использовался для различных служб бытового назначения – магазинов, почтового отделения, сберкассы, универсально приемного пункта бытового обслуживания, парикмахерской, детской кухни, медпункта и других таких незаметных и еще более важных объектов.

Второй этаж этого первого в городе здания полностью был отдан под общежитие с редкими исключениями – на этом этаже жили оба «колясочника»: Иван Ромашкин и Владик Медяков со своими семьями, были служебные квартиры для временных жильцов.

По обе стороны здания над более широким первым этажом располагались единые «балконы», куда выходили многочисленные двери из помещений этого этажа.

В общежитии селились ребята из лесной школы, которые уже учились в городской школе, учились в местных ПТУ или работали в городских структурах.

Часть ребят из лесной школы уходили в семьи – их усыновляли и удочеряли, потом образовывались новые семьи ...

Впоследствии появился корпус «близнец» – точная копия первого со всеми его особенностями. Этот корпус стоял параллельно первому на приличном расстоянии от него, и между ними затем появился третий корпус.

Третий корпус, называемый в просторечии «трилистником» (прозвище «БМВ» не прижилось!), состоял из трех

корпусов, развернутых под углом в 120 градусов и соединенных вершинами между собой.

В каждом корпусе было по двенадцать этажей и по три подъезда, а на стыке корпусов в треугольной шахте размещались все коммуникации всех трех корпусов вместе с вентиляцией.

Ни для кого в городе не было секретом, что большое количество квартир оставались пустыми. Но зато при необходимости новые квартиры большей площади нуждающиеся получали незамедлительно, без проволочек и длительного ожидания – сразу, по решению Генерального директора Свиридова ... и, естественно конечно, профкома фирмы.

И сразу совершался переезд – пустые квартиры стояли в полной готовности и ремонта не требовали.

А старую, освободившуюся квартиру сразу отремонтировали и она ждала очередных новоселов.

После некоторого увеличения площади квартиры у Свиридова появился отдельный кабинет, но балкон, а точнее застекленная лоджия у этого кабинета соседствовала с такой же лоджией их с Тоней спальни.

Балкон для Свиридовых был не просто балконом, а местом самых душевных бесед.

И раньше, когда это был балкон из небольшого кабинета Свиридова в старой квартире, и теперь, когда появился новый кабинет и еще один балкон ...

Как обычно вечером, когда небо стемнело и внизу за-

зглись фонари, они устроились на этой лоджии-балконе в уютном кресле – Толя в кресле, а Тоня у него на коленях.

И ей было так хорошо ...

Она никогда не спрашивала его, он всегда начинал рассказывать сам.

– Чем ты сегодня занималась?

– Сегодня ... Как обычно. Заказчицы, примерки ... потом Верочка, Коленька ... Потом приехал Гриша и мы ждали тебя ...

– Ты знаешь, а я вспоминал тебя весь день. Было много ... беготни, пустых разговоров. Но зато потом мы поговорили с Галей Суковициной ...

– А она не поменяла фамилию?

– Нет, она осталась Суковициной, не захотела менять ... Я порадовался – как все хорошо складывается у них со Степой Гладилкиным, какие они молодцы!

– Когда мы шили ей платье, то мне удалось немного поговорить с ней. Ты же знаешь, что отношения у нас были почти официальные – она не шла на сближение. А тут поговорили о Степане, и она так о нем говорила!

– Влюблена?

– Не то слово! Она его любит, и любит и как мужчину, и как человека. Кажется – опыта нет, а как здраво рассуждает! И как умно строит свою семейную жизнь!

– Умно?

– Умно. Безусловно, она и старше своего Степы, и силь-

нее, но как она отдает старшинство мужу! Я даже удивилась, как она умело руководит мужем!

– Позавидовала?

– Дурак ты! Я давно поняла, что ты в моей жизни – главный. Поняла еще тогда, когда ты сделал меня женщиной. Это навсегда, понял?

– Милая моя! Любимая!

Они долго целовались.

– Толя, а мы с тобой не ошиблись?

– Почему?! В чем?!

– Сколько тебе лет? Сколько мне лет?

– Какое это имеет значение? Я же тебя люблю!

– И я ... тебя ... мой ... милый ...

Об этом разговоре Свиридов рассказал Тоне вечером, когда они устроились на лоджии. Сидя на коленях у мужа, охваченная его руками Тоня поцеловала его и затихла.

– Сегодня был странный звонок, – начал Свиридов и замолчал.

Тоня спокойно ожидала продолжения – такой разговор с длинными паузами был привычен.

– Звонил генерал Ефремов, наш бессменный куратор.

Он снова помолчал, поглаживая тонину спину.

– Он спросил меня, не хочу ли я прикупить отель.

– Отель?

– Один из старых московских отелей вскоре будет продан

на открытых торгах. И Николай Константинович предложил мне купить его.

– И почему дровишки?

– Стартовая цена несколько миллиардов. Долларов.

– Дешевка! Только зачем нам отель?

Тоня вспомнила, что не так давно вот тут же, на лоджии Свиридов рассказал ей о данных Интерпола по поводу непонятных пропажах из швейцарских банков нескольких миллиардов долларов с секретных счетов олигархов.

– Твоя работа? – спросила тогда Тоня.

А Свиридов промолчал.

– Нам вполне хватает Курана. – сказала Тоня.

– Умница. Я примерно так и ответил Николаю Константиновичу.

– Отстал?

– Не сразу. Поугovarивал немного, даже денежное вливание обещал. Но уговаривал как-то вяло, без энтузиазма. Видимо предполагал мой отказ.

– Ну, и ладно. Отелю нам не хватало ...

И Тоня плотнее прижалась к мужу.

Маленький белый котенок быстро превратился в крупного мускулистого кота, хотя и не потерял некоторых старых привычек – например, прокатится в чьей-нибудь коляске с кем-нибудь из малышей.

Только если раньше это были Верочка или Коленька, то

теперь он мог запрыгнуть к совершенно незнакомому карапузу и сразу с ним подружиться.

Но став взрослым котом Максом он не перестал с уважением относиться к Сандалу и по-прежнему любил прокатиться у того на спине.

Свиридов много раз пытался подключиться к сознанию котенка, но полноценного обмена информацией добиться не удавалось.

Но какая-то связь все-таки была.

Самое интересное, что несколько раз Свиридову удалось подключиться к тому, что видел котенок. Травинки, цветы, гусеницы, лягушки, лица малышей ...

Самым занятным было то, что Макс мог обернуться на мысленный зов Свиридова, и удивленно посмотреть на Свиридова.

А вот когда в гости к Свиридовым приходил Сандал, один или со своими щенками, что тоже бывало нередко, контакт с Максиком становился более прочным. С котенком – котом! – мысленно общался Сандал, пытались пообщаться молодые собаки, и в это процесс включался Свиридов. Сандал принимал это естественно, щенки удивленно, а Максик даже с некоторым испугом.

Вообще со временем он относился к Свиридову все с большим и большим уважением и даже с опаской, что не исключало чувства, что тот просто «хозяин» всего клана.

Но как бережно Макс относился к Верочке и Коленьке!

Он разрешал тискать себя, терпеливо играл тогда, когда это ему не особенно нравилось, послушно бежал на зов.

Приоритет у Макса установился следующий – Свиридов, Верочка, Коленька, Уля, Тоня и на последнем месте – Гриша. Зато Гриша мог сказать Максиму «как тебе не стыдно!» и котенок смущенно уходил.

Как ни странно, еще в самом раннем возрасте он завоевал авторитет сперва на дачных участках, а затем и в городе. Владельцы породистых кошек становились в очередь к Максиму на вязку для получения красивого потомства – это быстро выяснили экспериментально.

В путешествиях по дачным участкам Макса не трогали даже самые злобные собаки, а если молодой щенок по незнанию пробовал напасть на Макса, то получал мастерский удар по носу и навсегда отучался приставать к кошкам.

Приходя «домой» Макс в любое время суток проникал в дом через специально для него сделанный лаз с заслонкой, а затем по лестнице поднимался и открывал дверь в детскую – ночевал теперь он не на кровати Свиридовых-старших, а в детской.

А еще Макс с большим вниманием и удивлением смотрел по телевизору рекламу с рыжим котом Борисом, сперва пробовал даже познакомиться с ним, а затем уже отворачивался от этой рекламы.

Кормили Макса женщины – Уля, Тоня, Верочка.

И он приходил в заданное время, терпеливо ждал у своих

мисочек – в одной всегда была свежая вода, которую меняли несколько раз в день, а потом аккуратно съедал то, что ему клали. Никто не смог запомнить, чтобы Макс отказался есть – если только случайно в его миску попадала пища, оставшаяся в тарелке на столе ...

Утром после пробежки Свиридов вышел на берег и на лавочке увидел Скворцова.

– Ты что тут в такую рань делаешь?

– Захотелось посидеть на берегу, у воды, подумать ...

– И как думается? Что случилось?

Скворцов молчал и Свиридов прикоснулся к его сознанию.

Скворцов думал о Виоле, которую только что оставил, о своем возрасте, и еще о чем-то невеселом ...

– Поплаваем? Вода уже теплая.

– Совсем офонарел? Вон у того берега над водой еще парок стелится!

– Неженка ты! Ладно, я сейчас лодку возьму пригоню.

Свиридов обошел вышку спасателей, обошел уходящие в озеро мостки и отвязал первую лодку у причала. Достал весла из-под лавки вставил в уключины и опустил весла в воду.

По глади воды пошли волны, нарушая изображения облаков.

Несколько сильных гребков и нос лодки утыкается в берег около Скворцова.

– Давай, залезай

Скворцов влез на нос лодки, прошел мимо Свиридова на корму.

Лодка неспешно рассекала зеркало воды, оставляя позади неровную дорожку.

– Рассказывай!

– Чего рассказывать! Я потихоньку старею, а она только молодеет! И физически и ... ты же знаешь, какая она умница ... Захожу в комнату ... страх, что не смогу ...

– Идиот! С какими мыслями ты заходишь в комнаты своих женщин! Ты должен радоваться, предвкушать ... и так далее. А если входить со страхом, то не ходи!

– Я знаю, у тебя таких моментов нет и быть не может! Но неужели у тебя вообще ... ты понял – вообще не бывает страха перед ... перед дверью, перед аудиторией, перед ... ну, не знаю – перед неизвестностью?

– Какие чувства у меня бывают перед тем, чего я еще не знаю ... или перед неожиданностью? Как бы не старался, всего предвидеть нельзя ... а иногда и не надо. Недавно меня пригласили в школу имени Примакова ...

– У нас есть такая школа?

– Есть – и она не единственная среди элитных. Пригласили побеседовать со старшеклассниками, дать им ориентацию по выбору профессии.

– И как тебе это удалось?

– Кое-что удалось, тем более школа эта особая. Потом рас-

скажу ...

– Но ты неоднократно выступал у нас в школе, и выступал очень успешно!

– Мне приходилось выступать в самых разных аудиториях до самых высоких ... ты же знаешь. И я решил в той школе начать с рассказа о моих лекциях в Сколково – я там читал курс лекций о коучинге. И я с этого начал ...

– Класс небольшой, но очень активный. Были выкрики на английском языке, и я провел небольшую реконгсценировку ...

– Чего, чего?

– Этим мудреным словом обозначается изучение противника для последующих действий. Я сказал им, что мог бы выбрать язык общения, и перечисли многие, но поскольку мы в России, то общаться будем на русском. Или вы плохо владеете родным языком?

– И как они тебя слушали?

– Хорошо слушали. Привести их в рабочее состояние было не трудно. Я немного рассказал о коучинге – но это же не профессия, а философия менеджмента. А потом стал рассказывать о профессии Chemical Engineering. Дело в том, что даже в англоязычных странах до сих пор нет единого подхода к этой специальности, хотя есть даже перечень тех областей знаний, которыми должен обладать специалист по инженерной химии. У нас ВУЗы только недавно спохватились ...

– Ты как-то на совете рассказал об этой специальности ...

– Но дело в том, что эта школа направлена на воспитание лидеров ...

– Без профессиональной подготовки?

– В очень ограниченном объеме в разрезе школьной программы, а это чушь! Воспитание элиты! Обучение детей элиты, которые способны выложить сто тысяч рублей первоначального взноса и доплачивать каждый месяц еще пятьдесят тысяч!

– Шутишь!

– Какие уж шутки! И эти «детишки» уже чувствуют себя хозяевами жизни! А специалистов мы найдем!

– Как же они смогут стать руководителями, лидерами, без практического опыта?

– Папа пристроит ...

– А ты еще не думал над созданием собственной школы с высшим инженерным образованием? Школа Свиридова ...

– Дурдом имени Свиридова!

– Нет, ты не прав. Ясли, садик, школа, ПТУ – уже есть. Добавь полноценное высшее, да с аспирантурой. И готово. Инкубатор Свиридова!

– Сиди, а то искупаю!

С музыкой в городе недалеко от Москвы было связано многое, если не казать – все.

В Доме культуры киносеансы устраивали значительно реже, чем концерты или театральные представления.

Кино в большом зале показывали в основном в дни премьер, а в остальные дни киносеансы проходили в малых залах.

И один из вопросов, заданных Свиридову во время традиционного вечера вопросов и ответов, был вполне закономерен:

– Анатолий Иванович, а как формируется наша музыкальная программа? Я имею в виду программа Дома культуры.

– Музыкальная программа формируется у нас таким образом, чтобы учитывать запросы населения и отражать современный уровень культуры. Это кратко.

– И как я понимаю, вопрос имеет дополнительный уровень – а почему ... Почему у нас в Доме культуры не выступают некоторые знаменитости или ансамбли? Почему ни разу не было того-то и того-то? Так?

– Так! – дружно ответил зал.

– Причин как минимум две. Первая – дутый имидж данного исполнителя или коллектива, не соответствующий ... не соответствующий культурному уровню ... И вторая причина сугубо прагматическая – высокие гонорары и рейдеры, которые требуют данные «знаменитости», что тоже немало важно. Попросту дорого это.

– Так пусть билеты будут подороже! А что такое рейдер?

– Чтобы решить проблему таким образом, нужно чтобы на два концерта все билеты в этом зале стоили не меньше десяти тысяч рублей. А рейдер – это требование артиста к его, ар-

тиста, обслуживанию. Какие цветы поставить ему в примерке, сколько человек обслуживающего персонала должны его сопровождать, на лимузине какой марки его должны встречать, какую минеральную воду ему давать пить, чем его кормить, какого цвета постельное белье необходимо стелить ...

– У-у! – зашумело в зале.

– Кроме того наша сцена не рассчитана на большие театральные постановки, и поэтому некоторые спектакли идут у нас в так называемом концертном исполнении. Например, оперетта ...

А большой зал Дома культуры видел немало – и самые именитые московские театры, и самых известных исполнителей – не только отечественных, но и зарубежных, и студентов консерватории, что было весьма интересно (а студентам было весьма полезно!).

И уже не раз бывало, что после какого-либо спектакля через пару дней происходил концерт, который тем или иным способом был связан с недавним спектаклем.

Особенно если это спектакль был музыкальным!

Например, после спектакля театра оперетты «Сильва» – пусть в концертном исполнении, но старого, традиционно-го! – состоялся концерт Свиридова, где он исполнял позабытые фантазии Утесова на тему арии из этой оперетты.

При этом последовательно исполнялись сама ария Эдви-на, а затем фантазии – танго-сильва и фокс-сильва, что весь-

ма порадовало почитателей Леонида Утесова.

© ©

Помнишь ли ты,
Как счастье
нам
улыбалось?
Лишь
для
тебя
Сердце пылало,
любя.

Если бы в зале присутствовали представители театра, то они с удовольствием пригласили бы Свиридова в свою труппу.

А вариации Свиридова – их потом сравнивали с имеющимися в фонотеке исполнениями Утесова – были музыкально точны, но тем не менее они были спеты в манере, присущей только Свиридову.

© ©

Помнишь ли ты
наши
мечты?
Пусть

это
был только
сон –
Мне
дорог
он.

Но чем отличались почти все выступления Свиридова – это оригинальностью построения.

И тут тоже – стоило заиграть танго, как скользящими шагами из-за кулисы появилась Люба Докукина, и они со Свиридовым начали танцевать.

И при этом Свиридов пел!

А потом танго сменилось фокстротом, и они продолжили, а музыка вела и Свиридов пел.

© ©

Сильва,
ты меня
не любишь,
Сильва,
ты меня
погубишь!
Ты
одна
мой мир,

Ты божество,
ты мой кумир!

И было еще множество других концертов.

А еще Женя отметила, что некоторые знаменитые или довольно известные исполнители никогда не появлялись в Доме культуры. Она даже выписала несколько фамилий – туда попали не только безголосые «поющие трусы» по терминологии Задорнова, но и такие личности, как Киркоров, Басков, Пугачева, Ротару ...

А вот этого Женя не знала – после триумфального выступления многих артистов в Доме культуры некоторые из «неприглашаемых» стали проявлять инициативу и сами предлагать свои услуги.

Точнее, они просто набивались, устанавливали контакты с представителями Свиридова и даже пытались встретиться с самим Свиридовым. Мало кому это удавалось, но после таких встреч артист на некоторое время почему-то переставал появляться на публике, становился более скромным и на концертах не так заигрывал с залом ...

Но зато в зале Дома культуры нередко появлялись «иностранцы» исполнители – Раймонд Паулс, Лайма Вайкуле ...

И даже Патриция Каас, которую привез сам Свиридов, и показал ей ее двойника, Людмилу Бересневу; и всемирно известный гитарист Ал Ди Меола ...

Не было случая, чтобы Паулс или Вайкуле не навестили Свиридова при очередном приезде в Москву ...

А свои отечественные знаменитости появлялись здесь регулярно – и «Виртуозы Москвы», и Мстислав Растропович, и пианисты Владимир Крайнев и Денис Мацуев, Игорь Бутман, и знаменитый ансамбль народной песни «Веретенце», и хор Турецкого, и другие не менее известные артисты ...

Среди исполнителей, собиравших полные залы в Доме культуры, были свои – Анатолий Свиридов, Валентина Суковицина, Ангелина Кочура, Александра Беляева. Это – певцы.

Но инструментальная музыка у слушателей была тоже в почете – кроме мировых знаменитостей ничуть не меньшим вниманием слушатели отмечали выступления музыкантов ансамбля «Живой звук» – Семена Черномырдина (все без исключения духовые инструменты), Аркадия Аскадского (скрипка), Дмитрия Лопаткина (любые клавишные), Петра Дормидонтова (ударные).

В Доме культуры нередко устраивали сольные концерты Черномырдина, и эти концерты собирали ничуть не меньшие аудитории, чем концерты самого Свиридова.

Семен Гаврилович выходил на сцену нерешительно, смущенно и скромно раскланивался. Но стоило ему взять в руки инструмент и приложить мундштук ко рту, как все разительно менялось. На сцене появлялся уверенный и независимый музыкант, полностью погруженный в музыку.

Рядом с Семеном Гавриловичем около стойки с инструментами обычно находилась Полина Ерлыкина, подававшая ему нужный инструмент – саксофон, трубу, флейту или тромбон.

Сольный концерт Черномырдина всегда сопровождали его друзья по ансамблю – ударник Петр Дормидонтов, почти всегда гитарист Анатолий Свиридов, нередко клавишник Дмитрий Лопаткин или контрабасист из военного оркестра (а иногда близкий друг певицы из ресторана Курана Фаины Ломакиной).

Иногда концерт Семена Гавриловича и Анатолия Ивановича (и Петра Филимоновича) вызывал длительную овацию. Как-то эта троица исполняла мелодию Игоря Крутого под названием «Шепот пальмовых листьев на теплом ветру» – гитара и ударные так естественно дополняли флейту Черномырдина, а почти неслышный речитатив Валентины Суковицкой на французском языке создавал неповторимый привкус Франции, и овациям не было конца.

Эту запись затем показали автору – и он удивился оригинальности трактовки его музыки и захотел познакомиться с исполнителями. И приехал, и удивился, и восхитился, и стал постоянным гостем – как и Раймонд Паулс.

Концерты виртуоза-скрипача Аскадского, не имеющего никакого музыкального образования, вызывали интерес тем более, что в его репертуаре было много неизвестной публике произведений – одесских, старых и даже старинных.

А если они играли в паре со Свиридовым – то и цыганских.

Лопаткин играл в ансамбле на клавишных инструментах – рояле, аккордеоне, редко на синтезаторе, но слушателей больше всего привлекали его концерты совместно с Раймондом Паулсом, в два рояля.

И такие концерты не были редкостью – почти каждый визит в Москву Раймонд посещал этот город недалеко от Москвы и радовал слушателей своей игрой. В совместных концертах на двух роялях всегда участвовал Олег Ерлыкин – он сидел в кулисе и молчал. И еще им – Раймонду и Дмитрию – незримо помогал Свиридов, и делал он это с удовольствием.

Один Петр Дормидонтов, играющий на ударных, не давал сольных концертов, но от этого ничуть не страдал.

Но тем не менее Виолетта Ерцкая утешала его, а с ней Петр всегда общался с большим удовольствием, и это было взаимно ...

Вопрос обучения Кати Бганцевой пению решался коллегиально, и Катя об этом знала. После беседы с Олегом Катя стала молчаливой и задумчивой – Олег по существу сделал ей предложение, но после этого ничего – как ей казалось – не последовало.

А Олег к проблеме создания семьи подходил очень серьезно, обдумывал свое и Катино будущее и пытался планировать его. Возможно, он так подробно обсуждал это с Катей,

поэтому она и задумывалась. Но отношение Олега к Кате не изменилось, он так же ласкового и бережно обращался с ней, и даже еще более нежно и ласково.

И когда Катя напомнила Олегу его вопрос и свой ответ, то Олег ответил ей – настоящую семью мы с тобой создадим чуть-чуть позже, когда ты достигнешь совершеннолетия, а сейчас мы будем решать проблему с твоим голосом.

Оказалось, что Полина Ерлыкина была давно знакома с Любой Казарновской, но они очень давно не встречались.

И Полина позвонила и напомнила Казарновской о себе, и попросила о встрече.

На что получила гневную тираду о том, что она, неблагодарная, забыла ее, что может приехать в любое время – чтобы только она, Люба, была в Москве.

И Полина поехала, заявив, что на первую встречу она поедет одна.

По возвращении Полина рассказала о встрече узкому кругу – мужу, сыну, Кате, Свиридову.

– Все наши объятия и ругательства Любы я опускаю ...

– Поленька, почему ругательства? – озабоченно спросил Черномырдин.

– Мы были очень дружны ... тогда, раньше. Но потом она стала знаменитостью, и я перестала с ней встречаться. А она меня потеряла, не могла найти ... За это мне досталось. Но Люба осталась прежней, мы быстро ... обнялись, прослезились ...

– А по главному вопросу?

– Сейчас ... – Полина была заметно взволнованна. – Минутку ...

– Отстаньте от тети Поли! – решительно вмешалась Катя. – Дайте ... дайте человеку успокоиться ...

– Все. Продолжаем. Кстати, она познакомила меня со своим мужем, и он оказался хорошим парнем! Я рассказала Любе об Олеге, о Кате ...

– И что ты, мама, рассказала?

– Не все, но многое ... – тут Полина в импульсе мысленно передала Олегу и Свиридову свою беседу с Любовью Казарновской.

– Ну, ты, мать, даешь!

– Все правильно, Полина. Все правильно!

– Катенька, я рассказала о тебе, о проблеме твоего голоса, о проблеме обучения и ваших с Олежкой отношениях. И о том, что мы с Семеном видим тебя нашей дочкой, женой нашего Олежки.

– Спасибо ... мама! – растроганно сказала Катя.

– Ну, ну, Катенька! Все будет хорошо! И мы договорились, что следующая встреча будет уже с профессором, учителем Любы. И на этой встрече я прошу присутствовать тебя, Сема, и тебя, Толя.

– А Олег?

– И, конечно, без тебя, Олежка, этой встречи быть не может!

И встреча состоялась в одной из репетиционных аудиторий Консерватории, где прибывших встретил седой старик импозантной внешности, которого обняла Казарновская.

После короткого представления прибывших профессор сел за рояль.

– Что вы нам споете, дорогая Катенька?

– Вы позволите, профессор?

И Олег заменил за роялем профессора. Тот удивленно посмотрел на юношу, но послушно сел рядом с Казарновской.

Олег взглядом спросил у Кати разрешения и положил пальцы на клавиши.

© ©

Зачем тебя, я милый мой, узнала,

Зачем ты мне ответил на любовь?

Густой, низкий голос так не вязался с внешностью девушки, что и профессор, и Любовь Казарновская испытали настоящий шок, тем более, что девушка явно петь не умела.

Свиридов и Полина не просто знали, они чувствовали, как Олег мысленно «руководит» пением Кати, как он направляет ее, как формирует ее голос.

После того, как Катя закончила петь, профессор обменялся взглядами с Казарновской, и попросил спеть еще что-нибудь.

– Можно, я спою что-нибудь совсем другое? – своим

обычным голосом спросила Катя.

– Пожалуйста, девушка. – ответил седой профессор.

© ©

Я вся горю,
не пойму
отчего.
Сердце,
ну как же мне быть?
Ах, почему
изо всех
одного
Можем
мы в жизни
любить?

Те, кто слышал пение Свиридова, могли в пении Кати услышать его интонации, но пела она так легко и выразительно, что Казарновская даже удивилась.

Чувства, которые слышались в пении этой юной девушки, пусть вполне сложившейся внешне, вряд ли могли быть пережитыми, а она пела с таким чувством!

И Казарновская спросила Катю об этом, чем сильно смутила ее и Катя покраснела.

Но ответил Казарновской Свиридов.

– Видите ли, Любовь Юрьевна, тут дело не столько в Кате,

сколько в некой способности Олега ...

– И Анатолия Ивановича тоже! – вставила Полина.

– В способности Олега оказывать воздействие на сознание людей. Поэтому поет Катя, а чувственность ее пения создана Олегом.

– Толя, мне показалось, или тут и ты принял участие? В этом самом исполнении?

– Возможно самую малость, Полина.

– Что же это получается? Поет девушка, а эмоциональную окраску ее исполнения создает кто-то другой? Так?

– Да, профессор. Именно так. И Полина права – в последнем случае я тоже принял участие.

– Значит ли это, что кроме молодого человека на певицу могут оказывать ... могут оказывать воздействие и другие?

– Да, Любочка, могут. Из присутствующих кроме Олега такими способностями обладают Толя ... то есть Анатолий Иванович и я.

– Если я правильно понимаю происходящее, то вполне возможно нечто ... – задумчиво произнес профессор. – Я шепну молодому человеку на ушко название произведения в тайне от девушки, а она запоеет именно это? Я правильно понимаю происходящее?

– Совершенно правильно, профессор! – не выдержал Черномырдин. – Вы можете шепнуть это даже не Олегу, а Полине или Анатолию Ивановичу, а Катенька запоеет то, что вы назовете!

– Ну, дела! Давайте попробуем!

И профессор склонился к уху Полины Ерлыкиной, а потом шепнул это Казарновской.

И Катя запела не дожидаясь аккомпанемента Олега, и запела так, что Казарновская стала шевелить губами, повторяя – не слова, нет! – а настроение, чувства, эмоции певицы.

© ©

Целую ночь

соловей

нам насвистывал,

Город молчал

и молчали

дома.

Белой акации

гроздь

душистые

Ночь напролет

нас сводили

с ума.

Ей явно нехватало умения петь, ей нехватало дыхания, нехватало умения артикулировать слова, которые она с таким чувством выпевала.

Казарновская почувствовала это первой и остановила Катю. И объяснила, почему на это сделала.

– Вот видите! – почти обрадовался Олег. – Этого я ей пе-

редать не могу, и мама не может! И Толя тоже не может! А ты молодец, Катюша ...

– Катя, а вы можете петь не в полную силу? Вполголоса? Попробуйте!

© ©

Три слова,
словно три
огня
Придут к тебе
среди бела
дня,
Придут к тебе
порой
ночной,
Огромные,
как шар
земной.
Как будто
парус
кораблю,
Три слова

Я
тебя
люблю.
Какие старые слова ...

На музыкальном языке это называется, кажется, пиано, и Катя пела негромко, очень лирично и полностью отдаваясь мелодии и смыслу.

Она спела все полностью, и Полина, и Семен Гаврилович услышали в ее пении отголоски исполнения Свиридова.

– Ты молодец, Катенька! Мы не аплодируем с профессором просто потому, что здесь это не принято. А исполнение достойно аплодисментов!

– Да, голубушка, Любочка права! – очнулся от забытья профессор. – Но как же учить вас и чему – вот вопрос. Да, Любочка?

Олег тронул клавиши, негромко наигрывая что-то очень знакомое.

Но странным оказалось не это, а то, что Катя запела дуэтом со Свиридовым.

И голоса их прекрасно сливались и дополняли друг друга, и они ни разу не разошлись, хотя Катя пела повернувшись к Олегу,

© ©

Дымок
от папиросы
Завивается и тает.
Дымок
голубоватый,

Призрачный
как радость
или мечтанье.

Как это все
далеко -
Любовь,
весна
и юность.

Брожу я одиноко,
И душа
тоски
полна ...

Этого не ожидал никто, и дуэт получился очень выразительным и слаженным – казалось, он тщательно срепетирован. Конечно, так могло показаться только тем, кто не знал Свиридова и не знал, как он умеет петь дуэтом, но впечатление дуэт произвел!

– Дорогие гости, не много ли сюрпризов на первый раз?
Больше Катя в этот раз не пела.

Поговорили, обсудили проблему обучения молодой девушки основам певческого ремесла – именно ремесла, техники.

– Молодой человек, а где вы учились? Ваша игра мне почему-то напомнила ... извините, но напомнила мне Раймонда Паулса!

– Видите ли, профессор, Олег так часто ... встречается с Раймондом, что поневоле усвоил его манеру игры.

– А вы, Анатолий Иванович, у кого учились? Я расслышал очень и очень неплохую школу!

– Возможно, но ... Мне жаль вас разочаровывать, но я не могу похвастаться именитым учителем. Но, говорят, что у меня есть некоторые ... некоторые голосовые данные ...

А прощаясь профессор поцеловал руку Кати, чем Владимир Владимирович ввел ее в такое смущение, что Олегу пришлось долго успокаивать и утешать ее, растерянную до слез ...

В городе было три певицы.

Самым солидным стажем из них обладала Валентина Суковицина – она начала петь еще в населенном пункте далеко от Москвы, в таинственном городе «Солнечный», где уже много-много лет не видели солнца.

У Валентины был прекрасный сильный голос – меццо-сопрано, отсутствие какого-либо музыкального образования и сложный причудливый характер.

С характером Валентины умели управляться немногие – ее непосредственный начальник Лев Вонифатьевич Худобин, Анатолий Свиридов, а также скрипач Аркадий Аскадский.

Правда последнему это удалось далеко не сразу.

Теперь Валентина пела здесь, недалеко от Москвы, и ха-

рактир ее стал намного мягче, и в основном это было заслугой Аркадия.

Валентина пела достаточно часто, пела вместе со Свиридовым, пела одна, а иногда вместе с другими подружками-певицами.

Другая певица, но может быть даже первая по голосовым данным, была Александра Беляева, воспитанница лесной школы-интерната. Голос Шурочки был самым высоким и назывался сопрано колоратурное.

Шурочка училась в Гнесинском училище, и пела очень редко – так ее вели педагоги.

Она вместе с сестрой Алиной уже переселилась в город из лесной школы, отсюда ездила в Москву на занятия, и несмотря на свою славу оставалась тихой и застенчивой.

Ухажеров у нее хватало – и здесь и в Москве.

Но ее тихий характер становился непреклонным и исключаящим всякие вольности при малейшей попытке сближения, и в этом ей помогали все знакомые – и Свиридов, и Дормидонтов, и Лопаткин, и Черномырдин, и Олег ...

А из тихих и застенчивых мальчиков образовался круг ее друзей, которые ее тоже оберегали, а самый тихий и застенчивый получил право быть рядом всегда ...

Никто, даже самые близкие подружки – такие же тихие девочки из городских и из интернатовских – не знали, что происходит между Шурочкой и ее молчаливым спутником Лешей Катиным, когда они остаются наедине.

Но Леша сопровождал Шурочку, носил ее папку с нотами, ее букеты цветов, и Шурочка брала его под руку, уходя с концерта ...

Шурочка вместе с сестрой Алиной жили в отдельной двухкомнатной квартире, но даже сестра не могла просветить любопытных о подробностях ...

Третьей была Ангелина Кочура, приехавшая с Черноморского побережья Кавказа, и тоже обучавшаяся в Гнесинском училище. Голос ее определяли как сопрано лирико-драматическое – голос очень выразительный и востребованный в опере.

Например, партию Аиды в одноименной опере, и Татьяны в «Евгении Онегине» пели как правило певицы с такими голосами.

С Ангелиной Свиридов познакомился на южном побережье Кавказа, на пограничной заставе, где перед отъездом он пел для старых знакомых.

Эта застава для Свиридовых была хорошо знакома.

Здесь, на пляже, Тоня и Анатолий давным-давно задержали двух диверсантов, пришедших морем, а Гриша нарисовал портрет третьего, которого задержали аж в Новороссийске, и удивились его почти фотографическому сходству с рисунком Гриши.

За это Гриша получил медаль «За охрану государственной границы», а Свиридовы навещали эту заставу при каждом удобном случае.

Именно поэтому кроме специального концерта в санатории для пограничников знакомой заставы Свиридов перед отъездом в Москву приехал к ним, и тут, во время концерта «почувствовал» Ангелину.

Он почувствовал, как она мысленно подпевает ему, вытащил ее на сцену. Затем он познакомился с ее мужем, застенчивым старшим лейтенантом Иваном Рязанским, пригласил их в Москву ...

Теперь капитан Рязанский служил в воинской части ЗАТО, а Ангелина училась пению в Москве, а иногда выступала в Доме культуры.

На каждое выступление Ангелина испрашивала разрешение у своего педагога, а потом отчитывалась о концерте.

Последнее время ее отчет стал сопровождаться видеосюжетом, а затем Геля стала приглашать своих педагогов в ЗАТО на концерты, познакомила со Свиридовым, с Олегом.

Правда, на самом деле певиц было больше трех упомянутых.

Была Фаина Григорьевна Ломакина, которая пела в ресторане Курана, и иногда приезжала сюда, в город недалеко от Москвы.

У Ломакиной был голос для исполнения ролей Турандот и Тоски, и назывался он драматическим сопрано.

Фаина Ломакина была несколько испорчена постоянным пением в ресторане, где важным является отстраненность от жующих и пьющих слушателей, но тут, недалеко от Москвы,

она «оттаивала» и пела для благодарных слушателей, и это ей очень нравилось.

У Ломакиной здесь была своя комната в общежитии, и с ней нередко приезжал ее близкий знакомый контрабасист. Его тоже привлекли к участию в концертах, и он иногда играл в составе ансамбля «Живой звук».

На этом перечисление закончить было нельзя.

Совсем недавно все услышали голос Екатерины Бганцевой, подруги Олега Ерлыкина.

У нее оказался удивительный для такого нежного возраста и изящной комплекции голос – контральто, самый низкий из женских певческих голосов.

Но петь она не умела, и Олег потихоньку обучал ее самым основам, боясь испортить.

Правда, иногда Катя вдруг появлялась на сцене, и удивляла слушателей своим глубоким голосом и неожиданным репертуаром.

© ©

В этом мире,
в этом городе,
Там,
где улицы
грустят о лете ...

Это было так неожиданно – и голос, и песня из репертуара Эдиты Пьехи, но Катя пела так задушевно ...

Она редко пела одна – чаще она подпевала Свиридову или кому-нибудь из своих подружек-певиц.

Но когда она снова вдруг запела одна, да как ...

© ©

Манит,

манит,

манит

карусель

В путешествие

по замкнутому

кругу.

Дарит,

дарит,

дарит

карусель

То надежду,

то досадную

разлуку.

Манит,

манит,

манит

карусель,

Карусель любви –

неверная
подруга,
Манит,
манит,
манит
карусель,
И на ней
никак нельзя
догнать
друг друга ...

Это было настолько необычно и неожиданно, что зал потерялся – эти слова часто звучали «из всех утюгов», как обычно именовали всю раскручиваемую мелодию, но ...

Звучала эта мелодия в исполнении Кати совершенно по-иному, ново, неожиданно ...

Но Катя пела пока еще очень и очень редко ...

Таким образом в целом можно было говорить о пяти певицах с разной степенью подготовленности и разными голосовыми особенностями.

Все вместе они пели очень редко, но Олег при подготовке программ всех их имел в виду.

И не только имел в виду, учитывая особенности голоса, подготовки и даже характера, но и выстраивая на этих особенностях свою программу, рисунок концерта или постановки.

Нет, Олег на ставил спектаклей, он ставил представление как единое целое независимо от жанра и драматургической основы. Это мог быть музыкальный вечер, концерт или музыкально-драматическая композиция – все несло на себе отзвук личности Олега, и все было талантливо, оригинально и ... и неожиданно.

Олег очень любил вовлекать в процесс творчества Свиридова, Черномырдина и других музыкантов ансамбля «Живой звук», певец и бек-вокалисток, и все они охотно принимали участие в таком коллективном творчестве.

А сценические формы представлений Олега были самые разнообразные.

Недавно это была полузабытая песня:

© ©

В далеком Лондоне
погасли
огоньки,
В далеком Лондоне
все спать легли.
И только в баре,
где все
по паре
Танцуют танец
шико-гали
до зари.

И дри папешь,
пешь,
пешь,
пешь,
пешь.

И дри папульки,
пульки,
пульки,
пульки,
пульки.

А дри папешь,
пешь,
пешь,
пешь,
пешь,

А дри папульки,
пульки,
пульки -
и назад.

И все это веселье было поддержано танцевальным коллективом из лесной школы.

А что выделявала длинноногая девочка, одетая мальчиком – казалось, что для нее нет запретных движений, что руки и ноги у нее могут жить независимо от тела, и она самоабвенно отплясывала неизвестно какой танец ...

Это было так заразительно, что весь зал подхватил:

© ©

А дри папешь,
пешь,
пешь,
пешь,
пешь.

А дри папульки,
пульки,
пульки,
пульки,
пульки!

А дри папешь,
пешь,
пешь,
пешь,
пешь,

А дри папульки,
пульки,
пульки -
и назад!

Несколько раз Олег и музыканты обсуждали возможность совместного выступления нескольких певиц, но собрать их вместе удавалось редко ...

Зато когда Свиридов брал в руки гитару и начинал:

© ©

Наполнит
праздничный Париж
вино
французское,
А ей пригрезится Москва
белым-бела.
Она пьет водку
так,
как подданная русская,
Она такая же
москвичка,
как была.
Она хоть бывшая,
но подданная
русская,
Она
такая же
москвичка,
как была.

– Владимир Владимирович здравствуйте. Опять Свиридов.

– Здравствуйте Анатолий Иванович. Насколько срочно?

– Не горит. Когда вам будет удобно.

– Тогда завтра, у меня в резиденции. Утром, после девяти.

Вас устраивает?

– Благодарю. До встречи.

Пожалуй, Свиридов впервые предъявил свое удостоверение Советника Президента.

Но дежурный вытянулся, щелкнул каблуками:

– Здравия желаю, генерал!

– Тема моего визита – строительство электронно-позитронного коллайдера «Супер чарм-тау» в Новосибирске.

– Уже интересно! У меня после пробежки второй завтрак – разделите со мной?

– Благодарю. Если только чаю.

– Чаю генералу Свиридову! – распорядился Президент безмолвно стоящему адъютанту.,

– Я слетал в Новосибирск, побеседовал со Скринским и Левичевым.

Свиридов взял в руки красивый бокал с чаем.

– Они рассказали много интересного. Почему-то не удивлялись, что я воспринимаю всю сугубо специфическую терминологию, но по моим репликам поняли, что я знаю намного больше, чем они мне рассказывают. И о Гирше Будкере тоже.

– Вам рассказали всю историю ИЯФ?

– Почти. Но меня сейчас больше интересуют вопросы финансирования создания коллайдера. С нашей стороны. Они

на голодном пайке.

– К сожалению. Не мне вам рассказывать все сложности с финансированием науки в целом и ИЯФ в частности.

– И о роли ФАНО ...

– Я чувствую, что у вас есть идея!

– Вы можете запросить о суммах, которые я переводил на секретный счет конторы – поскольку столько же оседало у меня.

– Есть ощущение, что были случаи, когда контора не получала свою половину. Было?

– Было. Причина проста – я обязан указывать источник поступлений. Это след, через который можно выйти на меня. Учитывая жгучий интерес зарубежных спецслужб к российскому «суперчеловеку» ...

– Есть даже термин?

– Superhuman. И есть специальные программы по поиску и обнаружению. И моего «кокона» тоже.

– Защищаетесь? Насколько реально эта угроза?

– Реальна. Поэтому принимаю соответствующие меры предосторожности.

– Это тот непонятный самолет с золотом?

– И это тоже. Контора получила от меня ...

И Свиридов на салфетке написал цифру – в долларах, с многими нулями.

– Примерно половину они истратили ...

Снова цифра.

– С учетом моих возможностей мы могли бы организовать финансирование для ИЯФ в размере ...

Снова цифра ...

– Это, пожалуй, не меньше стоимости ускорителя в ЦЕРНЕ ...

– Я думаю, что объединив эти средства можно профинансировать этот коллайдер.

– Каким способом?

– Тем же, как мы финансируем завод Дерендяева ... Мы привыкли к такому названию завода в «Солнечном». Кредит под поручительство ...

– Обсудите с конторой ... Потом соорудите Постановление. Это – миллиарды ...

Виктор Скворцов был первым, кто соорудил на участке детский надувной бассейн.

Перед этим они вместе с Костей, Даном и Костей Докукиным – соседом по даче – подготовили площадку, выровняли и утрамбовали землю, а уж потом появилось это зелено-синее чудовище.

Компрессор быстро накачал воздух и получился аккуратный круглый бассейн, наполнившийся водой.

Всеобщее любопытство закончилось тем, что самую активную зрительницу – а это оказалась Лена Скворцова, высказывающая критические замечания – просто бросили в воду, так, целиком, в одежде.

На крики Лены – правда, не особенно громкие – пришла Виолетта, засмеялась, разделась и составила Лене компанию.

– И долго будет это безобразие? – солидно спросил Витенька: вся малышня дисциплинированно стояла вокруг и ждала команды.

Под общий смех женщин «выловили» из воды, бассейн помыли, залили чистой водой и тогда малышня отела душу.

– А я хотел понырять, да тут так мелко! – с сожалением констатировал Витенька.

Скворцов разводил в бассейне морскую соль, к полному восторгу малышей струя от насоса создавала видимость волны, а Костя Докукин с Даниилом Дубининым сооружали рядом с бассейном душевую – просторную, даже с верандой.

Пол душевой выстелили специальной нескользящей резиной, струи воды лились не только сверху, но и с боков – к полному восторгу малышни. К многочисленным Скворцовым с удовольствием присоединялись малыши с соседних участков, неукоснительно слушающие Витеньку.

И в это брызгающееся и весело шумящее общество влилась Маша с дочкой Анечкой – обе голенькие.

На веселый гомон заглянул Ден, и Маша, засмутившись, закрыла дверь.

Но через минуту открыла и, смущенно прикрываясь, позвала его.

Он плескался и брызгался, не отличая своих, Скворцовских малышей, от Докукинских или Свиридовских, смугло-

го курчавого мальчика Ваню Антипова или Гену Потаповича ...

– Господин член-корреспондент, складывается впечатление, что вы плохо усваиваете содержание наших с вами договоренностей.

– Ну, какие могут быть договоренности! Мы с вами обсуждали перспективы развития мощных излучателей когерентного типа и их ...

– Стоп!

И собеседник замолк мгновенно – как будто его выключили.

– Мы с вами договаривались, что все ваши разрушительные для науки действия будут прекращены раз и навсегда ...

– Ну, что может быть раз и навсегда! В нашем неумолимо изменчивом мире нет таких категоричных ...

– Стоп! Если вы не прекратите свое словоблудие, то мне придется применять иные формы общения с вами.

– Вспомнили свои кагебешные штучки? Допрос с пристрастием, пытки?

– Стоп! Если хотите, я могу включить последнюю запись нашей беседы. Ее конец, где вы клятвенно обещали мне не просто принять к сведению все мною сказанное, но принять к исполнению. Вспомнили? Сейчас видеозапись нашей с вами встречи тоже производится, и я всегда могу доказать ее,

беседы ... Продолжим?

– Да, да, пожалуйста. Конечно продолжим. Но о чем?

– О том, что вы перестанете разрушать академические институты, в которые вы внедрились, и будете сотрудничать с ними на договорной основе и строго в рамках этих договоров ...

– Но простите, у нас демократия, а ваши слова отдают деспотизмом! Научные интересы, которые я представляю и защищаю ...

– Хватит! В свое время ваши «коллеги» из Американской ассоциации содействия развитию науки уговорили вас принять участие в работе группы, занимающейся риторикой. На самом деле это был краткий курс по профессиональному овладению искусством манипулирования собеседником.

– Но там мы занимались только русским языком!

– У меня есть видеозапись ваших занятий, а некоторые приемы из освоенных вами на занятиях можно увидеть даже в ваших телесюжетах. Простенькие приемы завоевания внимания и доверия собеседника. Вы так хорошо усвоили некоторые приемы науки манипулирования, что их даже можно найти в ваших телепередачах!

– И что же в конце концов вы от меня хотите? Вы допрашиваете меня без адвоката, пытаетесь предъявлять какие-то смехотворные претензии!

– Насчет смехотворности можно поговорить ... Вот видеозапись вашей беседы с братом, где вы планируете – каким

же образом вам убедить Президента в том, что вам нужно! И беседы еще с некоторыми вашими советчиками ...

– Вы набрались наглости и записываете мои разговоры ... разговоры ... разговоры с Президентом!?! Кто мог вам такое разрешить?! Он – Президент!!!

– Подумайте – кто мне мог разрешить? И кончайте свое словоблудие. У вас как в известном анекдоте всего два выхода ...

Движением руки он пресекал попытки собеседника вмешаться в разговор и даже краткие реплики жестко пресекал.

Поэтому разговор превратился в монолог, и во время этого монолога лицо его собеседника разительно менялось от добродушного улыбчивого и доброжелательного до напряженного и озабоченного, и даже несколько напуганного.

Еще несколько раз он с нескрываемым удивлением видел на экране встречи и разговоры, которые проводились по всем правилам конспирации и никак не могли быть зафиксированы – а они были зафиксированы, в хорошем качестве изображения и звука, правда нередко не было видно собеседника ...

Раймонд Паулс появлялся в городе довольно часто.

Бывая в Москве иногда он останавливался здесь, в городе.

Он прогуливался в сопровождении своих хороших знакомых – Валдиса Лазариса и его супруги Мари в лесу позади Дома культуры.

Лес здесь еще не перестал быть лесом, но все больше приобретал черты благоустроенного парка.

Навстречу им двигалась весьма пожилая дама с детской коляской и выглядывающим оттуда любознательным младенцем с соской во рту.

– Раймонд Вальдемарович, здравствуйте! Как поживаете?

Паулс в своей сдержанной манере поздоровался с дамой.

– Как хорошо, что вы приехали! У нас дома сегодня будет лотерея – кому слушать вас в зале, а кому сидеть дома с малышом и смотреть концерт по телевизору ...

С недавних пор в городе заработал свой телеканал, по которому можно было увидеть все концерты и спектакли со сцены дома культуры.

Рядом с кинопроекционной на четвертом этаже разместилась небольшая телестудия с крохотной комнаткой для выпускающего и отделенной от него стеклом комнатой для диктора.

Выпускающий – он же режиссер и ведущий – мог наблюдать зал не только на мониторах, но и отодвинув светозащитную заслонку через окно в зрительный зал.

А вечером на сцене напротив друг друга стояли два рояля, а позади – ударная установка.

Слева обычно устраивался Раймонд Паулс, за правым роялем – профессор Дмитрий Лопаткин, а за кулисами – Олег Ерлыкин с неизменной Катенькой.

И начиналось музыкальное пиршество – фантазию начи-

нал Паулс, а Лопаткин подхватывал, мелодия развивалась, усложнялась, размножалась. В создании музыки принимал участие Олег, Свиридов и Лопаткин, и Паулс знал это, задавая мелодию.

Другой профессор Петр Дормидонтов вписывался в мелодию сухой россыпью ударных, принимая участие в фантазии, но бывали случаи, когда к ним присоединялись Семен Черномырдин (духовые), Аркадий Аскадский (скрипка) и Анатолий Свиридов (гитара). Тогда остановить коллективную фантазию было невозможно, и выступление могло продолжаться без перерыва больше часа ...

Записи этих выступлений пользовались большим спросом, тем более что многие из них были построены на основе популярных музыкальных произведений – вплоть до симфоний известных композиторов ...

– Твое здоровье, Анатолий Иванович!

– Твое, Дементий Кузьмич!

Выпили, закусили. Евгения Павловна Белоглазова сидела на балконе.

– Мы с тобой знакомы давно, Анатолий. Поэтому не темни.

– Господь с тобою, Кузьмич! О чем ты?

– Чья это квартира?

– Эта квартира семейства генерала Белоглазова, его супруги и их дочери. Устраивает?

– Не финти! Новостройка, престижная зона ... Эта квартира немало стоит! Кто заплатил? Я не верю, что заплатило Министерство обороны!

– Но Минобороны тебе предлагает квартиру?

– Предлагает. Видел я ее – в старом доме двухкомнатная конура. Жуть берет, я Женю туда даже не рискнул вести!

– Тогда налей еще. Вы с Женей прикидывали покупку квартиры в Москве – считай, что я вам такую квартиру купил. Желаете деньги отдать? Давай!

– Твое здоровье, старый жулик! Женя знает?

– Твоя жена – спроси сам.

– Женечка! Где ты? Иди к нам. Ты знала, что эта квартира принадлежит Анатолию?

– Я не знала, но подозревала, что такое возможно. А что тебя так взбудоражило? Деньги у нас с тобой есть – отдадим. В чем проблема?

– Дорогая ты моя пампушечка! С тобой у нас проблем быть не может!

Об этом мало кто знал. Да и знать не полагалось.

Первый этаж здания-кубика рядом с главным корпусом НИПЦ не имел окон, но одна дверь была – под галереей для перехода туда из главного корпуса.

А еще в углу первого этажа этого «кубика» был спрятан небольшой гараж.

В гараже постоянно находилась как минимум одна авто-

машина и дежурный – при необходимости к выходу от спецлифта машина с водителем подавалась за тридцать секунд.

Обычно в этом гараже стояла «Антилопа» Свиридова – выкрашенный в голубой цвет армейский джип, которым он широко пользовался. Иногда машина могла быть другая, но в любом случае через тридцать секунд после вызова машина была у подъезда.

У подъезда – куда Свиридов спускался на спецлифте – и тогда еще через тридцать секунд голубая «Антилопа», чаще всего с опущенным ветровым стеклом, через шлюз ворот вылетала с территории на шоссе.

Звука двигателя не было – машину уже переделали на электротягу, и мощный электромотор отзывался на изменение нагрузки негромким подвыванием различного тона: бабовитого при резком старте и высоким и чистым посвистом на скорости.

А уж скорость нестареющая «Антилопа» развивала такую, на которую была неспособна со старым двигателем!

Шоссе способствовало скорости – прямое, соединявшее город при фирме НИПЦ с городом машиностроителей (а в другую сторону – с городом «умников»).

Время шло, но название города прилипло, и иначе чем город «умников» его не называли.

«Антилопа», покрякивая спецсигналом, могла проскочить город и подлететь к центральному КПП, и прямо под крышу ангара.

Сразу из двери дежурки выросал офицер: Товарищ командующий, дежурный майор Семенов!

Конечно, могла быть иначе

Перед дежурным в гараже на первом этаже кубика возник Свиридов, и натягивая защитный комбинезон, говорил дежурному: Никита Леонидович, с оружием за мной!

И они невидимые вдруг оказывались совершенно в другом месте, неожиданно, но вовремя, и делали то, что было насущно необходимо – хотя чаще всего обходилось без стрельбы.

Правда, иногда «Антилопа» сворачивала в хозяйство Дементьева – там тоже был большой старый цех, где полновластно хозяйничал генерал Свиридов, но между главным корпусом НИЦ и заводом Дементьева был и еще один путь связи.

Их связывала железнодорожная ветка, которая со временем частично ушла в тоннель, и выходила на поверхность недалеко от забора машзавода – и уже на территории машзавода.

Конечная остановка ветки находилась на минус третьем этаже под главным корпусом НИПЦ. И хотя сюда, под корпус, в святая святых, по этой ветке, свободно въезжала автомашина, а на конечной всегда стояла электродрези́на с грузовой площадкой, Свиридов редко пользовался этим каналом.

Веткой пользовались для доставки грузов, отправки гото-

вой продукции с установок и изредка проведения финансовых операций – вывоза золотых слитков (или целой кучи набитых валютой пузатых дипломатов).

И как все это могло попасть под главный корпус ...

Как всякая структурированная организация «Научно-исследовательский и производственный Центр Глубокой атомной модификации НИПЦ ГАМ» испытывал постоянную и неистребимую потребность к росту и размножению.

Появлялись новые задачи и развивались старые направления исследований, омолаживался коллектив, естественным путем уходили работники – чаще на пенсию.

А старое здание института П-образной формы оставалось таким, как его запроектировали и построили с самого начала под руководством Свиридова – пять этажей вверх и несколько этажей вниз. Мало кто знал сколько именно этажей вниз находилось под этим зданием, да по установившейся традиции мало кто этим интересовался, но этих этажей было ... несколько.

На подземных этажах располагались установки, надежно защищенные со всех сторон слоями почвы и бетонными стенами.

На подземных этажах располагались хранилища материалов – сырья и готовой продукции, причем и того, и другого было немало.

На одном из подземных этажей находился железнодорож-

ный путь, выходящий на поверхность далеко от главного корпуса, за корпусом Авдоконихина, так и не спрятанный полностью под землю, и идущий к машиностроительному заводу Дементьева.

А еще были подземные этажи неизвестного назначения, по крайней мере были этажи энергоснабжения, теплоснабжения и вентиляции ...

Еще главный корпус фирмы раскинул в стороны застекленные галереи, одна из которых вела в отдельно стоящее здание двухэтажной столовой, а вторая к двухэтажному зданию медсанчасти.

Внутри П-образного корпуса между боковыми его частями находился «кубик» – небольшое здание с залом заседаний и помещениями информационного и специального отделов – мало кто помнил, что когда-то на крыше находился бассейн и даже фонтан как часть системы охлаждения мощных систем ЭВМ фирмы.

В боковых крыльях главного корпуса размещались научные лаборатории, запроектированные сразу при закладке здания – этот факт был интересен тем, что многие годы часть помещений оставались пустыми, резервными. И заполнялись постепенно, по мере необходимости в новых лабораториях – но откуда это мог знать Свиридов, планируя здание?

Поэтому постоянная тенденция к росту числа сотрудников с одной стороны так же постоянно сдерживалась руко-

водством, а с другой стороны недостатка помещений никто не испытывал. Даже научно-техническая библиотека с ее постоянным ростом фонда успешно справлялась с этим за счет необъятного книгохранилища на первом подземном этаже здания и двух лифтов для доставки книг и журналов в читальный зал на третьем этаже.

А лифты?

В здании была целая система различных лифтов – пассажирских и грузовых.

Больших пассажирских лифтов было шесть, и два из них располагались рядом с главной лестницей, ведущей из холла вверх. Еще четыре лифта располагались по углам корпуса и по концам боковых крыльев здания.

Тут, рядом с ними, находились грузовые лифты, размеры и грузоподъемность которых позволяли поднимать (и спускать вниз) автомашину с грузом – пусть небольшую, вписывающуюся в размеры коридора.

Еще были небольшие лифты для транспортировки книг и журналов и два спецлифта. Один из них располагался между кабинетами дирекции и помещением первого отдела, а второй около приемной первого отдела. Эти лифты позволяли руководству (Свиридову, Антиповой, Лазарису) быстро перемещаться к машине, ждущей около заднего входа в корпус, либо на нужный подземный этаж или в диспетчерскую на крыше, а также принимать посетителей минуя общие потоки работников ...

Кроме так называемого «ближнего круга» единомышленников у Свиридова появлялись помощники.

Необходимость в формальном институте заместителей образовалась не сразу, а по мере специализации и разрастания функций руководителей. Сперва это были заместители по научным направлениям, а затем и по инженерным и проектным.

Первые заместители приказом были назначены уже после того, как в руководстве фирмы появилась Маргарита Антипова, а Свиридов стал Почетным Генеральным директором – у Почетного Генерального заместителями стали Потап Потапович и Виктор Скворцов, а у Генерального – Полина Ерлыкина и Виолетта Ерцкая.

Если Потапович и Ерлыкина были «старожилами», работали с самого основания фирмы, то Скворцов и Ерцкая были «новенькие», и к их работе долго присматривались. При этом вдобавок Скворцов и Ерцкая были супружеской парой, но практика показала, что они вполне справляются с обязанностями заместителей. И Виктор, и Виолетта во время замещения своих «патронов» успешно справлялись со свалившимся на них ворохом обязанностей и новых неожиданных проблем.

У Главного инженера НИПЦ Елены Геннадиевны Долгополой заместителей было больше – кроме директора машиностроительного завода Сергея Ивановича Дементьева ее за-

местителем был назначен Карен Мартиросович Варданян, начальник КБ и супруг Маргариты Антиповой, и еще три молодых инженера – Алла Романовна Ключарникова, Елизавета Станиславовна Кричевская и Юлия Георгиевна Степанова. Эти молодые женщины были очень разными по характеру и способностям, но их объединяло главное – они кончили тот же ВУЗ, что Долгополова (и Свиридов).

Но объем работ, тут, недалеко от Москвы, был весьма велик, и Долгополова в неофициальном порядке привлекала еще двоих своих сотрудников, готовя их к самостоятельной работе – Анфису Переплешину и Владимира Лебедева, и даже привлекая члена штаба подполковника Кирилла Юрьевича Денисова.

Почему-то здесь, недалеко от Москвы, Лена Долгополова отдавала предпочтение девушкам и усиленно готовила молодых помощников, хотя ее заместителями в «Солнечном» стали исключительно мужчины?

У супруга Лены Долгополовой Главного прибориста фирмы Потапа Потаповича было два заместителя и два дублера – у его заместителя Льва Вонифатьевича Худобина дублером была Валентина Суковицина, а у Надежды Федоровны Новиковой (Авдоконихиной) дублером стал Владислав Медяков.

Но путем для административного роста сотрудников фирмы была аспирантура и способы профессионального обучения – местные средние учебные заведения, которые из курсов превратились в официальные ПТУ ...

Курсы обучения и повышения квалификации возникли стихийно – по крайней мере так казалось, хотя на самом деле без вмешательства Свиридова тут не обошлось.

Здесь, на этой территории, включая завод, колхоз и лесную школу, ничего не происходило без вмешательства или хотя бы без ведома Свиридова, и вся система профессиональной подготовки окончивших школу создавалась при его непосредственном участии как система непрерывного обучения сирот из лесной школы, а заодно и просто желающих учиться.

Поэтому набор предлагаемых специальностей был весьма широк от младших воспитателей дошкольного образования и секретарей до лаборантов, операторов на установках и рабочих технических специальностей – станочников, электриков, связистов, прибористов, водителей.

Группы по специальностям иногда были совсем небольшими – всего четыре-пять слушателей, но всегда преподавателями являлись мастера и специалисты своего дела, проводящие не только теоретические занятия, но и практику для своих слушателей.

При этом были случаи, когда новые специальности возникали спонтанно – например, курсы озеленителей были организованы для немолодых дам пенсионного возраста, а затем туда пришли молоденькие девчонки из лесной школы.

А курсы моделирования одежды (Тоня категорически

возражала против наименования «Курсы кройки и шитья») появились в лесной школе, а затем отпочковались в городские курсы, на которые приезжали даже из колхоза.

И всем находилось место.

Курсы молодого бойца возникли в школе, курсы делопроизводителей для спецотделов появились при первом отделе

...

Это не касалось научного роста – аспирантура и соискательство поощрялось.

Специальным распоряжением Генерального всем без исключения аспирантам и соискателям предоставлялось по четыре свободных от непосредственной работы дня в месяц для библиотеки, причем можно было объединять. Эти дни соединяли и использовали для работы в любой московской библиотеке, чем некоторые и пользовались. А если научным руководителем являлся не сотрудник фирмы – было и такое! – то выделяли дни для общения с научным руководителем.

Первые аспиранты, опьяненные свалившейся на них вольницей, расслаблялись – и их быстро приводили в рабочее состояние еженедельными и ежемесячными отчетами о проделанной работе. Первые аспиранты появились в отделе Авдоконихина и у аналитиков, затем у физхимиков и в последнюю очередь у теоретиков – у Баранова, у Лопаткина.

Уже когда Ученый совет обогатился посторонними членами из МФТИ и МГУ, получил права заслушивать диссертации

ционные работы и присваивать ученые степени кандидатов наук, к Свиридову неоднократно приставали с предложением взять аспиранта или соискателя.

Свиридов отнекивался, ссылаясь на свою занятость преподавательской работой, и от него отстали. Но зато он был одним из самых желанных оппонентов у соискателей, что высоко ценилось – на оппонирование слабой работой он никогда не соглашался, а отзыв Свиридова как правило открывал зеленую улицу для диссертации в ВАК'е и нередко открывал невероятные и неожиданные перспективы в продолжении темы диссертации.

Кроме ПТУ и аспирантуры были еще очень интересные случаи профессионального роста молодежи в виде индивидуальных занятий.

Такие виды занятий как правило возникали тогда, когда тот или иной руководитель встречался с талантливым студентом-практикантом, и затем продолжал заботиться о молодом специалисте и заниматься его профессиональным образованием.

Этих случаев было не столь много, но обычно это приводило к удивительным результатам. Наиболее часто такие неформальные связи возникали в отделе Авдоконихина, куда попадали выпускники из техникумов.

Наиболее ярким примером можно считать воспитание Елизаром Болеславовичем молодого специалиста Надежды

Новиковой, которая выполнила диссертационную работу, успешно защитилась и интеллект которой был высоко оценен в отделе. Надя Новикова родила Авдоконихину сына и успешно продвигалась по службе, и настолько успешно, что Потапович выдвинул ее кандидатуру на должность своего заместителя, и Надя несколько раз его замещала.

Похожий случай произошел с Владиком Медяковым. Он прилетел из Сибири и занялся продолжением работ по компьютерной тематике. Но Владик не имел высшего образования, а обладал природным талантом, и его под свое крыло принял Потап Потапович. Потапу помогали молодые сотрудники отдела, «молодые гении» как их называл Свиридов, но природные способности позволили Владiku не только освоить институтский курс физики и электроники, но и выполнить этап научно-исследовательской темы в объеме диссертации и успешно ее защитить.

Успехами Владика особенно гордилась Ника Грачева, которая стала его женой и родила мальчика ...

Подобные случаи наставничества были и у аналитиков под руководством Полины Ерлыкиной, и в КБ под руководством Карена Варданяна, и на машзаводе ...

То, как возилась со своими молодыми специалистами Елена Долгополова, тоже можно отнести к наставничеству, тем более что результаты были вполне успешными.

У профессора Александра Гавриловича Баранова, члена-корреспондента РАН, одного из наиболее уважаемых ко-

рифеев Глубокой атомной модификации, аспиранты появились в МФТИ, где он преподавал. Он работал в МФТИ (к новому названию привыкать даже не пытались!) вместе с Леной Карцевой, и Лена заменяла профессора на лекциях и на семинарских занятиях во время его командировок, и студентам это нравилось – Карцева объясняла все премудрости ясно и понятно ...

У Виолетты Ерцкой было всего два аспиранта – один в «Солнечном», а другой тут, недалеко от Москвы, а еще Виолетта вела кружок повышения квалификации с операторами установок ГАМ.

Полина Ерлыкина была Ученым секретарем на Ученом совете фирмы, организовывала не только работу совета, но и всей аспирантуры, и у нее были свои ученики в отделе аспирантуры.

Стихийно возник кружок обучения премудростям секретарского мастерства у Марии Владимировны Козловой-Лазарис – она собрала молодых девочек, отбирая их по одной ей известным признакам, и стала готовить секретарей.

И готовить успешно – ее воспитанники уже работали и в институте, и на заводе.

А Люба Докукина готовила воспитателей дошкольного воспитания, и в этом ей активно помогала Даша Огородникова.

Даша даже вспомнила то, чему их когда-то учили на курсах подготовки младших лейтенантов ...

Иногда Свиридову казалось ...

Иногда ему казалось, что он мусульманский падишах прошлых времен, и его окружение живет по законам тех времен.

Его представление о восприятии мира с точки зрения такого властителя вряд ли соответствовали реальным, да и в какие исторические времена он мог себя видеть?

Свиридов прекрасно понимал, что те мысли и те оценки, которыми он вдруг начинал оперировать, мало соответствующим как реальной действительности, так и вдруг навеянной ему исторической и достаточно чуждой нереальности.

И тем не менее он вдруг начинал представлять себе – и оценивать! – окружающее с других, совершенно иных моральных и нравственных позиций.

Там, в этом вымышленном мире – или мирке? – его окружали приближенные и женщины. Странно, но там почему-то не находилось места детям!

Эта странность усугублялась тем, что он далеко не всегда мог отнести конкретное лицо к тому или иному кругу.

Или именно так складывалось в тех мирах исторически?

В основном эта неоднозначность касалась женщин, что вполне естественно, и не касалась мужчин, что по более глубокому размышлению тоже не вызывало сомнения.

Неоднозначность возникала тогда, когда он пытался примерить те, по его мнению старые – и вполне возможно существующие! – и чуждые ему нормы морали и нравственности

по отношению к своему окружению.

Наибольшие затруднения возникали при этом из-за того, что в падишахском окружении не могло быть истинных друзей.

Или они могли быть?

Размышления по этому поводу заводили Свиридова в такие дебри философии, что он мысленно углублялся в какие-нибудь мемуары средневекового царедворца и полностью терял связь с реальностью.

Представляя себя неким правителем с неограниченной узаконенной властью, Свиридов начинал рассматривать свое непосредственное окружение и перебирать тех людей, что его окружали.

При этом он старательно не давал им оценки и не расставлял их на места по близости или по влиянию.

Именно по влиянию – тут сказывалось его, Свиридова, отношение к соратникам и подчиненным, когда он в вопросах производственных отвлекался от личных отношений и полностью переключался на проблемы производственные.

Как ни странно, но это очень помогало в реальности, но плохо сочеталось с позициями мусульманской средневековости.

Поэтому Свиридов перебирал своих соратников не по их реальному месту в производственном процессе или в личной жизни, а просто так, как они возникали в его памяти.

И первыми возникали Виктор Скворцов, Карен Варданян

и Костя Докукин – в такой последовательности он входили в жизнь Свиридова.

С Виктором Скворцовым они познакомились в школе, и это знакомство продолжилось в институте на первом курсе, когда в сентябре бывшие школьники знакомились с однокурсниками – студентами! – и образовывались новые дружеские связи.

Группа была довольно пестрая – вчерашние школьники, еще не освоившиеся с новой реальностью; вчерашние выпускники техникума, весьма неплохо ориентирующиеся в новой реальности, которая для них была не столь уж и новой; и демобилизованные и более взрослые мужчины, повидавшие жизнь и даже понюхавшие пороха.

Последних было меньше, как и медалистов, которые тоже каким-то образом выделились сразу. Вот эти две группы новых студентов особенно проявились на первой сессии. Вряд ли тут сказалась почти ничем не ограниченная вольница студенческой жизни, но первые же зачеты и экзамены выявили слабость знаний как у медалистов, так и у бывших военных.

И после первой сессии в их группе остался всего один парень, донашивавший военную форму. Ему помогали те, кто не испытывал затруднений в учебе, и среди них был и Свиридов.

Свиридова выручала прекрасная память. Она и раньше выручала его в школе – он практически никогда не учил уро-

ков, довольствуясь тем, что он услышал в классе. Правда, здесь, в институте ему все же приходилось заниматься самостоятельно, но это не вызывало затруднений – читал он быстро, запоминал с первого раза, и мог воспроизвести прочитанное в самостоятельном изложении.

Как одному из хорошо соображающих Свиридову пришлось позаниматься с несколькими отстающими, среди которых был один демобилизованный и парочка девочек-отличниц, не дотянувших до медали, но привыкших к хорошим оценкам.

Демобилизованного общими усилиями – и снисходительным отношением деканата – вытянули и он не был отчислен из института, а парочка медалисток из глубинки нагрузки не выдержали и они потихоньку исчезли.

Среди тех, с кем пришлось заниматься Свиридову, была и Лена Скворцова, тогда Синявина, девочка тихая, усидчивая и добродушная.

С Виктором они подружились давно, и теперь анализируя их сближение Свиридов не мог выделить какую-нибудь особенность в их отношениях, определившую это быстрое сближение.

Хотя, казалось бы, были важные различия – если Свиридов был парень уличный, и даже шпана по тогдашним понятиям, то Виктор был мальчик домашний, хотя и не балованный.

Свиридову дали место в общежитии недалеко от города –

всего двадцать минут на электричке, но он иногда оставался ночевать у тетки в Москве. В общежитии, этом самостоятельном городе, народ был очень разный, и там у Свиридова тоже появились друзья, особенно после того, как ему пришлось отстаивать свою индивидуальность. Но пара свернутых челюстей и разбитых носов быстро поставили на место желающих выделиться и создали Свиридову прочный и непререкаемый авторитет.

Свиридов бывал у Виктора дома – в маленькой комнатенке в огромной коммунальной квартире, где Скворцов жил с матерью, корректором в какой-то газете.

Знакомство с Виктором было прочным, и когда после вынужденного пропуска целого года Свиридов восстановился и он догонял свою группу, Виктор был первым, кто деятельно помогал ему. И пожалуй Виктор был первым, с кем Свиридов познакомил свою будущую жену, которую теперь звали Тоней Свиридовой.

Наверное именно тогда Виктор влюбился в нее, но этой влюбленности он не показывал.

После института Скворцов и Свиридов работали в разных организациях, но связи не теряли, и когда Свиридову понадобился дельный специалист он быстро перетащил Скворцова к себе.

И не ошибся. Как говорил один из студентов их группы – Виктор может все, и куда бы его не поставили, он будет на месте. И Виктор своей многолетней работой – и дружбой! –

доказал это с успехом.

Теперь Виктор Скворцов был лауреатом, орденоносцем, доктором технических наук, начальником отдела, заместителем Генерального ... и двоеженцем, которого обожали обе его жены.

С Виктором Свиридов мог свободно обсуждать любые вопросы, уважал его мнение, прислушивался к его советам, и очень спокойно относился к устойчивой влюбленности Виктора в свою собственную жену.

Жене Кульченковой снова пришлось мучительно раздумывать – что в первую очередь готовить для газеты.

Приехали врачи, которых Свиридов посылал на стажировку в ведущие медицинские учреждения страны. А эта группа стажировалась в российских группах за рубежом, и врачи принимали участие в госпитальных условиях. И рассказы у приехавших были соответствующие – не для всех, иногда вообще отнесенные к разряду секретных.

Женя узнала, что практика стажировки врачей в ведущих клиниках практиковалась уже давно – просто чаще всего это происходило в Москве.

Но были случаи, когда врачи возвращались с запахом пороха – в переносном или в буквальном смысле.

И уж совсем удивилась Женя, когда узнала, что в программе стажировки участвовали не только врачи, но и младший медицинский персонал – вот откуда были такие класс-

ные медсестры!

Шабалдин не виделся с Антиповым так долго, что забылось то, что когда-то встало между ними.

Но зато об этом узнал Свиридов, и постарался, чтобы они этого не вспомнили.

Но до этого ...

Шабалдина пришлось очень долго уговаривать, чтобы он согласился прилететь в Москву, точнее в город, недалеко от Москвы.

Наконец он согласился и вместе с очередной отгрузкой продукции из таинственного города «Солнечный» самолет привез его в Москву. На аэродроме его встречал Свиридов с Тоней, Гнедаш с Воложаниным и Галина Суковицина.

Свиридову даже показалось, что Галине Шабалдин обрадовался больше всего.

Была ранняя осень, Шабалдин обалдел от желтеющей листвы и запаха леса, от голубого неба и незамерзшей воды – Свиридовы забрали его к себе на дачу.

Там на него обрушились объятия всех «сестреночек» Свиридова, Гриши, офицеров отряда Воложанина, «мальчиков» и многочисленных ребяташек, которых он не знал, Любы Докукиной и Лены Долгополовой, затем из города приехали Полина Ерлыкина, Семен Черномырдин, Потап Потапович, Александр Баранов, Лена Карцева, Петр Дормидонтов, Дмитрий Лопаткин, Виолетта Ерцкая, Диана Утечкина, Лев

Худобин ...

Гости в дом Свиридовых шли что называется косяком, не давая Шабалдину передохнуть, и он с облегчением скрылся в гостевом домике, что над гаражом.

Вечером Тоня выманила его оттуда обещанием не мучить и хорошо накормить, и за столом они смогли наконец поговорить спокойно.

– Тонечка, моему тезке понадобится парадный костюм!

– Сделаем костюм, сделаем! Когда аудиенция?

– Что еще? Какая аудиенция?

– Ты не дергайся, тезка, это не больно!

А на другой день Тоня поставила в плеер диск с записью концерта Патрисии Каас и оставила Шабалдина одного. Краем глаза она наблюдала за той частью гостиной, где стоял большой экран домашнего кинотеатра и сидел гость.

Шабалдин несколько раз останавливал запись, потом повторил весь концерт целиком и долго сидел молча.

Тоня не беспокоила его.

– Да, устроил мне Анатолий ... Спасибо ему. И тебе тоже. Что готовишь?

В городе, в институте Шабалдин пока не побывал и с Антиповым не встречался ...

Костюм, быстро сшитый Тоней и Улей, преобразил Шабалдина – казалось, он даже помолодел.

– Ну, вот, смотри какой молодец! Надень свои награды и завтра пойдем ...

– Да ты скажи толком! Куда пойдём? Слушай, Тоня, он у тебя всегда такой?

– Какой, Анатолий? Он у меня всегда хороший. Или самый хороший, самый-самый ...

Утром за Шабалдиным в гостевой домик пришла Тоня, критически осмотрела костюм, поправила орден.

– Слушай, к какому начальству меня хочет сводить Толя?

В гостиной их встретил Свиридов в штатском костюме, который сидел на нем как влитой – чувствовалась рука мастера.

Четыре Золотые Звезды и солидная колодка орденских планок ничуть не удивили гостя – он видел генерала Свиридова и при полном параде со всеми наградами.

– Покорми нас, Уленька, мы вернемся только к вечеру ...

Сперва вертолет – Шабалдин жадно глядел в окно на Москву, потом шикарный «Мерседес».

– Разве над городом разрешают летать?

– Кое-кому разрешают ... Мне, ФСБ, МЧС, скрой помощи

...

Но когда «Мерседес» со спецсигналами, управляемый полковником Воложаниным, уверенно вкатился в Боровицкие ворота Кремля, Шабалдина охватила дрожь.

– Толя, зачем? Куда?

– Прекрати дрожать! А то подумают, какого деревенского мужика я привез!

Шабалдин с некоторой оторопью наблюдал, как козыряли

Свиридову – в штатском! – офицеры охраны, как свободно они прошли в здание.

Их провели в комнату и просили немного подождать.

Шабалдин оглядывался.

– Толя, ты тут бывал?!

Быстро вошел невысокий крепкий коротко стриженный мужчина.

– Здравствуйте, товарищ Свиридов!

– Здравствуйте, товарищ Шабалдин! Я правильно произношу вашу фамилию?

– Здравствуйте ... Владимир Владимирович ...

– Садитесь, товарищи. Генерал Свиридов рассказывал о вас, товарищ Шабалдин. И много интересного о вашей работе. Сожалею, что не смог побывать у вас в Сибири.

– Приезжайте ... только у нас холодно!

– И при этом вы там так много сделали! К сожалению ...

Владимир Владимирович встал, встали и Свиридов с Шабалдиным.

– Анатолий Иванович ... как же мне вас различать ... Анатолий Иванович Сибирский!

– Я!

– Я благодарю вас за ваш напряженный труд во имя Родины и поздравляю вас с государственными наградами! Анатолий Иванович ... Анатолий Иванович Московский нашел наградные листы, которые не были исполнены, и наградные листы, которые не были даже рассмотрены! Я поздравляю

вас. Но в связи с многочисленностью наград я даже не буду пытаться прикрепить их вам. От всей души поздравляю и желаю вам всего наилучшего. Я согласен с генералом Свиридовым, что эти награды лишь в малой степени отражают ваш вклад в нашу науку, но ... Конечно, я могу присвоить вам звание генерала, но мне кажется это будет перебор ...

Владимир Владимирович протянул Шабалдину целую стопку папок.

– Бог с вами – какой я генерал! Благодарю вас ... Служу России!

– Генерал Свиридов! Поручаю вам приколоть награды на грудь нашего сибирского героя! Желаю здравствовать!

Свиридов щелкнул каблуками, Шабалдин неловко поклонился.

Уже от двери Владимир Владимирович обернулся.

– Анатолий Иванович, передайте привет супруге!

– Уф! – опускаясь в кресло и не выпуская из рук стопку папок выдохнул Шабалдин. – Я всегда знал, что от тебя можно ждать всего, чего угодно, но такого ...

– Ладно, ладно! Давай отреставрируем твой иконостас!

И к двум золотым звездам – Героя Советского союза и Героя социалистического труда – двум орденам Ленина, четырем орденам «Трудового Красного Знамени» и ордену «Знак Почета» на груди Шабалдина Свиридов прикрепил и еще один орден Ленина, орден «Октябрьской революции», орден «Жукова», орден «За заслуги перед Отечеством» I сте-

пени, орден «Мужества», медаль «Ветеран труда», знак «Заслуженный деятель науки РФ» знаки Государственной премии.

Это заняло много времени, потому что нужно было соблюсти порядок, да и аккуратно крепить награды.

Потом Свиридов обнял Шабалдина.

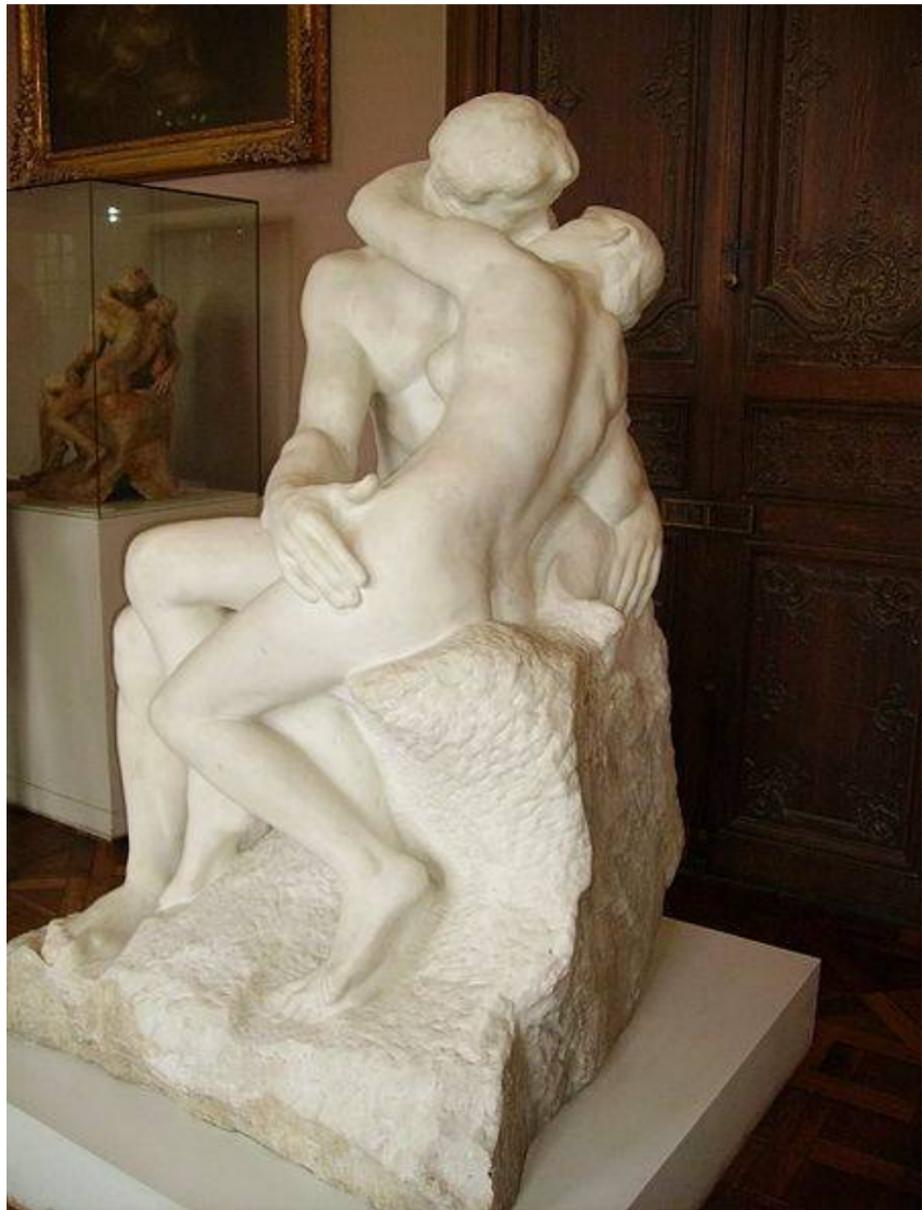
– Я рад за тебя, тезка ...

Воложанин взял под козырек, а потом тоже обнял Шабалдина, а дома ...

Дома в гостиной Свиридовых несмотря на ее размеры было тесно – поздравить Шабалдина собрались многие из его сибирских знакомых ...

И поздравления, и тосты длились до поздней ночи ...

О. Роден, «Поцелуй».

А утром Шабалдин встал рано – сказалась разница в часовых поясах, вышел подышать на участок.

– Слушайте, а кто это у вас там стоит?

– Дядя Толя, они на тебя не обратили внимания? – с ехидцей спросила Уля.

– Если бы я был ... как это сказать? Поинтеллигентнее ... Я бы сказал, что вообще-то это Роден ...

– Тоже мне валенок сибирский! Если ты Родена узнал, то чего тебе еще надо?

– Где украл? Неужели сам Огюст тебе подарил?

– Ты знаешь, сколько это теперь стоит? Отливка выполнена по авторской гипсовой форме!

– И что, их и теперь отливают?

– Нет, на каждую авторскую скульптуру есть заранее оговоренное количество отливок, и их продают на аукционах ...

А Свиридов вновь побывал в Париже, на аукционе копий произведений Огюста Родена.

В банке, куда он пришел за деньгами с секретного анонимного счета, сперва напряглись. Но затем увидели номер счета, на который следовало перевести деньги, убедились в правильности пароля и подписи и расслабились, и поздрави-

ли пришедшего с ценным приобретением.

А усатый парагваец получил ящик с приобретенной скульптурой, перевез ящик в арендованную на короткое время усадьбу, а затем таинственно исчез оттуда вместе с ящиком ...

Скульптура Огюста Родена «Поцелуй» появилась на дачном участке Свиридовых без помпы и без шума, просто проходящие сперва удивлялись, затем восхищались, а Виктор Скворцов приводил своих любимых женщин, демонстрировал им скульптуру и что-то рассказывал.

Скульптура была уменьшенной копией знаменитого оригинала, высота ее не превышала полутора метров вместе с постаментом, и ее не было видно с дороги – ее скрывали разросшиеся кусты.

На зиму ее укрывали в деревянном ящике, в котором целующиеся приехали из Парижа.

Так Огюст Роден обосновался на участке и даже обзавелся новыми почитателями ...

На работу, в главное здание «НИПЦ», утром приехали оба Анатолия Ивановича – Свиридов позаботился, чтобы Шабалдину заранее оформили пропуск.

Мари привычно встала и здороваясь с Шабалдиным даже сделала книксен, чего уже давно не делала, а Шабалдин поцеловал ей руку.

Шабалдин внимательно прочитал табличку на двери ка-

бинета Свиридова – надпись была длинной и выразительной: «Анатолий Иванович Свиридов, Почетный Генеральный Директор НИПЦ, генерал-полковник, академик РАН».

В кабинет к Свиридову зашла Антипова.

– Антипова Маргарита Семеновна! Рада знакомству! – шуточно представилась она сама.

– Шабалдин Анатолий Иванович! Ты не надейся, я тебя не забыл!

– Слушай, Толя, а иконостас у твоего тезки невпример богаче, чем у Антипова!

– Как думаешь, Марго, как лучше организовать им встречу? Здесь или у него?

– Знаешь, лучше у него ... Но предупреди его, ладно?

Они подъехали к зданию института в городе «умников» через пятнадцать минут и поднялись в кабинет Заместителя директора В.В Антипова.

Узнав Свиридова и Антипову секретарша пропустила их в кабинет без доклада.

– Привет, Валентин! Смотри, кого я привела!

– Привет, Валентин!

– О-о, привет! Сколько лет, сколько зим! Привет, Толик! – и тут Валентин Владимирович увидел награды Шабалдина и испытал легкий шок.

Он наград не носил, даже Золотую звезду, да и у него наград было меньше.

– Здравствуй, Валентин Владимирович. Сколько же лет

вы не виделись?

– Знаешь, я даже сосчитать не могу ...

– Пошли, Марго, пусть они побеседуют ...

И Свиридов увел Марго, послав на прощанье мощный сигнал обоим не ссориться и разговаривать мирно.

То ли это подействовало, то ли Антипов понял, чем занимался все эти годы Шабалдин, но разговор шел мирно и спокойно. Шабалдин немного рассказал о работах в «Солнечном», о чем Антипов практически многое знал.

А Антипов в свою очередь кое-что рассказал о своей работе за рубежом, о работе своей и Маргариты.

– И что ты собираешься теперь делать? Останешься в Москве?

– Зачем? Я поеду обратно, там моя жизнь ...

– Ну, какая там может быть жизнь, у вас в глуши? Медведи небось ходят даже днем!

– Это ты там в Америке нахватался? Понятно! Медведей в тайге почти не осталось, к нам на территорию они не заходят уже лет десять. А у нас и Райкин был, и Денис Мацуев ...

– А разве Райкин не умер? А кто это Мацуев?

– Ты свою ... ты свою Олю спроси, она тебе расскажет! Видел видео «Концерт Патрисии Каас»? Так половину у нас снимали ... А тетка хочет провести меня по установкам – там ведь почти все у нас работали. Вон Ерцкая как поднялась! Умница!

– А что, эта Ерцкая тоже твоя? Надо же! Она ведь сейчас

в «НИПЦ» Заместитель Генерального!

– Она может. Уникальный специалист!

А Свиридов действительно устроил экскурсию Шабалдину по всему институту, по всем установкам – и Шабалдин действительно встретил очень многих знакомых по «Солнечному», с которыми находилось множество тем для разговоров.

Поэтому он задержался в городе недалеко от Москвы, и прожил в гостевом домике Свиридовых больше недели.

И каждый день ездил в институт, смотрел отчеты, сидел в общей библиотеке и в библиотеке первого отдела, куда Свиридов оформил ему допуск.

А еще они проводили долгие вечера вместе с Петром Дормидонтовым – у них нашлось так много общих тем для разговоров по истории открытия, которое сделали много-много лет назад молодые ученые Шабалдин и Антипов при содействии профессора Благова и его молодой аспирантки Маргариты Веденяпиной ...

Шабалдин с удивлением осматривал эту комнату, спрятанную между двумя кабинетами – оказалось, что попасть сюда можно сквозь сдвижную стеновую панель из кабинета Свиридова.

Его посадили в торце длинного стола между Свиридовым и Антиповой, вдоль стола разместились многочисленные и практически все хорошо знакомые ему люди ...

Утром к Шабалдину постучала Уля.

– Дядя Толя, вы уже встали?

Она поправила костюм жестом, привычном для портных.

– Костюмчик в порядке! Давайте я поправлю звезды!

– Не ты ли шила?

– Что вы, дядя Толя! Это сама мама Тоня шила! Мне так не сшить!

За завтраком Тоня сказала.

– Толя, тебе, наверное, тоже надо надеть свои звезды!

– Ты думаешь?

– Разве есть причина стесняться?

И теперь во главе стола в центре сидел Шабалдин с двумя Золотыми звездами, сидел Свиридов с четырьмя Золотыми звездами – двумя Советского союза и двумя с полосатыми лентами России. Тут же рядом с ними сидела Антипова с Золотой звездой на полосатой ленте, а ближе к дальнему концу стола сидел Антипов с Золотой звездой Героя Советского союза. Больше в зале никого с наградами никого не было ...

Позади этого конца стола, у стен сидели четыре женщины.

– Полина Ерлыкина – это наш Ученый секретарь, – шепотом стал говорить Свиридов Шабалдину, – Мари Козлова и Зинаида Хряпова – секретарши, моя и Марго, Галину Суковичину ты знаешь, а Вероника Медякова – секретарь от первого отдела ...

Перед всеми женщинами стояли диктофоны ...

– Начнем? – это сказала Антипова.

Шабалдин отметил, что несмотря на ее негромкий голос ее слышали все в помещении, и подивился такой хорошей акустике.

– Надеюсь, представлять вам Анатолия Ивановича не нужно? Я имею в виду Анатолия Ивановича Шабалдина ...

– Анатолии Ивановичи размножаются ... – проворчал Скворцов.

– Один человек предложил прекрасный вариант, – не давая Антиповой ответить Скворцову сказал Свиридов. – Он назвал одного из нас Анатолием Ивановичем Сибирским, а другого – Московским. Годится?

– Вполне. Тогда ... товарищ Московский, прошу вас представить собравшихся!

– Слушаюсь, наша армянская мама!

Марго под столом показала Свиридову кулак, а тот продолжил.

– Наш гость Анатолий Иванович Шабалдин-Сибирский! С большим удовольствием представляю вам одного из отцов-основателей метода ГАМ. Много лет назад двое молодых физиков-хулиганов изобрели это, что теперь называется методом глубокой атомной модификации вещества. Другой хулиган сидит рядом с вами – это Валентин Владимирович Антипов. Валентин Владимирович, покажись!

Антипов встал и неловко склонил голову, и Золотая звезда колыхнулась у него на груди.

– А молодых тогда поддержал всего двое – профессор Бла-

гов и его аспирантка, и вот вчетвером они были первооткрывателями всего того, чем мы сегодня с вами занимаемся.

– Под дрессурой этого гада ... – Скворцов сказал это шепотом, но Шабалдин расслышал.

– Не смей обижать! – сказал он, и сам удивляясь себе докончил, – Не тронь птичку!

И он даже обнял Свиридова за плечо, а Свиридов показал Скворцову кулак и продолжал.

– Поскольку Анатолий Сибирский гость у нас редкий, то специально для него поясню. У нас есть должности и есть звания. Должность – это в первую очередь ответственность. Звание – это авторитет, авторитет научный и человеческий. Совпадать они не обязаны. Поэтому я буду представлять присутствующих просто по очереди и чуть-чуть их характеризовать.

– Вот Полина Олеговна Ерлыкина, Ученый секретарь нашего Ученого совета и Главный специалист – это звание, как и доктор технических наук, а должность – ведущий научный сотрудник, начальник аналитического отдела и вдобавок прекрасный человек и мать нашего Олега ...

– Это я и так знаю! Привет, Полиночка! Привет Олегу!

– Спасибо, Анатолий Иванович!

– А вон там сидят секретари. Галину Суковицину ты знаешь, она теперь Гладилкина. Здесь она тоже работала со мной в качестве личного секретаря. Рядом с нею Мари Владимировна Козлова, мой личный секретарь-референт с дав-

них лет. Зинаида Хряпова – личный секретарь Маргариты Антиповой. И еще один секретарь, представитель первого отдела, Вероника Медякова. Все они ведут запись нашей беседы.

– Теперь пройдемся по заместителям. У меня, как у Почетного Генерального директора НИПЦ, два заместителя. Это вон тот хулиган, Виктор Антонович Скворцов, Главный специалист, доктор наук, начальник отделения новых материалов, лауреат и так далее.

– Другой мой заместитель – доктор наук, профессор, член-корреспондент РАН, начальник отдела электронной техники и Главный специалист Потап Потапович Потапович, которого ты тоже хорошо знаешь.

– Генеральный директор «НИПЦ» Маргарита Семеновна Антипова. Она тоже причастна к появлению метода глубокой модификации – это сейчас она доктор наук, а тогда она была аспиранткой, и влилась в четверку отцов-основателей вместе с профессором Благовым ...

– Теперь заместители Генерального директора Антиповой, точнее заместительницы. Это Полина Ерлыкина, о которой мы уже говорили, и Виолетта Вадимовна Ерцкая, Главный специалист, начальник лаборатории, доктор наук – тоже человек тебе известный.

– Ты же лучших у нас забрал!

– Он такой ... – это опять подал голос Скворцов.

– Виктор Антонович! – это очень тихо сказала Антипова,

но от такого ее голоса бледнели самые стойкие. Виктор не успел открыть рот, но небольшого движения пальцев Свиридова оказалось достаточно, и Виктор поднял ладони, как бы извиняясь.

– У тебя там тоже есть заместители, и оба – дамы ...

– И одну из них ты уже украл! – не удержался Шабалдин.

А Свиридов продолжал представлять сидящих за столом – Главного инженера «НИПЦ» Елену Геннадиевну Долгополову, Начальника конструкторского отдела Карена Мартиросовича Варданяна, Заместителя директора научно-производственного филиала «НИПЦ» доктора наук Валентина Владимировича Антипова, Главного специалиста Ангелину Митрофановну Иванищеву, доктора наук, профессора, руководителя одного из кластеров в Сколково, Главного специалиста Эрнеста Умаровича Умарова, кандидата медицинских наук, полковника медицинской службы, главного врача медсанчасти «НИПЦ» и других ...

И только потом, когда Свиридов представил всех, разговор пошел о научных проблемах и перспективных разработках ...

Свиридов радостно удивился, с какой научной тонкостью и прозорливостью говорил Шабалдин – несмотря на кажущийся уход от научной деятельности он сохранил ясность научного мышления и талант исследователя.

И Свиридов искренне порадовался этому.

Большое внимание было уделено проблеме модификации

молекул сложного состава, содержащих наряду с неорганическими атомами атомы органические.

Этими работами начала заниматься Виолетта Ерцкая вместе с Ангелиной Иванишевой.

А в результате бесед, которые происходили два дня, сюда, в город неподалеку от Москвы приехал из города «Солнечный» молодой специалист, занимающийся построением органических молекул, что было совершенно новым направлением в работе «НИПЦ» и его сибирского филиала.

И занималась этим Виолетта Ерцкая, и этот молодой специалист стал ее аспирантом – как она не отказывалась от научного руководства ...

Правда, этому предшествовало еще одно событие, которому особенно противилась Тоня – Свиридов отправился в «Солнечный» без самолета, используя свои способности перемещаться в пространстве (и во времени – тоже).

Уважительная причина была – там, в Сибири, куролесил циклон с сильными ветрами, метелями и неустойчивой погодой. Метеорологи «не давали погоду», а Свиридов никогда не вынуждал экипаж самолета нарушать такие запреты. А оттуда, из «Солнечного», срочно нужно было доставить в Москву партию лекарства для лечения онкологических заболеваний, проходившего клинические испытания, и прервать испытания было нельзя – перерыв был чреват отказом в клиническом применении.

Тоня высказывала свои сомнения в необходимости теле-

портации очень мягко, напоминая мужу о неблагоприятном воздействии таких действий на его здоровье.

Свиридов тоже очень мягко успокаивал жену, обещая меньше напрягаться и обязательно пройти после этого восстановительную процедуру.

А попутно Свиридов прихватил с собой Шабалдина, предупредив его о необходимости не волноваться и помалкивать.

Кроме партии лекарства, изготовленного в «Солнечном», Свиридов «прихватил» оттуда молодого подающего большие надежды парнишку – Арсения Потаповича Лапшова, с которым тоже пришлось провести перед «полетом» сеанс своеобразной психотерапии.

А дома, недалеко от Москвы, Свиридов после разговора с этим выпускником Иркутского университета сказал Виолетте – «из этого мальчика будет толк!»

Доставка различной продукции, изготавливаемой на установках «НИПЦ», производилась постоянно, и чаще всего автотранспортом.

В московские адреса продукцию доставляли специальные посыльные, а проще – офицеры отряда Воложанина. Последнее время в связи с пробками на московских улицах доставка производилась в ночное время, да еще по приказу Свиридова с некоторыми особенностями.

Эти особенности заключались в том, что на своей, служеб-

ной машине, они доезжали до поста ГАИ (вернее ДПС) на шоссе, ведущем в Москву. Там груз в виде нескольких маленьких увесистых контейнеров или спортивных сумок перегружали в багажник патрульной машины с мигалками.

И в Москву без проблем мчался с мигалками на крыше мощный «Лексус» служебной раскраски с офицером в чине не меньше майора, а офицеры Воложанина в штатском сидели сзади.

Но кроме московских адресов потребителей продукции «НИПЦ» были адреса и вне Москвы. В пределах Московской области и чуть дальше партии продукции направляли на автомашинах, и чаще всего этими машинами управлял Константин Докукин.

На некоторых трассах к этой машине уже привыкли – после первых попыток остановить армейскую машину с гражданскими номерами постовые понимали, что заработать не удастся.

Во-первых, водитель оказывался аттестованным вольнонаемным военнослужащим, с которого в любом случае взятки гладки.

Во-вторых, полупустой грузовик с тентом сопровождали два офицера с автоматами – один в кузове, второй в кабине. И общение с ними никакого удовольствия постовым не доставляло, кроме неприятностей.

В кузове часто находились всего два-три ящика в защитной окраске, невзрачные с виду и неподъемные по существу.

И каждый такой ящик на патронном заводе с трудом выгружали по четверо крепких грузчиков, загружая взамен оружейные ящики с патронами «9 мм Пара» с бронебойными сердечниками – тоже далеко не легонькие.

В Тулу и в некоторые другие отдаленные адреса продукцию доставляли вертолетом, а некоторые серьезные потребители присылали за продукцией свой спецтранспорт – в частности, за изотопной продукцией и за продукцией с золотом приезжали в «НИПЦ» бронированные машины инкассаторской службы. И уезжали в сопровождении полицейского эскорта.

Поэтому для офицеров отряда полковника Воложанина было привычным делом сопровождать с оружием – и с очень серьезными документами! – те или иные грузы. Чаще всего офицеры работали парами – один из старого состава, из «ветеранов», в чине майора, и кто-нибудь из молодых, старший лейтенант или капитан, прослуживший в отряде полковника не менее полутора-двух лет.

Эти «мальчишки», как ласково называла их Даша, по-матерински опекавшая всех офицеров отряда независимо от их возраста, постепенно вживались в коллектив и даже обрастали семьями. И постепенно полковник Воложанин привлекал их к сложным и необычным операциям, когда важны были не только боевые навыки, но и умение молчать.

И молчать без срока давности.

Они привыкали, что их рабочие смены могут становить-

ся «безразмерными» и непредсказуемыми, что в их караульном помещении неожиданно может появиться генерал Свиридов и просто посидеть с ними в комнате отдыха, что генерал Свиридов может появиться на тренировке и уложить сразу нескольких нападающих, а потом детально разобрать с каждым все элементы приемов защиты и нападения, что полковник Воложанин и его добрая жена и генерал Свиридов никогда не забывают поздравить каждого с днем рождения – или с днем свадьбы, с днем рождения супруги, с днем рождения детей ...

Привычное дело ...

С Кареном Варданяном Свиридов встретился в конструкторском бюро проектного института, куда он пришел на работу как молодой специалист. Тогда в КБ сразу пришли несколько выпускников их ВУЗа, и все стали сразу выдвигаться.

Их заметили – у них была неплохая теоретическая подготовка, они быстро входили в курс дела и включались в работу, и у некоторых в дополнение была и административная хватка.

Карен пришел в КБ годом раньше Свиридова.

Свиридов быстро выдвинулся и стал самостоятельно вести объекты, и к нему в группу попали опытные конструктора, получавшие больше него, в том числе и Карен.

Карен выделялся универсализмом и тщательностью – он

мог разрабатывать практически любые аппараты и устройства, которые ему поручали, и делал это грамотно и с величайшей аккуратностью и тщательностью. Правда, он любил работать спокойно, без спешки.

Свиридов быстро понял, что после Карена чертежи проверять практически не требуется, хотя он все равно их проверял и не подписывал не глядя.

В командировки на объекты, где требовалось вмешательство сотрудников «всесоюзного» и «головного в отрасли» института, Свиридов стал чаще других брать с собой Карена.

Оказалось это удобным как с профессиональной точки зрения, так и с личной – они с Кареном подружились. Карен был не дурак выпить, но никогда не напивался, был компанейским парнем, обращал внимание на девушек и они отвечали ему тем же – в этом они тоже нашли со Свиридовым общий язык.

Когда у Свиридова появилась своя группа, связанная с авариями и проблемами безопасности на производстве он быстро перетянул туда Карена, и это оказалось очень полезным. Карен замещал Свиридова во время его отлучек – это когда Свиридова стали «выдергивать» в самые разные места.

А потом, когда Свиридов получил новое назначение, пришел в группу с красивой молодой женщиной, представил ее как свою секретаршу, и предложил части своих сотрудников – в скором будущем! – пойти за ним, Карен был первым, кто высказался «за».

Пока это «скорое будущее» не наступило Карен руководил «группой Свиридова» – так это подразделение продолжали называть.

А затем Свиридов «вытащил» Карена к себе, в новую организацию, и поручил ему организацию конструкторского бюро на основе такого существующего подразделения на машиностроительном заводе, где директором был институтский знакомый Свиридова, и помог перетащить к себе часть старых сотрудников.

И уж потом, когда это КБ, формально находящееся на территории завода и фактически подчиняющееся Свиридову, завоевало ведущие позиции, Карен встретил Маргариту Семеновну Антипову, вернувшуюся с мужем из длительной зарубежной командировки.

С Антиповой Карен встретился на совещании у Свиридова, потом они встретились в столовой фирмы, а затем около Дома культуры.

Антипова выходила из Дома культуры после концерта, она была одна, и Карен вызвался проводить ее. Они прогуливались довольно долго, а потом оказались в пустовавшей квартире Карена и ...

Повернувшись Карен стал рассматривать лицо лежащей рядом женщины и почувствовал невероятную нежность к ней.

А женщина открыла глаза, улыбнулась Карену, встала, и не прикрываясь склонилась к нему.

– Ты великолепен, мой дорогой!

И хотя сказано это было на английском языке Карен поняла и притянула ее к себе.

– Дорогая моя! Любимая! – а это было сказано на армянском языке, но и женщина тоже поняла сказанное Кареном.

Это уже потом растерянный Карен признавался Свиридовым в том, что он соблазнил жену Антипова и переспал с ней.

И был обескуражен реакцией на его признание.

– Давай, собирайся! Пойдем сватать Марго!

– Куда?

– К ее мужу. Будем сватать его жену за тебя!

И вот уже много лет Карен и Маргарита были счастливы, и усыновив мальчика из лесной школы они обрели покой – Маргарита не могла иметь детей.

А Антипов, с которым у Маргариты был залегендированный брак для поездки в США, нашел счастье с молодой женщиной Олей Петровой, капитаном СВР, изуродованной при переходе границы ...

С Костей Докукиным Свиридов познакомился во время отпуска на черноморском побережье в приморском поселке со странным названием Архипо-Осиповка.

Отдыхающие размещались в деревянных домиках с двумя комнатами – в одной из них поместились Докукин и Свиридов, а в соседней – молодая семья с маленьким сынишкой.

Отдыхающие подружились, молодые, уезжая в соседние поселки на рынки, даже оставляли сына на попечение соседей, а вечером убаюкав малыша приходили к соседям играть в карты.

Иногда Толя и Костя устраивали «представление» на танцплощадке турбазы – на вопросы беспроигрышной лотереи мгновенно отвечал Свиридов, не давая ведущей закончить вопрос, чем вызывал бурный восторг подвыпившей публики.

Толя и Костя купались, заплывали далеко в море, ужасали старшее поколение заплывами в штормовую погоду, отстаивали честь москвичей в драках с местными, ходили в горы – в общем мало чем отличались от остальных отдыхающих.

Все было тихо и спокойно, пока однажды вечером ...

Поставив чемодан на попу и накрыв его доской они вчетвером играли в карты, и вдруг музыка с танцплощадки прервалась и раздался женский голос, искаженный динамиком:

– Сын неба, где ты? Я жду тебя, сын неба!

И Свиридов, даже не пытаясь прорваться к загороженной чемоданом двери, рыбкой вылетел в окно ...

А утром на пляже Свиридов познакомил Костю с молодой девушкой в модных темных очках, предметом зависти молодняка, представив ее как свою любимую.

– Вера! – представилась девушка.

На несколько дней они были неразлучны втроем, и отшивали желающих познакомиться, и устраивали набеги на со-

седние турбазы и санатории, ужасая отдыхающих разудалыми песнями под гитару, и только на ночь Толя и Вера уходили в домик на берегу, где Толя снял комнату.

Правда, во дворе этого домика стояла шикарная машина, на которой приехала Вера, но об этом Костя узнал позднее, когда она уезжала. Он присутствовал при прощании Толи и Веры, и при ее отъезде с визгом шин и двумя мотоциклистами перед машиной, и они распивали затем по вечерам по три – четыре «огнетушителя» – так они называли бутылки емкостью по 0,75 литра.

А затем через много лет случайная встреча на подмосковном шоссе, встреча с Верой, которая стала теперь Тоней – а Костя мало спрашивал, но больше рассказывал о своей жизни, о своей красавице жене и ее общительном характере, доставляющем ему столько хлопот ...

И о Свиридове, естественно принявшем заботу о нем и его семье – и переезд сюда, в город неподалеку от Москвы, и трудоустройство красавицы жены Любы в детский садик, и танцы своей жены со Свиридовым, которым она отдавалась целиком.

Но зато теперь он мог спокойно видеть ее, отдающейся мужчине в танце – это был надежный человек, это был Толик Свиридов.

Это уже здесь Костя познакомился с Виктором Скворцовым, и теперь нередко жены вытаскивали их с «мероприятия на троих», ласково ругая и осторожно уводя домой.

Почему-то Косте совершенно не мешало, что Толя – генерал, а Витя – большой ученый. Он не видел разницы, и Люба не видела этой разницы ни в общении со Свиридовым, ни в общении с их тремя женами.

Хотя поначалу две жены Виктора ... но ничего, все путем!

Константин Докукин был водителем что называется «от бога», и другой работы себе не представлял. И не соглашался ни на какое повышение по должности, и оставался водителем, пусть самым лучшим, но водителем.

Докукин ездил наравне с другими шоферами, совершал дальние поездки, доставлял самые ответственные грузы – например, он привез колокола для деревенской церкви.

– Свиридовы! Вы уже проснулись?

Костя в дождевике и высоких резиновых сапогах и с корзиной в руках стукнул в дверь дачи Свиридовых.

– Дядя Костя, мы уже проснулись! – громко ответила ему Верочка, сидящая за столом и лениво ковыряющая кашу. – Заходи, дверь открыта!

– Привет, Костя! Раздевайся, садись с нами – позавтракаешь ...

Уля поставила тарелку, положила приборы.

– А я вам грибов принес – грибов в лесу пропасть! Я с утра пошел, набрал большую корзину. Люба велела отнести вам половину.

– Спасибо, Костя, но что с ними делать? – вышла Тоня.

Звякнул телефон.

– Тонечка? Привет, Люба. Мой не у вас? А то он телефон забыл, вот я его и ищу!

– Да, Любаша, он у нас! Сейчас завтракать будем. Спасибо за грибы!

Сверху спустились мужчины – Свиридов, Гриша и Коленька на руках у отца.

Увидев гостя Коленька заулыбался ему, протянул руки.

– Здравствуй, Николай Григорьевич! Иди ко мне!

Коленька с улыбкой уселся на руки к Косте, попытался что-то сказать ему на своем мимическом языке и послушно стал есть кашу.

– Молодец, Николай Григорьевич! Уля, Гриша, какой ладный мальчишка получился у вас! И внучок тоже вполне приличный, ребята!

– А я? – спросила Верочка.

– Ты тоже вполне приличная внучка, разве можно сомневаться!

– Ты ешь, Костя, ешь! Потом поговоришь!

– Уля, это ты сотворила? До чего же вкусно! Научи мою Любашу!

– Уленька часто нас балует. Готовит всякие вкусности, пальчики оближешь!

– Наша Уленька молодец!

– Вы ее не захваливайте, не захваливайте! Моя жена самая лучшая в мире, никаких сомнений!

Уля помалкивала, подкладывая взрослым, успевая выте-

реть рот малышам, да и сама положить что-нибудь в рот ...

Женщины бросились друг к другу, порывисто, крепко и молча обнялись.

И застыли, и если бы можно было бы подслушать, то стало бы слышно, что они называют друг друга по имени: Веруня, Маргоша ...

Женщины были очень разные – одна не толстая, но плотного телосложения, с каре явно крашенных волос, в модном джинсовом костюме; вторая худощавая, в строгом деловом костюме, с короткой стрижкой.

Потом они отстранились, посмотрели друг на друга, и почти одновременно спросили: как ты?

И тут они заметили мужчину.

Он стоял неподвижно и молча.

Он был неприметен и обычен. Это была одна из особенностей этого мужчины – быть неприметным и обыкновенным, ничем не выделяясь среди других.

Подружки знали, что эта неприметность была свойственна этому мужчине независимо от места – это они видели в Брюсселе, в Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке ...

И все трое крепко обнялись, и целуя его женщины говорили:

– Дорогой Владимир Альбертович ... Товарищ генерал ... Как я рада ... Мы вас не забывали ...

Потом все втроем сидели в уютном скромном зале за сто-

ликом, и мужчина заказывал молодому скромному официанту ...

Втроем поднимали бокалы с шампанским и странным тостом «За тех, кого с нами нет». И вспоминали давно прошедшее время, когда молодой мужчина, тогда еще не генерал, никогда в жизни не надевавший военную форму, обучал молодых девчонок премудростям нелегкой жизни нелегалов и вообще обладателей чужих биографий и документов ...

И потом «вывозил» своих воспитанниц за рубеж, продолжая обучение в Париже или Копенгагене ...

Обнимающие его женщины со слезами вспоминали ...

Понятие «семья», «семейное гнездо» тесно связано с еще одним понятием, которое тут, недалеко от Москвы, стало понятным и привычным – «трилистник».

У этого самого большого здесь здания обозначение «трилистник» сразу победило другое – «БМВ».

Все дело в том, что здание состояло из трех корпусов, соединенных в фигуру, напоминающую фирменную эмблему «БМВ»: три корпуса, развернутых друг относительно друга на 120° и соединенных между собой. Но более понятное и привычное «трилистник» вытеснило «импортное» обозначение.

Трилистник разместился между длинными жилыми корпусами на месте, исходно зарезервированном для этого здания при закладке города.

В каждом корпусе «трилистника» было по три подъезда, первый и цокольный этажи корпусов по сложившейся здесь традиции занимали служебные помещения, первые жилые этажи занимали так называемые служебные квартиры или общежития, а средняя часть здания ...

Серединка – место сочленения трех корпусов – представляла собой сложнейшее инженерное сооружение.

Сплошные стеклянные стены первого этажа скрывали обширный холл, куда вели три большие вращающиеся двери. Конструкция этих дверей была выбрана не случайно – даже небольшой ветерок на улице приводил к существенному перепаду давления между корпусами и этими входными дверями, и двери обычные, распашные, здесь бы не выдержали, да и просто были бы неудобны.

В холле рядом с этими вращающимися дверьми обычные двери скрывали входы на шесть самостоятельных пожарных лестниц, а по центру холла посетителей ожидали три пассажирских и три грузовых лифта.

Прачечные, мастерские бытового обслуживания, помещения для хранения несезонного инвентаря, бани и сауны скрывались под корпусами, а тут, над холлом размещались не менее важные службы: почта, отделение местного банка и сберегательная касса, книжный магазин, где кроме книг можно было купить аудио– видеопродукцию и канцелярские товары и прочие хозяйственные мелочи, и вообще все сопутствующие товары кроме пищевых продуктов.

Но самое главное – тут размещались салоны красоты с солярием, косметический и массажный салоны, а прямо над холлом, куда можно было попасть по отдельным лестницам, кабинеты медицинской консультации – по любым вопросам и с круглосуточным режимом работы.

В «серединке» хватило места для приемных пунктов служб обслуживания населения, для юридической консультации и даже нотариальной конторы, для которой работы было очень и очень мало.

А в подвальных помещениях этой «серединки» скрывалось все управление многочисленными системами «трилистника» – вентиляция, теплоснабжение, вода, газ, электроэнергия, радио, телефон, телевидение.

Чем еще отличался «трилистник» от старых жилых корпусов?

Индивидуальные системы горячего водоснабжения системой автоматики были объединены воедино, на самом вер-ху двенадцатиэтажной «серединки» размещалась небольшая студия кабельного телевидения и своя собственная АТС, а на крышах корпусов были устроены зимние сады.

Вокруг «трилистника» располагалась настоящая кольцевая асфальтированная дорога, отданная полностью детям – велосипеды, электромопеды, гироскутеры, ролики – с настоящими светофорами и «зебрами» в местах пересечения с пешеходными дорожками.

Светофоры работали в часы пик, когда поток пешехо-

дов был массовым или проезжал служебный электромобиль, причем работали светофоры автоматически.

Обучением молодого поколения правилам движения занимались офицеры охраны, занятия проводились часто, и это приносило плоды – движение по кольцевой и по пересекающим ее проходам было вполне безопасным.

И велосипеды, и бегуны на роликах дисциплинированно останавливались и ожидали прохода пешеходов, а если на светофоре горел запрещающий сигнал, то все дисциплинированно ждали ...

Тут, в «трилистнике» жили многие, переселившиеся из первых жилых корпусов – семьи разрастались ...

Семья Свиридовых состояла из шести человек: сам Свиридов, его жена Тоня Свиридова, его сын Григорий Свиридов, жена сына Ульяна Свиридова, и внуки – Верочка и Коленька Свиридовы.

Все семейство разместилось в просторной квартире. А кабинет Свиридова расположился вне квартиры – для него использовали часть помещения охраны в квартире напротив.

Свиридов долго упирался, считая недопустимым увеличение жилой площади, но подчинился общему напору – не внутреннему, семейному, а внешнему! – когда стало понятно, что на одном внуке дети не остановятся.

Бывший кабинет Свиридова оборудовали под библиотеку, за стеной которой разместилась небольшая домашняя сту-

дия Гриши – но зато он получил просторную студию на даче, и там его студия занимала весь верхний этаж под стеклянной крышей.

Спальня родителей – Свиридовых старших – разместилась прямо у входа в квартиру, слева. Затем шла комната молодых – Гриши и Ули, а потом детская. Но дети еще были малы и Уля не отселяла их в детскую совсем – спали дети в одной комнате вместе с родителями, но днем с удовольствием проводили время в «своей» комнате.

Напротив, через широкий коридор, располагалась просторная столовая, отделенная от кухни стеклянной раздвижной перегородкой – это было любимое место всей семьи, когда они собирались все вместе.

Квартира Свиридовых

Тогда Уля с помощью Гриши переправляла приготовленное ею на стол, в чем часто помогал сам Свиридов, а мама-Тоня помогала накрывать на стол.

У младших за столом уже были их законные места – они устраивались на высоких стульчиках напротив старших, а с боков их опекали родители. Но Верочка, и даже Коленька вели себя за столом вполне самостоятельно и даже не шалили.

Последнее было несколько странно – малыши, двое, с достаточной свободой самовыражения, но нескольких негром-

ких замечаний Свиридова оказалось достаточно, и дети баловаться перестали.

Пусть совсем не часто удавалось собраться за столом всей семьей, но зато каждый раз это воспринималось как праздник. Праздничную атмосферу создавал Свиридов, создавала Тоня, и их примеру следовали молодые.

Никаких скучных разговоров, никаких мрачных лиц, никаких пререканий и выяснения отношений – только улыбки и доброта.

Потом, когда внуков отправляли спать, взрослые перемещались на диван у стены, куда к «взрослым» втирались «молодые», и начинался душевный разговор на любые самые сокровенные темы, обсуждались самые важные вопросы, слушали невероятные по содержанию рассказы о самых интересных событиях ...

Очень редко Свиридов брал гитару, но тогда вечер становился воистину волшебным.

Не заслушаться Свиридова было невозможно, да и песни его были настолько неожиданными – как и языки! – что слушатели просто балдели от восторга ...

Но бывали случаи, когда дверь в спальню Свиридовых оказывалась закрытой, и из-за нее чуть слышно доносились звуки гитары и пение.

Тогда молодые ходили на цыпочках, а Уля завидовала маме-Тоне, потому что Гриша играть на гитаре и петь не умел

...

В семье работали все.

Самые младшие работали в детском садике, куда рано утром они направлялись под предводительством мамы-Ули или бабы-Тони. Чаще всего они выходили вместе с мамой, здоровались с дежурными в подъезде, а потом со всеми встречными, и держась за руки спокойно – или вприпрыжку, смотря по погоде! – переходили в ведение тети Любы.

А там их ждали знакомые, игрушки, спортивные снаряды.

Это стараниями Дениса Дубинина в самых малышей группах появились несложные спортивные снаряды, на которых детишки с упоением кувыркались.

Дядя Денис заходил в группы каждый день и много времени проводил с самым молодым поколением.

Уходить из садика не хотелось, но зато бывали случаи, когда за Верочкой и Коленькой заходил папа или дедушка. Это был праздник!

Совсем не потому, что можно было пойти погулять, и даже в лес. И не потому, что можно было по очереди поехать на плечах папы или деда.

Просто с ними было весело, хорошо.

С мамой и бабушкой тоже было хорошо, но с папой и дедом это происходило намного реже ...

А уж если в выходной день, когда в садике тоже был выходной, собиралась вся семья и можно было отправиться в лес – а если на лыжах?!

Или на просторной машине с папой за рулем отправиться

на дачу, и там остаться на все лето? И вместе с Максимом?
И ходить в гости на соседние участки к друзьям?
И есть ягоды прямо с куста?
И купаться каждый день и лежать на горячем песке?
А потом искать грибы, спрятавшиеся под листьями в сумрачном лесу?
И засыпать в гамаке на улице под пение птичек?
И просыпаться утром от солнечного луча и лапки Максима?

Внуки росли, дед с бабкой радовались, отец с матерью наслаждались.

Гриша рисовал растущих детей и их сверстников с соседних участков, а подростки Верочка и Коленька с грустью встречали осень и переселение в город.

Конечно, там было тоже неплохо ...

К частым отлучкам Свиридова в семье привыкли.

Иногда он отсутствовал день-другой, иногда несколько дней, а бывало и подольше.

Чаще всего Тоня знала, с чем связано отсутствие мужа, но даже когда не знала точно, где он в данный момент, она всегда старалась мысленно заботиться о нем – ей казалось, что так правильно.

А Свиридов потом говорил ей, что он чувствовал ее участие и заботу, и это помогало ему.

А дел у Свиридова хватало. Иногда даже слишком, и после возвращения из сложной поездки ему приходилось вос-

становливать силы. Особенно если это было связано с перемещением во времени и далеко от дома, то такие путешествия давались особенно трудно и требовали наибольших затрат энергии (и чего там еще?).

Именно после таких путешествий по настоянию Умарова ему приходилось хоть на пару дней ложиться в клинику ...

Квартира Скворцовых порой напоминали общежитие.

Нет, не очередями в туалет и в ванную, не склоками около примусов, нет!

Многонаселенностью!

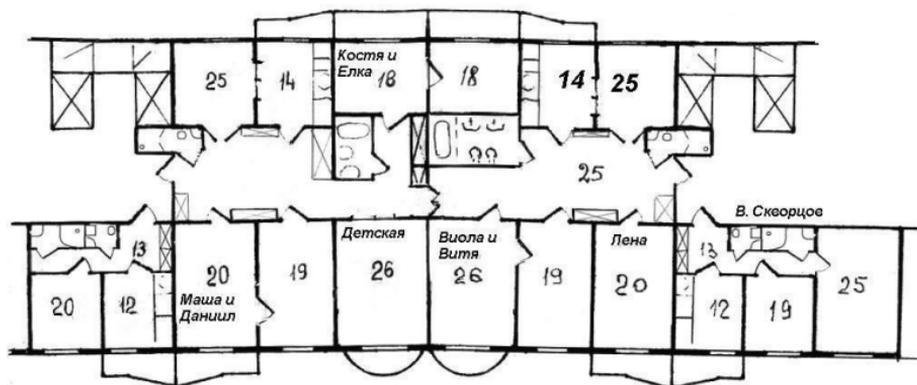
Когда все члены этой большой семьи собирались вместе – все Скворцовы, Ерцкие и Дубинины – то становилось видно, что их много, и Виктор радовался.

Это была его идея – соединить всех в одной квартире, пусть гигантской, но одной.

И это ему удалось.

Стараниями строителей две квартиры, выходящие на лестничные клетки двух соседних подъездов, было объединены в одну гигантскую квартиру, а сам Виктор, как и раньше, остался в соседней двухкомнатной.

Соединенные квартиры в основном сохранили свою привычную планировку за исключением того, что квартира Дубининых (Маши Скворцовой и Даниила Дубинина) сохранила некоторую обособленность, которая примиряла Даниила с проживанием в одной семье.

Квартира Скворцовых-Дубининых.

Сквозной коридор от подъезда до подъезда позволял подрастающему поколению в перспективе устраивать гонки на велосипедах или самокатах, оставленная соединительная дверь позволяла при желании отгородиться, а наличие второй кухни и второй гостиной завершала эту обособленность.

Справедливости ради следует заметить, что это обстоятельство еще ни разу не было реализовано, и даже такого желания не возникало – дверь ни разу не закрывали.

Но зато как было удобно – при необходимости можно было уединиться на «своей» кухне или в «своей» гостиной.

Около комнат молодых – между прочим около комнаты

Виолетты тоже – рядом были детские комнаты. Такие комнаты были и у Кости с Елкой, и у Данила с Машей.

Но была еще общая детская комната – в светлой комнате с распашными застекленными дверьми – надо же приглядывать за детьми? – сразу установили шведскую стенку и качели. Оборудованием этой комнаты единолично ведал Даниил, и ему никто даже не подумал противоречить.

А когда у Лены появилась еще одна дочка, то в стене была проделана дверь и образовалась общая детская комната для детей Лены и Виолы, и обе восприняли это как должное.

Таким образом к описываемому моменту в квартире проживали: Лена с маленькой Витиной дочкой Анечкой, Виолетта с Витиными детьми Витенькой и Риточкой, Костя Скворцов с женой Еленой (Елкой) и с их сыном Сашей, внуком Виктора, Даниил Дубинин с Машей, в девичестве Скворцовой, с их сыном Аркашей, вторым внуком Виктора.

Сам Виктор Скворцов не изменил себе и остался в отдельной двухкомнатной квартире рядом, но это не мешало ему практически постоянно находится в их общей квартире.

Уединялся Виктор для работы, и тогда к нему без предупреждения по телефону никто не входил. А еще эту обособленную территорию облюбовали мужики – Анатолий Свиридов, Костя Докукин вместе с Виктором Скворцовым – для редких междусобойчиков, откуда их потом разбирали жены

...

Таким образом в общей квартире, где проживали женщи-

ны Виктора, его дети и внуки, общая численность населения составляла десять человек – если не учитывать его постоянного присутствия.

Семейство Скворцова вызывало неутолимый интерес большинства населения – как это так мужик живет с двумя женами. Не с двумя женщинами – с женой и с любовницей, а с двумя равноправными женами!

К этому постепенно привыкли – ровные отношения между Леной и Виолеттой, ровные семейные отношения с детьми, несколько сложнее – ровные родительские отношения с только что родившимися малышами – чьими?

Но интерес оставался, хотя и не выражался в открытую.

И с Леной, и с Виолеттой все общались вполне добрососедски, оставляя пересуды для лавочки перед подъездом.

А дома Лена с Виолеттой вполне примирились и делили Виктора по-братски, то есть по-женски и поровну, а «график посещений» устанавливал сам Виктор.

Младших детей – Риточку и Анечку – женщины не отличали и заботились о них одинаково, чему иногда удивлялись сами.

Тем более детей не отличал Виктор, уделяя внимание им без разбора. И вообще Виктор с такой нежностью играл с девочками, не забывая внуков – Сашеньку и Аркашу, что Лена начинала ревновать его. А Виолетта утешала Лену, подчеркивая любовь Виктора к детям, и не только маленьким. Заботы отца хватало не только Витеньке, как самому взросло-

му из маленьких, но и старшим – Косте, Елке и Маше.

Немного отличались отношения Виктора с Даниилом – тот был несколько старше Маши, Кости и Елки, и был очень чувствителен к диктату.

Но Виктор сумел наладить отношения с Даниилом, и тот почти примирился с семейной дисциплиной в семейство Скворцовых. Правила этой дисциплины оказались так просты, что не стали преградой к его ассимиляции, и с помощью Маши Даниил стал почти полноправным членом этой большой семьи.

Утро в квартире начиналось рано – вставали женщины и готовили еду своим мужчинам и своим детям. Или наоборот – сперва детям, а потом мужчинам?

К завтраку приходил Виктор. Даже тогда, когда он ночевал у одной из своих любимых женщин, он рано утром возвращался в свою квартиру, там приводил себя в порядок, а затем возвращался к столу.

За столом собирался весь наличный состав семьи за исключением тех редких случаев, когда Виктор уезжал в командировку.

У каждого за столом было свое постоянное место, и даже маленькие быстро к этому привыкли.

И еще по выходным на прогулку часто выходили тоже все вместе – старшие, младшие и маленькие. Маленькие ехали в колясках, Витенька шел сам, категорически отказываясь от коляски – в крайнем случае он мог ехать на руках у отца, у

Кости или у Дена, а замыкающими шли Виктор и его любимые женщины, держащие его под руки.

К этой компании нередко присоединялась Верочка и Коленька Свиридовы, или Егорка Медяков, или младшие дети «сестренки» Свиридова ...

После возвращения из длительной зарубежной спецкомандировки Валентин Викторович Антипов и Маргарита Семеновна Антипова получили тут, в городе недалеко от Москвы, отдельную трехкомнатную квартиру.

Но после того, как Карен Варданян «отбил» Маргариту Семеновну у Валентина Викторовича, и Маргарита переехала к Карену в его двухкомнатную квартиру, квартирный вопрос возник снова.

Валентин Викторович предложил обменяться – он переместится в квартиру Карена, а «молодые» в его квартиру.

Он предложил это совершенно искренне, не обольщаясь возможностью продолжения совместной жизни с Маргаритой, но тогда Свиридов отверг этот вариант, и Карен с Маргаритой получили трехкомнатную квартиру в другой доме – в «трилистнике», который тогда сдавали.

К Валентину Викторовичу, в просторечии «ВВ», вскоре стала приходиться Оля Петрова ...

А Карен с Маргаритой стали обживать новую квартиру, сожалеть о невозможности иметь собственных детей, но это омрачало их любовь в малой степени.

Это могло показаться странным, но завязтый холостяк Карен, отнюдь не обделенный вниманием женского пола, и давно безрадостно замужня Маргарита, в совершенстве владеющая искусством обольщения мужчин несмотря на свою далеко не модельную внешность, по-настоящему полюбили друг друга, ощущали необходимость друг друга и насущную потребность заботы друг о друге.

А уж когда в лесной школе появился маленький армянин Аванес, потерявший родителей, когда Свиридов познакомил Марго и Карена с Аванесом, когда Аванес вошел в их семью и стал их любимы Ванечкой, то их жизнь наполнилась таким прекрасным содержанием!

Марго бегала к Тоне за консультациями, беседовала с Улей по проблемам воспитания маленького мальчика, обращалась к Любе Докукиной.

Мальчик быстро привык к приемным родителям, разговаривал с Кареном на армянском языке и учился у Марго русскому языку. Попутно Маргарита училась армянскому языку – Карен считал, что мальчику не следует забывать родной язык, и в этом его поддерживал Свиридов.

И Карен, и Марго стали после работы торопиться домой. Теперь они не задерживались на работе, они строили дачный домик с просторной комнатой для мальчика, подумывали о приобретении щенка, о чем даже советовались с Сандалом, тащили домой детские книжки и игры.

По совету Свиридова и Грачевой они пока не допускали

Аванеса-Ваню к компьютеру и к компьютерным играм, развивая его навыки в чтении, устном счете, правописании.

Жизнь наполнилась, и Марго иногда спрашивала Карена – как мы с тобой могли жить без этого мальчика?

Карен совсем забросил свой гигантский «Паккард» и на дачный участок они ездили на «Гелендвагене», полученном Марго после ее зарубежной командировки.

Ваня в нарушение всех правил сидел у Марго на руках, и с удовольствием смотрел по сторонам. А потом на участке, освоившись с ближайшим окружением на соседних участках, он с упоением носился со знакомыми мальчишками и галантно помогал девочкам.

– Смотри, Марго, он весь в меня! – радовался Карен.

И всем пришлось привыкать, что деловитая и суровая на работе Маргарита Семеновна совершенно преобразается при виде маленького мальчика с иссиня черными волосами и смуглым лицом ...

А этот мальчик, весело играющий в компании многочисленных Скворцовых или у Свиридовых, услышав голос Маргариты Семеновны «Ванечка!» стремглав бежал к ней ...

Калерия Петровна и Марат Сергеевич долго не могли привыкнуть – ни к своей новой квартире, ни к новой мебели, ни к новым врачам, а самое главное к окружающим их людям.

Свиридов бывал здесь часто.

Когда Свиридов привез их сюда, и они вошли в пустую

квартиру, и растерянные сели вдвоем на старый чемодан, то у них даже времени на удивление не оставалось.

В квартире сразу появились люди – не любопытные соседи, а крайне деятельные и заинтересованные. Двое мужчин повели Калерию Петровну на какой-то склад, где она выбрала мебель, и буквально через час все это стояло в комнатах – а комнат-то было две, да еще кухня! Расстановкой мебели руководил Марат Сергеевич, очень мягко и нерешительно командовавший крепкими мужчинами – это их через несколько дней новоселы увидели в офицерской форме ...

Какая-то женщина, очень внимательная и вежливая, пригласила коробки с посудой – ей помогали сразу три подростка.

Эти подростки быстро подружились с Маратом Сергеевичем – оказалось, что их отец автомеханик, и ребята принесли старые книги о моделях машин, о которых многие забыли, но не новоселы.

И Марат Сергеевич, и Калерия Петровна с таким удовольствием перелистывали пожелтевшие страницы описаний автомобилей ГАЗ-АА, ЗИС-5, Москвич, Победа ...

Перелистывала страницы, конечно, Калерия Петровна или трое Ивановых, а Марат Сергеевич долго еще не мог привыкнуть к своим новым «рукам» – ему изготовили протезы, и он теперь мог самостоятельно выполнять простейшие операции: держать ложку, вилку, стакан, пульт от телевизора ...

Телевизор – первое время их обоих нельзя было оторвать от телевизора, ведь они смогли смотреть телепередачи только тут, переехав в этот удивительный город.

Удивительный потому, что у них в квартире постоянно кто-нибудь был – то удивительная женщина по имени Дарья Федоровна, заходившая с маленькими детьми, а иногда с мужем-полковником, то близнецы Ирина и Полина, сироты, не сидевшие без дела и во всем помогавшие Калерии Петровне по дому, то целая команда мальчиков, удивительно ласковых (и очень необычных, что супруги поняли не сразу), то сам Свиридов, его жена, его сын ...

Очень скоро на стене в гостиной появились сперва два портрета хозяев, хотя, во-первых, они не позировали художнику, а во-вторых, там, на портретах они были такие молодые ...

Это уже потом появились и другие рисунки ...

Марат Сергеевич, и Калерия Петровна теперь часто выходили из дома – в магазин или просто погулять, и радовались ...

Они радовались всему – и светлым комнатам, и просторной кухне, и уютному магазину, где все было, но главное они радовались окружающим их людям.

Все здоровались друг с другом, все были готовы помочь, постоянно вокруг их окружали Ирина и Полина, да и другие ребяташки забегали почти каждый день ...

Скучать было некогда. Марат Сергеевич старательно

вспоминал позабытое из школьной программы – нужно же помогать ребятам и проверять у них уроки, а Калерия Петровна пыталась освоить вязание – когда-то ей показали основы, но многое подзабылось ...

Гриша уже бывал в квартире Бганцевых, но в этот раз по приглашению молодых они пришли вдвоем с Улей.

Старый дом в старом уголке Москвы, старый подъезд, облагороженный новой стальной дверью с кодовым замком, старые каменные – не бетонные! – ступени лестницы.

Уля разглядывала квартиру в доме, построенном сотню лет назад.

Старинная входная дверь, двухстворчатая, высотой два с лишним метра.

Просторная прихожая с зеркальными дверцами стенного шкафа, старинный паркет, три двери – шикарная старинная двухстворчатая дверь, замыкающая торец прихожей, скромная – новодел! – дверь налево, раздвижная дверь в коридор направо, явно диссонирующая с обликом квартиры.

Катя пригласила гостей к себе – они прошли через раздвинутую дверь в коридор.

Справа доносились вкусные запахи, а слева в торце коридора светилось громадное окно в витражах.

Уле все было интересно.

Коридор был не особенно широк, справа виднелись створки стенного шкафа, а чуть дальше дверь в комнату Кати.

Дверь находилась в некой нише – оказалось, что эта ниша была толщиной капитальной стены.

Вот где скрывалась причина долголетия дома – кирпичные стены толщиной более полуметра по периметру и такая же промежуточная стена вдоль дома, делящая здание на две части!

Что это было – прихоть хозяина или выдумка безымянного архитектора, но эта стена разграничивала «парадную» часть от «людской» и дала зданию такой запас прочности, что позволило надстроить еще пару этажей.

По уличному фасаду располагались парадные комнаты, а со стороны дворового фасада – комнаты горничных и кухарок.

Вот в этой «людской» части находилась просторная комната Кати, где уже прослеживались следы Олега в виде письменного стола с ноутбуком, книжной полки и картины на стене.

В скромной рамке лица Кати и Олега были настолько выразительны, что без фаты и других признаков можно было утверждать свадебный характер момента.

Это был рисунок Гриши, сделанный на свадьбе (которой не было!) – и как это только ему удалось?

В центре комнаты стоял небольшой круглый стол с вазой и фруктами, но мягкие игрушки и куклы выдавали, что играть ими кончили недавно.

Или не кончили?

Стулья у стола свидетельствовали, что тут были готовы принимать гостей, друзей.

Что и продемонстрировала молодая хозяйка, усаживая гостей.

Уля еще не успела оглядеться, как дверь быстро отворилась.

– Мама, неужели мне придется запирать дверь, чтобы ты научилась стучаться?

Катя сказала это очень мягко.

– С Гришей ты знакома, а это его жена Ульяна. Познакомься, пожалуйста.

– Да, да ... Здравствуйте! Здравствуйте, Ульяна! Меня зовут Вера Николаевна!

– Очень приятно, Вера Николаевна. Уля.

После недолгого препирательства все перешли через коридор в парадную гостиную.

Тут скромная дверь из коридора скрывала великолепие хрустальной люстры – благо высота потолка позволяла, старинную мебель, горки с посудой и пару картин на свободных местах стен.

На них Уля обратила внимание – в богатых рамах находились сносные копии Шишкина и Левитана.

– Что, Уленька? – спросил ее Гриша, мельком глянувший на картины.

– Да, что скажите, Григорий? Ведь вы художник!

– Мне это напомнило недавний случай ... – не дала мужу

ответить Уля.

– Это интересно. Расскажите, прошу вас.

– Мадам Женовьева ...

– Мадам?

– Да, мадам Женовьева. Это в Вене, мы там всегда оста-
навливаемся у Дрейзеров, у них на вилле.

– Вы ... вы бываете в Вене?..

– Да, мы там бываем. Последний раз я летала с Гришей ...
с мужем, у него там были дела в издательстве.

– У вас есть контакты с австрийским издательством, Гри-
горий?

– Мама, я же тебе рассказывала! И показывала книгу, ко-
торую иллюстрировал Гриша и подарил мне!

– В этот раз мадам Женовьева повела меня в их домаш-
нюю картинную галерею, где я еще не бывала ...

– И я тоже!

– И там я увидела ...

– А как вы находите наши картины!?

– Неплохие копии, – это вмещался Гриша.

– А у Дрейзеров я увидела копии Вермеера, подлинник
Климта, других незнакомых мне художников! Но не это уди-
вило меня больше всего!

– А что же, Ульяна?

– Мне неловко, но это были картины Гриши! Две его кар-
тины в настоящих рамах!

– И что же это были за картины? Почему они висели ря-

дом с известными мастерами?

– Это были портреты моей любимой Уленьки!

– Чем же знамениты эти портреты?

– Ну, что вы, Вера Николаевна! Это выдающиеся портреты! Там Уля . . . такая! Там, в Вене, допечатывали тираж журнала, где был опубликован один из них!

– Правда, Уля? Тот самый, да?

– Да, Катюша. Тот самый . . . – Уля смутилась.

– И чем же знаменит тот, как вы говорите, портрет Уляны?

– Мама, да там Уля танцует обнаженная! Да как! Я же слышала, как ей восторгались на выставке!

– Вы выставляетесь, Григорий?

– Бывает.

– И премии есть?

– Да, у Гриши есть премии. И тут, дома, и на международной выставке молодых художников. А вот эти часы – премия с выставки художников студии Грекова. – Олег махнул рукой в сторону Гриши, который хотел остановить его.

– Гриша иллюстрирует книги венского издательства, и книги издаются на двух языках, и рисунки в них разные. Мама, Гриша не только довольно известный художник, он еще и художник гениальный! Он мне показал свои рисунки обнаженной натуры – это что-то!

– Надеюсь, ты не стала ему позировать?

– Не надейтесь, Вера Николаевна! И это изумительно!

– Но как же это ... Как вы разрешили ей, Олег?

– Во-первых, я ничего ей не запрещаю. А во-вторых, Гриша может уговорить кого угодно! Я не прав, Катюша?

– Абсолютно!

Появился Бганцев, молча посидел, затем увел мужчин к себе в кабинет.

Из гостиной в его кабинет вели высокие старинные распашные двери, но кабинет был скромным и даже аскетичным. Николай Владимирович предложил по маленькой рюмочке, он был контактен, находил темы, интересные гостям.

Было видно, что у него прекрасные отношения с Олегом.

Это к нему кабинет вела скромная белая дверь из прихожей, а просторный диван в глубине кабинета намекал на возможность ночевки прямо тут, в кабинете.

На этом диване уже несколько раз ночевал Олег.

А Вера Николаевна не упустила возможности похвастаться спальней – туда из гостиной вели другие старинные высокие распашные двери.

И Уле была продемонстрирована спальня с заложенными окнами в сторону улицы, а из углового окна просматривалась часть перекрестка и улицы с автомобильной пробкой ...

Несмотря на постоянные уговоры молодые жили вместе с Полиной Олеговной и Семеном Гавриловичем «недалеко от Москвы», и лишь изредка ночевали в Катиной комнате, когда задерживались в Москве ...

– Толик, давай за твою Тонечку! – Костя Докукин поднял стопку.

– Помнишь, когда ты нас познакомил? Помнишь, как мы тогда отрывались?

Веселая компания, во главе которой шел Свиридов с гитарой и с молодой красивой девушкой в черных очках, вривалась на дорожки соседней турбазы и с громким пением проносилась, пугая пожилые пары. Свиридов громко играл и пел, его не менее громко, но в большей мере поперек мелодии, поддерживали сопровождающие его – и вслед им с испугом смотрели пожилые бабушки и дедушки.

А громкая, орущая и размахивающая бутылками орава, не обращая внимания на окружающих шла к пляжу ...

– Помнишь?

– Ну, еще бы! Нас тогда побаивались ...

– А ты, когда познакомился со своей Любашей? – Виктор Скворцов аккуратно наполнял стопочки.

– Это когда я уже работал на автобазе в Зарайске. Любаша работала в конторе и ухажеров у нее хватало ... А ей нужно было душевного тепла, а не блессток и попок ... Сколько я рож потом разукрасил у ее ухажеров!

– Тебя тогда чуть не посадили. – вставил Свиридов. – За разбитую морду начальника ...

– И если бы я тогда тебя не встретил бы ... еще неизвестно, чем бы это кончилось ...

– За твою Любашу!

– За Любочку! Как ее любят детишки! А как она танцует!

– За Любашу!

Минута прошла, все были заняты.

– Слушай, Витек, я хотел бы поднять рюмку за твоих женщин, но я так и не могу понять, как это ...

– Что – как?

– Я вижу вашу чудесную троицу, но понять ... понять это трудно. Объясни!

– Вот чудак! Это понимает только Толя, а я – с трудом. Но мы вместе!

– Давай Костя за Витькиных дам! Здоровья вам всем!

– Здоровья!

– А еще поговаривают, что Витька влюблен в Тоню. Ленка Скворцова была влюблена в Толика как кошка, а Толик неравнодушен в твоей Виоле ...

– А кто поговаривает?

– Мало у нас ... болтунов. Ну я-то знаю, что за всем этим нет ... нет никакой пакости ... Что я вас что ли, не знаю ...

– А о нас с Любашей разве не болтают?

– Так я знаю тебя и свою Любашу! Помнишь, как мы все вместе парились у Михеича?

– И какое удовольствие получили все участники!

– А после всего Любаша обещала Грише позировать ему голой! Помнишь?

– Толя, а Гриша нарисовал Любашу?

– Как и Виолу!

– Мужики, покажите мне! Ну ей богу!

Художник Григорий Свиридов приобрел известность за рубежом благодаря своим иллюстрациям к переводным изданиям – книги издавали на двух, а иногда даже на трех языках, и иллюстрации в них были разные, а также благодаря рекламным рисункам в нескольких солидных иллюстрированных журналах.

Дома, на родине, художника Г.Свиридова больше знали как великолепного портретиста и автора батальных зарисовок – все, кого он изображал на своих рисунках, были живыми настолько, что иногда критики принимали Гришины картины за прорисованные фотографии.

За подобное нередко предавали анафеме и художника Сафронова ...

Одному многоречивому и не в меру словоблудливому писаке его статейка по поводу Гришиных портретов стоила миллионного штрафа и административного срока, и после этого Гришу «трогать» остерегались – ну, кто же мог подумать, что его отец такой авторитетный юрист!

Последнее время Гриша много времени уделял цвету – как в крохотных миниатюрах размером с почтовую открытку, так и в большом формате.

И в совершенно различной технике, даже можно сказать – противоположной.

Все чаще его миниатюры первоначально создавались на

экране монитора – Владик по просьбе Гриши модифицировал известную программу, и Гриша рисовал прямо на экране.

Четкие линии разграничения цветовых полей, яркие насыщенные цвета – а потом линии убирались, картинка уменьшалась и получалась яркая миниатюра ...

С крупным форматом Гриша компьютером не пользовался – он под руководством своего профессора постигал таинство цвета и света, волшебство красок.

Он пробовал акварель и пастель, и даже иногда пользовался этим, но большее внимание он уделял краскам масляным, традиционным, хотя химия успешно внедрялась и сюда ...

Много полезного Гриша узнал от своего нового знакомого – Никаса Сафронова.

В лице Гриши тот нашел серьезного и вдумчивого собеседника, и видимо поэтому не жалел времени на занятия с Гришей – теоретические и практические ...

– Отец, ты очень занят?

Гриша пользовался своим спецтелефоном чрезвычайно редко и Свиридов насторожился.

– Я тебя внимательно слушаю, Гриша! – Свиридов поднял руку, призывая собеседников к молчанию.

– Ты мне нужен, отец ...

– Через пять минут. Ты где?

– В мастерской на даче ... Я жду тебя ...

– Маргарита Семеновна, завершите беседу за меня. Позицию мою вы знаете ...

И Свиридов исчез в своей комнате отдыха, а появился он на третьем этаже их дачи в мастерской Гриши.

– Привет!

– Спасибо, отец. Наверное, я напрасно тебя потревожил ...

– Раз позвал – значит нужно. – Свиридов не пытался сканировать сознание Гриши, лишь уловил его волнение – сильное и непонятное.

Он коснулся плеча сына, легонько сжав его и погладив – это была одна из самых интимных ласк, которыми он одаривал сына.

– Что это у тебя?

На мольберте на листе, разделенном на три части, было три изображения ...

Три изображения его, Анатолия Свиридова, но каких!

На левой части листа был изображен молодой человек в кожанке времен революции – той, настоящей, с тканевой бордовой подкладкой, в кожаной кепке и с двумя «Маузерами» в руках. Над правым пистолетом еще летела выброшенная затвором после выстрела гильза, а ствол левого маузера нацеливался на неизвестную зрителю цель.

И это был Свиридов – молодой, тельняшка в распахнутом вороте куртки, с черными волосами и своими внимательны-

ми строгими глазами.

– Ну, ты даешь!

На средней части изображение было в наброске, и Свиридов сразу перешел к правой части.

Мужчина на этой части листа был немолод, но крепок и осанист. Защитная армейская одежда – куртка, кепка, погоны без знаков различия, тельняшка в вырезе куртки и край скрытого бронежилета, и два длинноствольных револьвера в руках.

Гильза не летела – револьвер! – но совершенно явно только-что был произведен выстрел, и чуть обозначились прорывы газов, и отдачу удерживала рука ...

И это тоже был Свиридов – вполне узнаваемый и знакомый, в привычной армейской форме.

Свиридов снова хмыкнул.

– А что же будет здесь, в середине?

И он пригляделся к наброску.

Поясная фигура в парадной военной форме с наградами и генеральскими погонами и скромным букетиком в руке. Абрис головы однозначно указывал на персонаж – это был Свиридов с седым ежиком волос и обозначенными четырьмя Золотыми Звездами ...

– И что же ты задумал, сын?

– Когда я закончу среднюю часть, то я покажу тебе. А пока скажи, удастся ли мне цвет на этих картинах? Я стараюсь выбирать неяркие тона специально, чтобы изображения

не казались парадными ... Это не миниатюры с их яркими красками.

– Кстати, оцени переходы тона. – Гриша вызвал на экран монитора миниатюру – без разграничительных линий между полями цвета, но эти цветовые поля переливались оттенками, и от угла зрения эти переливы менялись.

– А вот эта же картинка в формате открытки. Сравни.

Свиридов повертел в руках миниатюру – в маленьком формате цвета тоже переливались.

– И как это ты делаешь?

– Это Владик. Он программу редактировал, а точнее переделывал. Но меня больше волнует вот этот портрет ...

Гриша вынул подрамник с портретом Никаса Сафронова в цвете.

Свиридов стал разглядывать портрет популярного художника.

Знакомое по многочисленным телесюжетам лицо, неуловимо индивидуальное и также непривычное. Взгляд, выражение губ, цветовая гамма ...

Все вместе создавало общее впечатление о человеке, безусловно талантливом и неординарном, и при этом обуреваемом различными увлечениями и страстями.

И все это подчеркивала цветовая гамма – очень сдержанная, но совершенно реалистичная и, возможно, характерная для персонажа ...

– А ведь этот парень далеко не так прост, как хочет ка-

заться! Как тебе это удалось?

– Я сам не понимаю, отец. Может быть ты мне объяснишь – вон такой же портрет, но монохромный. Черно-белый. Объясни мне – ты все можешь ...

– Ты всегда изображаешь не просто лицо человека, а свое личное впечатление от этого человека и его лица. Значит, ты оцениваешь Никаса неоднозначно – он не просто талантливый художник, он не только очень красивый мужчина, он еще и неоткровенный собеседник, он соблазнитель – и сам готов соблазняться ...

– Я не могу утверждать, что он ... что он непорядочный человек, но с ним я бы не пошел не то что в разведку ... я с ним бы не пошел даже в ночной клуб, где неизбежна потасовка с мордобоем ... А то, что тебе удалось так вскрыть его суть – это твой талант, сын. Я тебя люблю, сын!

– Отец ...

– Но изображая меня – Свиридов указал на мольберт с триптихом – Ты польстил объекту, ей-ей.

– Ничуть, отец. Я показывал маме и Уле – они вполне одобрили, хотя сюжет у них вызывает сомнение ...

– И у Тони?

– Нет, у мамы сомнений не было никаких. Она даже прослезилась – от воспоминаний ...

– Неужели я такой? Молодой – жестокий и яростный, безудержный ... И очень воинственный ... Хотя ...

– Я сперва рисовал ... Извини, но я рисовал еще более

жесткого и brutального, но потом передумал – ты не мог быть таким ...

– Спасибо. Но если ты ошибался, то не так уж и сильно. А справа ... Это таким ты видишь меня в будущем? И все равно с двумя стволами ...

– Знаешь, на среднем изображении ты сперва был с «Береттой» с большим магазином ... Это потом я заменил пистолет на букет цветов ... Мама подсказала ... Но глаза тебе я изменить не смогу ... Твой взгляд может обласкать человека, но и убить ... при необходимости ...

– Неужели это легко читается в моих глазах?

– Нет. Для этого нужно знать тебя ... знать и любить ...

Свиридов помолчал.

– И что ты думаешь сделать с этим триптихом? На стенку повесить?

– Я уменьшу и сделаю складень. И поставлю себе на стол. Мама тоже просила себе такой складень ...

– Не потеряешь цвет при уменьшении?

– Я же пользуюсь семицветным принтером. И в графопостроителе у меня теперь стоит картридж от профессионального рекламного принтера – там головка такая здоровая, что я не знаю – сколько же там цветов и оттенков ...

– Боюсь, не получится, Владимир Владимирович. Простите, но ваш тандем с Премьер-министром, по моему мнению, непригоден для управления государством, он неработоспо-

собен. Ваши решения несогласованны и неоптимальны. Или продиктованы неквалифицированными советниками и личными амбициями. Простите, вы просили меня быть откровенным...

– Неужели все так плохо?

– Это еще мягко сказано ...

– И что ты ему сказал?

– Прямо обвинять его я не имею права, да не он один принимал эти решения. Но свое мнение по некоторым решениям и переданных ему материалах ... все названо своими именами. Мне жаль его ... Он – заложник, построивший капкан своими руками. А с ижевским заводом мы уже начали работать напрямую по крупнокалиберным снайперским винтовкам, дали им свои утяжеленки ... И целую партию продукции закупили. По моим сведениям, ижевские крупнокалиберные винтовки покупают некоторые государства ближнего востока ... И мы способствуем им в этом ...

– Сам оплатил?

– А как ты думаешь?.. Недавно у наших ... заклятых друзей появились бронированные «Хаммеры», вот на них мы и испробуем ижевскую продукцию ...

– Опять воевать полезешь?

– Боюсь, придется. И даже своих мальчиков привлекать ...

– Анатолий Иванович, насколько болезненно для вас было принятие решений, противоречащим предполагаемым ...

действиям. В частности, по Академии наук ... по Уставу ... по ФАНО ...

– Видите лм, Владимир Владимирович ... Политика – это наука возможного, и я хорошо понимаю, как и почему принимались те или иные решения ... Какие силы при этом были задействованы ... А поскольку кроме наблюдения у меня других полномочий не было, то и никаких действий я предпринимать не мог ...

– Вы обиделись?

– У меня не было оснований ... Хотя жаль проделанной работы и усилий большого коллектива ... академиков и бывших Президентов Академии ... А половинчатость решений чаще всего лишь маскирует проблему и не приводит к положительным результатам ...

– Вы считаете, что своими решениями я обманул ваши ожидания?

– Вы Президент – вам и решать. Но думаю, что решение не удовлетворило многих ...

– Анатолий Иванович? Здравствуйте.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович.

– Надеюсь, мы можем с вами продолжить дружеские отношения несмотря ни на что?

– Я тоже надеюсь.

– Вы можете прибыть ко мне сейчас?

– Где вы находитесь?

– У себя на даче. Надеюсь, Кони не забывала вас.

Свиридов появился в саду дачи через минуту и был радостно встречен Кони. Она обнюхала Свиридова, помахала хвостом, обошла кругом, ткнулась носом.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович.

– Здравствуйте, Анатолий Иванович. Надеюсь, мы сможем поговорить нормально ... после нашего последнего разговора? Присаживайтесь.

– Благодарю. Надеюсь.

– Я хотел, чтобы в этом разговоре принял участие Дмитрий Анатольевич ...

– Боюсь, тогда разговор не получится.

– Даже так ... Хорошо, будем разговаривать без него.

Владимир Владимирович придвинул к себе стопку бумаги.

– Здесь я кратенько подытожил содержание почти всех ваших папок. И хочу спросить вашего совета ...

Свиридов хотел возразить, но Владимир Владимирович остановил его движением руки.

– Я повторяю – я воспринимаю ваши советы достаточно серьезно. Особенно если учесть некоторые особенности ... вашего образа мыслей и действий. Ваши действия всегда энергичны и действенны, хотя могут вызывать ... серьезные возражения. Кстати, так же, как и действия некоего «татарина». Вы не знакомы с «татариним»?

– Я вполне одобряю его действия.

– Многое из присланных вами материалами, – немного помолчав сказал Владимир Владимирович, – было известно, но бороться с этими явлениями правовым методами не удавалось ... по различным причинам. КГБ в свое время даже пыталось создать секретные группы для устранения ... нежелательных элементов.

– Пытались или создали?

– Кое-что создали, но практически все ушло в криминал. Немного оставшихся – в частные охранные структуры, частные сыскные агентства. Коррупция, взятки, карманные суды, непотопляемые мерзавцы с депутатскими мандатами, российская мафия ...

Владимир Владимирович помолчал.

– Что посоветуете вы? Опричнину с внесудебными решениями? Ответственность семейных кланов террористов?

– Опричнина быстро станет обогащаться. Внесудебные решения – это наша практика, вернее большинство решений внеправовые и мафиозные. Кровная месть семьям террористов практиковалась, да и сейчас иногда применяется.

– Так что же?

– Диктатура и мгновенное исполнение. Читайте Ильина – он рекомендует авторитаризм или диктатура просвещенную. У нас же вместо этого – старорежимное чиновничество, на всех уровнях. И на средневековом уровне.

– Но у вас есть мысли по этой проблеме?

– По некоторым частным проблемам у меня решения есть,

но это частности. Причем явно внесудебные и кардинальные. Вроде уничтожения некоторых многомиллионных построек генералитета и других подобных акций. Или казни оправданных судами явных преступников, чем занимается известный «татарин» ...

– А с этим что делать? – Владимир Владимирович положил руку на стопку бумаг.

– Все эти дела не имеют судебной перспективы из-за особенностей наших судов. По конкретным объектам – могут быть конкретные решения. Если вас это интересует – можем обсудить ...

– Вы можете взять на себя обеспечение упомянутых вами решений? Если я вам дам такое право?

– В сложившейся ситуации я буду настаивать на детальной прописи по каждой ситуации.

– Но такой перечень должны подготовить вы сами, не правда ли?

– Боюсь, будут серьезные проблемы – в детализации решений. А документ будет существовать в одном моем личном экземпляре ...

– Все-таки вы мне до конца не доверяете. Но я согласен. Готовьте документы.

А незадолго перед этим состоялся откровенный разговор ...

У телефона Свиридова была особенность – некоторые

звонки «проходили» даже тогда, когда телефон был выключен. Телефон при этом вел себя тихо, но дрожал мелкой дрожью.

– Я слушаю вас, Владимир Владимирович.

– Здравствуйте, Анатолий Иванович. У меня просьба к вам – не нужно больше набегов на пиратов. В конце концов это приведет к утечке ... Там и так справятся.

– Хорошо, Владимир Владимирович, больше набегов не будет.

«Набегов» на пиратов Свиридов больше не устраивал.

Но Свиридов заинтересовался, а куда же подевались немалые деньги, выплаченные хозяевами захваченных судов.

И выяснилось такое ...

Довольно быстро Свиридов разобрался в механизме выплат этих весьма значительных сумм. Результатом исследования этого вопроса стал доклад президенту с копией в прокуратуру, записи весьма интересных телефонных переговоров и два рюкзака валюты, которые необъяснимым образом исчезли у посредников в Лондоне и оказались в хранилище Свиридова.

И вполне скандальные дела об отмывании денег некоторыми владельцами захваченных судов ...

Привычный посыльный появился в приемной у Президента, и вне очереди его приняли.

– Здравия желаю, Владимир Владимирович! Анатолий

Иванович прислал для вас материалы по коррупции в высших эшелонах власти и некоторые другие материалы. Мне приказано передать на словах, что практически все эти материалы в свое время поступали в прокуратуру и другие властные структуры, о чем в материалах есть примечания. Эти примечания позволяют определить, кто именно затормозил принятие решения о привлечении к ответственности тех или иных лиц.

– Благодарю вас. Материал имеет копии?

– Никак нет, это единственный экземпляр.

Этот разговор состоялся между Президентом и Премьер-министром во время прогулки по саду в сопровождении Кони.

– Владимир Владимирович, вы мне говорили, что у вас есть знакомый с какими-то уникальными возможностями. Не поделитесь?

– А что вас конкретно интересует, Дмитрий Анатольевич?

– Какие такие способности у этого человека имеются – вы же работали с ним?

– Мы несколько раз встречались с ним. Уникальное знание иностранных языков, число которых не знает он сам. Что еще вас интересует? Он кадровый разведчик и неоднократно выполнял весьма опасные и специфические задания за рубежом.

– Познакомьте меня с ним?

– При случае ... возможно. Но он сейчас сильно занят хозяйственными заботами ...

– Анатолий Иванович, добрый день.

– Добрый день, Владимир Владимирович.

– Как быстро вы сможете прибыть ко мне в загородный дом?

– Несколько минут вас устроит?

– Разумеется.

Свиридов появился в саду через пять минут, и его дружелюбно встретила Кони, а уже затем Владимир Владимирович.

– Здравствуйте, Анатолий Иванович. Погуляем?

– С удовольствием.

В сопровождении большой черной собаки они не спеша пошли по дорожке.

– Анатолий Иванович, у нас серьезные неприятности в службе внешней разведки. Сбежал сотрудник, обладающий большим объемом информации, и эту информацию он уже начал передавать американцам. Не смогли бы вы ...

– О котором из двух полковников вы говорите?

– Даже так, – после паузы ответил Владимир Владимирович. – Что вам нужно, чтобы немедленно приступить к работе?

– Фотографию объекта и его московский адрес.

– Пожалуйста, – и Владимир Владимирович вынул из кармана фотографию с надписью на обратной стороне.

– А второй?

– Этого у меня еще нет.

– Хорошо, тогда я сам позабочусь.

– И еще. Одного из старых наших разведчиков предатель уже выдал. Он явился к нему в тюремную камеру и показал его личное дело, которое прихватил из нашего архива. Издевался над ним. Для нас этот разведчик очень ценен.

– В остальном у меня развязаны руки? Я вас правильно понимаю?

– Совершенно правильно.

На этот раз Свиридов оделся так, что больше напоминал шпиона из западного блокбастера – черный облегающий кожаный костюм, сумка с оружием и инструментами на поясе.

В первую очередь он посетил квартиру сбежавшего чина – она была опечатана и ее охраняли. Но Свиридов посетил эту квартиру, не привлекая внимания – невидимым, и ему удалось не только узнать многое об объекте, но и удалось установить мысленный контакт с ним.

Поэтому не пришлось отыскивать объект – Свиридов посетил тщательно охраняемый особняк в пригороде Вашингтона. Поднявшись на второй этаж Свиридов нашел объект в спальне и прикоснувшись к его груди выверенным жестом ввел того в состояние тяжелейшего инсульта без всяких положительных перспектив.

При этом он еще запрограммировал объект таким обра-

зом, что любое лечение станет вызывать лишь ухудшение состояния здоровья объекта.

Снятие информации после этого не составляло труда, и Свиридов узнал все, что его интересовало, и в первую очередь – где находятся материалы, еще не переданные американской разведке.

Найти тайник и изъять материалы уже не составляло особого труда, и Свиридов загрузил целый рюкзак неприметными с виду пачками документов.

И сразу появился в камере, где содержался именитый узник – выданный предателем ценный русский разведчик. Вернее, еще советский – он начал свою карьеру нелегала еще при существовании Союза.

Изможденный немолодой человек со следами побоев лежал на каменном выступе, а в отгороженной решеткой узкой части камеры сидели два крупных негра – как понял Свиридов один от ЦРУ и один от АНБ. Они сидели в дальних друг от друга концах этого узкого прохода, сидели неподвижно, и поэтому казались неживыми.

Привести их в бессознательное состояние, связать тончайшим линем и заклеить им рты было делом одной минуты, а затем Свиридов склонился над арестованным.

– Кузьмич, я от Гретхен, – он назвал то имя жены разведчика, которое знали только двое – он и его жена.

Арестованный открыл глаза – и ничего не увидел.

– Пока я невидим, но это временно. Сейчас я заберу вас.

Руки арестованного были в наручниках, и Свиридов воспользовался универсальным средством – канцелярской скрепкой. А потом втащил «Кузьмича» к себе в кокон – арестант увидел черную стену вокруг и мужчину в черной одежде.

– Теперь можно и познакомиться – меня зовут Анатолий Иванович, можно просто Анатолий. Я генерал Федеральной службы безопасности, появился здесь специально для транспортировки вас домой. Куда вас доставить?

Арестант был слаб и Свиридов установил, что тот с трудом удерживал сознание.

– Все ясно, движемся к врачам.

И мысленно «Полина, предупреди врачей – сейчас мы с нашим разведчиком прибудем».

И почти сразу они очутились среди суесящихся врачей, и Свиридов поднял своего спутника на руки и положил его на высокую кровать, отдавая его врачам.

А сам за пару минут доставил сюда жену разведчика, не успевшую толком одеться, и сразу склонившуюся над мужчиной. Она что-то шептала ему на ухо, и Свиридов видел на мониторах, как успокаивался мужчина, как нормализовалось его дыхание и сердечный ритм.

Прислушавшись к дыханию лежащего с закрытыми глазами и сняв рукой необходимую ему информацию Свиридов исчез.

– Владимир Владимирович, один перебежчик нейтрали-

зован. Наш разведчик в военном госпитале. Кому сдать его охранников? Вторым перебежчиком я займусь чуть позже ...

Второго перебежчика Свиридов нашел так же быстро.

Добравшись до него Свиридов задумался – информацию он снял, в помещении изъял все интересующиеся разведку материалы, и делать там было нечего.

Поэтому поколебавшись он создал лежащему в кровати тяжелый сердечный приступ с летальным исходом.

Значительно больше времени у него ушло на розыски родственников обоих предателей и их физическое устранение.

А еще одного перебежчика он вернул «домой» живым со всеми украденными им материалами. В дальнейшем его судьба Свиридова не интересовала.

– Анатолий Иванович, я благодарю вас за все, что вы совершили. Если сможете, наведайтесь к спасенному вами нашему разведчику – через пару дней его переводят на домашний режим ... Как вам удалось найти запрятанные украденные материалы – ума не приложу ...

– Это все дело техники, Владимир Владимирович ... Профессиональная работа, не более того ...

– Добрый день, Анатолий Иванович.

– Добрый лень, Владимир Владимирович.

– Елена Владимировна ... Шмелева очень хвалила вас.

Очень понравились ваши лекции, детям понравились вы и

ваша манера общения. Не возражаете, мы введем вас в состав учредительного совета «СИРИУСА»?

– Нет, у меня нет возражений. А Лена не рассказывала вам о разговорах с нашими «особенными» мальчиками? Сейчас там в «Сириусе» находятся профессор Иванищева, которая помнит живого Зубра – Тимофеева-Ресовского, и Елена Карцева, преподающая в Физтехе глубокую атомную модификацию вещества.

– Как по-вашему, нет ли параллелизма и конкуренции между Сколково и Сириусом в Сочи?

– Сириус в большей степени нацелен на воспитание современной личности, современного человека – Сколково более утилитарно.

– У меня к вам большая личная просьба – уделите «Сириусу» максимум внимания. Кадровый резерв будет произрастать не только на Валдае, но и в Сочи. А на что вы ориентируете своих мальчиков? Тех самых?

– Их подготовка настолько широка ... Возможно, после практики и управленческого опыта они станут блестящими менеджерами ... или государственными деятелями ... Но им еще нужно вырасти!

Материал по поводу коррупции в самых верхних эшелонах власти составили пять увесистых томов, но для Президента Свиридов сделал лазерный диск с основными данными. Еще к этим пяти томам прикладывались две коробки с

видеодисками.

Свиридов попросил Владимира Владимировича ознакомиться с материалами, а уже затем вызвать его для личного доклада.

– Здравствуйте, Анатолий Иванович. Я уже готов к беседе с вами.

– Здравствуйте. Владимир Владимирович. Когда прибыть к вам?

– Я хотел бы пригласить Дмитрия Анатольевича. Вы не возражаете?

– Мои возражения здесь неуместны – решаете вы.

– Вы не особенно довольны таким решением?

– Так точно. Но я думаю, что ваше решение обоснованно.

Когда прибыть и куда?

– Мы с Кони ждем вас сегодня в семнадцать часов.

– Я буду в семнадцать часов, Владимир Владимирович.

– Что он хочет от тебя? – спросила Тоня.

– Он хочет выслушать меня по моим материалам по поводу коррупции. И вместе с Медведевым.

– Тебя не очень устраивает такой тандем? Почему?

– Большое количество фактических данных получено посредством экскурсий в прошлое – там не только копии документов, но и видео. А раскрывать свои способности Медведеву я считаю ... нерациональным. Он ненадежен.

– Я желаю тебе ... Ты справишься, я уверена!

– Я постараюсь, – ответил Свиридов, обнимая и целуя То-

ню.

Он материализовался в саду и первой его опять встретила Кони. Она подбежала к Свиридову, обрадовалась ему, заплясала вокруг, встала на задние лапы, положила передние ему на плечи и облизала его.

И они вместе вошли в дом.

В кабинете его ждали двое – Владимир Владимирович и Дмитрий Анатольевич.

Свиридов отрапортовал – хотя был в штатском.

Ему уже подготовили место за столом, он сел и рядом с ним устроилась Кони.

– Анатолий Иванович, а Кони считает вас за своего! Меня она так не признает! – с улыбкой сказал Дмитрий Анатольевич.

– Анатолий Иванович удивительно умеет налаживать отношения с собаками, он с ними беседует. Ладно, перейдем к делу. Анатолий Иванович, мы с Дмитрием Анатольевичем пригласили вас в связи с подготовленными вами материалами по поводу коррупции среди самых высших руководителей нашего государства ...

– Да, Анатолий Иванович, я ознакомился с этими материалами, – Медведев кивнул на толстые тома, – И у меня возникли некоторые вопросы. Иногда чисто юридического характера ... Кстати, у вас есть какое-либо юридическое образование?

– Да, есть. Я окончил ВЮЗИ, я член Московской коллегии

адвокатов, хотя практика у меня невелика – я в свое время стажировался у Генри Марковича Резника.

– Это неплохая школа. Но вопросы у меня возникли не по поводу юридической правомочности видеосъемок, которые имеются в деле, а по поводу того, каким способом эти видео получены. Ведь там съемки довольно давние по срокам, выполненные пять – семь лет назад, если не ошибаюсь. Как это сделано?

– Для получения таких видеоизображений использованы особые приемы разведывательной техники.

– А подробнее? Или это секретно?

– Да, вы правы, это секретно.

– Неужели где-то имеются секретные архивы, в которых имеются такие видеоматериалы? И на всех руководителей?

– Насчет архивов я затрудняюсь утверждать ... Но при необходимости такие видеоматериалы можно получить. И они были получены ...

– Владимир Владимирович, вы говорили мне о каких-то особых способностях генерала Свиридова. Именно это имеется в виду? Нельзя ли приоткрыть завесу таинственности?

– Это – на усмотрение Анатолия Ивановича. Эта область имеет повышенную секретность, и тут важно исключение утечки информации ...

– Я постараюсь не проболтаться!

– Постарайтесь. Утечка информации грозит серьезными неприятностями не только мне, но и каждому болтуну. Про-

шу прощения.

– Итак. Приоткройте хоть немного завесу таинственности!

– Мы не так давно были вместе с Сергеем Кужугетовичем в его родных горах, встретили там старого шамана. Этот шаман в определенном состоянии может путешествовать во времени, погружаясь в прошлое или переноситься в будущее и предсказывать его. Вот и у меня есть способность переноситься в прошлое и ... изучать его, фиксировать его. Вот и все.

– Невероятно! И как вы это делаете?

– Да так. Наемся ядовитых поганок и путешествую в прошлое ...

– А серьезно? Или это определенное ноу-хау?

– Скорее невероятный физический феномен.

– И никто не пытался изучать этот ваш феномен?

– Пытались, но неудачно. Но разглашать наличие таких возможностей у меня – нельзя, опасно для владеющих этими сведениями. Смертельно опасно.

– Знаете, к этому трудно ... привыкнуть. Давайте займемся конкретными вопросами ...

Они просидели до позднего вечера и на прощание Свиридов еще раз напомнил о чрезвычайной секретности сведений о его, Свиридове, особых способностях.

После легкого ужина, проведив Медведева, хозяин и гость вышли в сад.

За ними увязалась Кони.

– Вы не особенно доверяете Медведеву?

– Пока у меня нет оснований для этого. И потом, как он будет пользоваться собранными материалами?

Свиридов действительно не особенно доверял Медведеву, поэтому установил мысленный контроль за ним. Как оказалось, не зря, и он уловил тот момент, когда Медведев, обсуждая материалы по коррупции, упомянул об особых способностях генерала Свиридова переноситься в прошлое.

Меры были приняты безотлагательно. В кабинете в этот момент были три человека – помощник президента, Генеральный прокурор и сам Медведев.

У Медведева внезапно начался сильнейший понос, и его пришлось немедленно госпитализировать. Но на другой день все прошло абсолютно бесследно, если не считать, что Медведев забыл об особых способностях генерала Свиридова.

Полностью отшибло память и у его собеседников – ни Генеральный прокурор, ни помощник никак не могли вспомнить подробностей беседы у Медведева перед тем, как у того начался понос ...

– Владимир Владимирович, пожалуйста не напоминайте Дмитрию Анатольевичу о сути разговора о моих особых способностях.

– Неужели утечка?

– Она ликвидирована.

– Надеюсь, бескровно?

– Естественно. Всего три человека забыли кое-какие сведения.

– Анатолий Иванович, у меня есть несколько необычная просьба ....

– Я вас слушаю.

– Визит к вам занимает довольно много времени ... А мне очень хочется посидеть на той самой полянке, где мы с вами так хорошо беседовали. Можно ли это устроить?

– Вполне. Назначьте время, когда вы сможете исчезнуть

...

– Я смогу сообщить время примерно за три – четыре часа до ... события. Это доступно? В ближайшие два дня?

– Я жду вашего звонка.

– Анатолий Иванович ... Толя ... Это Ерцкая ... Прости меня ...

Она плакала, шмурыгая носом, что было совсем для нее не характерно.

– Привет. И что случилось?

– Скажи, что простишь ... Что не будешь сердиться ...

– Ладно. Что ты натворила? Да не реви ты!

– Я читала записки Благова ... Мне показалось, что я поняла, что он имел в виду ... И еще журнал Морковниковой

...

– Что-то новое? Ты воспроизвела?

– Извини, я не хотела ...

– Опять ты ревешь! Что-то страшное? Витьке показывала?

– Нет ... Я боюсь ... Прибьет, как муху ...

– Занятно. И что же такое ты натворила? Открыла новый закон природы? Научилась делать золото по дешевке? Колись, Тота!

– Мы металлический алмаз получили ...

– Интересно. Ну, и зачем было реветь?

– Так это в зоне запрещенных режимов, а ты обещал всех, кто ...

И она заревела с новой силой.

– Так. И как же тебе удалось обойти программу защиты?

– Прости пеня ... Но я же сама писала программу ...

Она снова шмыгала носом.

– Витька знает? Расскажи все ему. А утром ко мне месте с ним и Полиной.

Свиридов говорил тихо, стараясь не разбудить Тоню, но та повернулась спросила:

– Что там натворила наша местная сумасшедшая? Это была Виола?

– Ее неумная фантазия приводит к интересным результатам ... Чаще всего к неожиданным ... Спи. Прости, что разбудил ...

А утром в лаборатории у Полины Ерлыкиной исследовали небольшую пластину свето-серого цвета. Спектральный ана-

лиз кристаллической структуры убедительно доказывал, что это алмаз, химический анализ удостоверял, что это углерод.

Но анализ на примеси упорно показывал полное отсутствие каких-либо примесей во всем диапазоне до пределов измерений.

– Твердость. Полина, где у тебя можно проверить твердость?

– И другие механические свойства, – добавил Скворцов.

– А пока пиши режимные параметры.

Виолетта открыла лабораторный журнал, и все стали читать записи.

– Но ты же должна была ... ты могла погибнуть! – закричал Скворцов.

– Да, режим из запрещенной зоны. Во-первых, как автоматика тебя не остановила? И во-вторых, почему все прошло ... все было без осложнений?

– Во-первых, я писала программы сама ... Во-вторых, режим был запущен в безопасном режиме с изменением параметров по ходу операции ...

– А разве такое возможно в принципе? Или зоны опасной работы описаны ошибочно?

– Нет, Витя, тут все сложнее ...

– В процессе модификации, в ходе процесса изменение параметров вполне возможно ... Разве не так, Толя?

Проведение исследований образца и оценка результатов продолжились.

Подошла Маргарита Антипова и Потап Потапович.

И к обеду все переместились на установку, но Свиридов настоял, чтобы эксперимент проводился на дистанционном управлении.

Были наработаны еще три образца, и были отправлены на всесторонние исследования, а участники эксперимента решили, что все требует срочного заседания Ученого совета.

Другой телефонный звонок от Гриши раздался в середине дня и тоже был неожиданным для Свиридова – обычно сын ему днем не звонил.

– Я тебя слушаю, Гриша.

– Извини, папа! – голос Гриши звучал немного странно, да и обычно он называл Свиридова «отец». – Тут со мной происходит ... происходит что-то необычное ...

– Что случилось?

– Помоги мне ...

Свиридов попытался подключиться к информационному полю сына, что он делал только в самых исключительных случаях, и смог уловить его растерянность и недоумение, но ничего угрожающего он не уловил.

– Где ты? Я сейчас буду.

– Я на даче, в мастерской. Жду тебя ...

– Мари, я исчезаю примерно на час ...

И Свиридов очутился в мастерской Гриши на третьем этаже дачного дома.

– Привет, папа ... Со мной что-то происходит, я понять не могу ...

– Я посмотрю?

Свиридов огляделся – он не часто приходил в мастерскую к сыну.

Было светло, но стеклянный потолок был частично занавешен, создавая смягченное освещение.

На столе у Гриши было несколько набросков. На листах были эскизы красивого человека средних лет с длинными волосами и необыкновенными глазами, в котором прослеживались черты Иисуса.

На каждом эскизе мужчина был разный, в разном настроении, и глаза у него были разные – но всегда в глазах светилась мудрость и непонятная грусть.

– Давно ты начал писать Христа?

Свиридов положил руки на плечи сына и стал снимать информацию о том, что беспокоит сына.

И сразу вошел в такое обширное информационное поле.

И стал разбираться в нем.

– Ты что-то понял, папа?

Гриша совсем немного знал об особых способностях отца, но никогда не спрашивал ни его, ни Тоню об этом.

Но кое-что он все-таки знал.

– Далеко не все. Но основное понял. Я могу кое-что рассказать тебе о твоём персонаже, но лучше поговори об этом с Диной Егоровной и с отцом Исидором. И лучше всего имен-

но в такой последовательности, и сошлись на меня. И еще давай наведемся в Софрино, там изготавливают иконы.

– Посмотри на это.

Гриша убрал занавеску с мольберта, открывая незаконченную картину.

С недавних пор Гриша начал писать красками, уходя от черно-белого изображения.

Промежуточным этапом были миниатюры, выполненные в скупой манере графичного цветного изображения.

А теперь с холста на Свиридова смотрели бездонные серые глаза, думающие и спрашивающие, грустные и проникающие в самую душу.

– Да-а ... А вот это уже нужно показать ... С этим стоит пойти к эксперту НИИ реставрации.

– Зачем, папа?

– Он знает о таких произведениях такое, чего не знает никто. Ему можно показать даже это незавершенное ... Поговори с Диной ...

О чем говорили Гриша и Дина Худобина Свиридов не поинтересовался, а роскошная чуть полноватая женщина, жена Льва Вонифатьевича, сказала Свиридову при встрече.

– Генерал, сэр, у вас чудесный сын! Прекрасный человек, думающий и страдающий, любящий ... Он будет великим художником, поверьте мне, сэр ...

– А как ты, Дайяна?

– У нас с Левушкой все хорошо, генерал. Вашими молит-

вами ...

От волнения Дина перешла на английский и продолжала рассказывать генералу Свиридову о том, что она увидела на картине его сына и что он ей рассказывал.

– Генерал, сэр, вашему сыну нужен очень умный духовник! Его душа просит ... она стремится туда, к всевышнему ...

В Софрино Свиридов съездил вместе с сыном, и они задержались там на целый день.

После этого Гриша несколько раз пропадал там, среди художников, которых иногда по привычке называли «богомазами» ...

Тоня проснулась.

Свиридов ее предупредил еще днем, что скорее всего он задержится – эта обтекаемая формулировка означала, что ждать сегодня его домой не следует.

Это происходило часто и было привычным – и для Тони, и для детей и внуков.

И тут Тоня проснулась.

Автоматом, не поворачивая головы, взглянула на часы – 2.57.

Что ее разбудило?

Удивительно, но она почти точно знала: Толя вернулся домой и у него все в норме.

Норма бывает разная – мысленно одернула она себя, но

муж уже дома, он здоров и спокоен, и скорее всего дверь в его кабинет откроется совсем скоро ...

Тоня не могла понять причину своего предвидения и даже не пыталась понять источник этого предчувствия, но давно привыкла доверять своему ощущению.

Свиридов очень тихо и деликатно поцарапался в дверь и приоткрыл ее – Тоня многократно ругала его за это, но бесполезно: он продолжал предупреждать о своем появлении таким образом.

– Не разбудил? Не спишь? – целуя жену спросил Свиридов.

Он даже не завязал пояс халата, и садясь рядом с Тоней, снял его, и Тоня ощутила влажную свежесть его кожи.

– Устал? Помассировать?

– Нормально. Просто разговор был серьезный ...

– У тебя бывают иные?

– Понимаешь, меня спросили о перспективности судебного разбирательства с учетом данных предварительно следствия. Дело очень серьезное.

– А следствие?

– Следствие ... Я им разложил по полочкам: вот эти данные безусловные и будут признаны судом, вот эти данные безусловны и могут быть отвергнуты опытным юристом, а вот эти данные безусловно важны, но получены с нарушениями процессуальных норм и при желании могут быть исключены из обвинительной массы ...

– И что? Тебя слышали? Или слушать было некому?

– Уровень слушающих ... Выше – некому ... Я предложил к представленным следственным материалам добавить видео, которые достану я ...

– Я поняла ... Ты удовлетворен беседой?

– Главное – будет ли результат ... А там такое ... Но давай ... – он обнял Тоню еще ласковее и поцеловал, – Но давай спать, ночь давно.

– Но для этого тебе следовало бы надеть пижаму ...

Уля вставала раньше всех в доме – она так привыкла.

Десять минут занимал весь утренний туалет, и она уже сидела на кухне с чашечкой кофе – к кофе Улю приохотила мадам Женовьева, и причем к кофе хорошему, настоящему.

Уля давно привыкла выходить утром не в халате, а при полном параде.

Раньше это был тренировочный спортивный костюм – из-за удобства, потом треники превратились в изящные брючки производства мамы Тони, обычная белая безрукавка скрывалась под легкой курточкой (по погоде), а на ногах легкие сандалии.

Иногда за чашечкой кофе ее заставляли другие члены семьи – кто вставал рано в это утро.

Чаще всего это была мама – Антонина Ивановна, которая уже превратилась из тети Тони в маму Тоню или просто маму.

Мог рано появиться и Гриша, спешащий в тот день в студию Грекова, и превратившийся из близкого друга в любимого мужа и отца ее детей.

Мог появиться и Свиридов – сам, превратившийся из дяди Толи в папу Толю или просто папу.

Уля вместе с кофемолкой включала телевизор – новости, и рекордер – можно было записать понравившуюся передачу. Уля записывала только передачи, в которых приводили кулинарные рецепты или рассказывали о разнообразных блюдах, ей неизвестных.

Уля любила и умела готовить – к этому она пристрастилась еще у Галиных, когда ее удочерили из лесной школы. Умение готовить и даже экспериментировать на кухне пригодилось и развилось позже в семье Свиридовых – и совсем не из-за того, что Антонина Ивановна не любила (или не очень любила) готовить, а из-за того, чтостряпня Ули очень нравилась всем включая маленьких.

Сегодня Уля глянула программу телепередач, не обнаружила кулинарных новостей и взяла с полки толстую разбухшую от вклеек большую тетрадь – здесь можно было найти самые нужные кулинарные рецепты.

Правда Уля помнила множество оригинальных блюд и без тетради, но полистать записи было всегда полезно ...

Свое детство Ульяна помнила плохо и вспоминать не любила.

Она помнила большую комнату с кроватями и девочками, и с печкой, выступающей из угла комнаты. Топилась печка из другой комнаты, где жили воспитательницы.

Но случился пожар, девочек срочно одевали и выбрасывали на снег через разбитое окно.

Зима, холодно, воспитанников сиротского дома разбирают по домам сердобольные жители села, девочки зарываются между толстыми стеганными одеялами на русской печке. Потом холодный автобус и новый сиротский приют, потом снова автобус и новый детский дом недалеко от Москвы.

Но визит Екатерины Викентьевны Львовской и Анатолия Ивановича Свиридова Уля запомнила хорошо – их усадили в удобном автобусе и по дороге дядя Толя успел поговорить со всеми детьми.

Потом удобные кровати в небольшой комнате, очень внимательные и добрые воспитательницы, добрые соседки.

Уля училась читать и писать.

Потом Галины – деда Вася и баба Галя, в соседней квартире семья Свиридовых и молодой мальчик Гриша, с которым она сразу подружилась, и он помогал ей в учебе, а дядя Толя Свиридов подсовывал книжки, которые он советовал прочитать.

Она бегала в школу, делала уроки, много разговаривала с бабой Галей, много времени проводила с Гришей – он познакомил ее с лошадьми, повел купать их на озеро, был к ней очень внимателен и очень ласков.

Она даже с бабой Галей о Грише разговаривала – а та ничего ей не советовала, а больше наставляла по хозяйству ...

Подружки по городской и по лесной школе хорошо знали Гришу – он часто рисовал их.

А еще больше он рисовал Улю, и она не стесняясь ему позировала.

Дружба с Гришей постепенно преобразовалась в любовь, они объяснились, а затем в один прекрасный вечер почувствовали невозможность отдельного существования и Гриша, закрыв дверь, повесил снаружи на ручку завязанную узлом майку ...

Случившееся так потрясло Улю, что она несколько дней ходила под влиянием чуда, свершившегося между ними, и заявления Гриши – он назвал ее своей женой, и родители поздравляли их.

Эта перемена в ее жизни была настолько всеобъемлюща, что даже смягчила недавнюю смерть бабы Гали – Ульяна почувствовала себя женщиной, любимой и любящей женой, женой художника – великого и горячо любимого, членом семьи Свиридовых.

Она с удовольствием стала больше помогать Антонине Ивановне – сперва это была тетя Тоня, потом мама Тоня, а потом для краткости просто мама.

С Анатолием Ивановичем было сложнее – конечно он был дядей Толей, потом папой Толей, и очень нескоро просто папой.

А как все были рады, когда выяснилось что у молодых будет ребенок!

Все стали еще внимательнее к Уле, и так ласково с ней обращались, что легко уговорили ходить в школу несмотря на растущий живот, и Уля ходила в школу с довольно заметным животиком, а затем даже с весьма солидным животом.

И ничего.

И родила, поддерживаемая всеми столпившимися родственниками в соседней комнате и целой оравой друзей.

Уля предложила Грише назвать дочку Верой, Верочкой – она краем уха слышала, как тетя Маргарита Антипова называла маму Тоню этим именем.

Уля не стала никого ни о чем спрашивать – просто она поняла, что когда-то тетю Тоню звали Верой ...

Гриша согласился, а тетя Тоня была растрогана.

А еще они с Гришей ездили в Австрию, в Вену и познакомились там с семейством Дрейзеров – с мадам Женювевой и господином Густавом, а папа Толя заставил Улю учить немецкий язык, точнее венский диалект, который он откуда-то знал в совершенстве.

Уля мучилась, но учила, и это у нее на редкость хорошо получалось.

Довольно скоро она уже понимала разговор Густова с супругой, и стала робко пытаться говорить сама!

Гриша становился все более известным художником, чему

Уля очень гордилась и радовалась каждому новому рисунку, успеху в венских журналах и на выставках, и занятая хозяйством не оставляла желания совершить что-нибудь этакое.

Читать ее приучил папа Толя – он приносил книги, а потом просил Улю рассказать о прочитанном.

Привычка осмысливать и систематизировать полученные сведения у Ули проявилось сперва в кулинарии: на кухне рядом с телевизором установили рекордер, и Уля старалась не пропускать кулинарные передачи и записывать наиболее интересные программы.

Затем появилась толстая «амбарная» тетрадь, и в нее Уля записывала те кулинарные рецепты, которые ее заинтересовали – тетрадь разбухла быстро, а среди кушаний на столе становилось немало новенького, и члены семьи одобрили это.

К работе модельера женской одежды, которой занималась Тоня, Уля приобщилась еще при жизни Галиных, когда она училась в школе. Тоня оценила заинтересованность девочки и постаралась научить ее всему, что умела сама. И Уля научилась шить, и шить хорошо, создавать выкройки и выкраивать из тканей детали будущей одежды, и потом сшивать эти куски ткани в модную одежду. Она звала Гришу при малейшем затруднении в создании выкройки, и Гриша помогал и в вычерчивании деталей выкройки, и в подгонке созданного платья по фигуре заказчицы.

Со временем и под влиянием Тони Уля стала создавать

модели одежды самостоятельно, и страшно волновалась, показывая это Тоне – но в подавляющем числе случаев ее творчество оценивалось положительно.

А как все были рады появлению первого их с Гришей ребенка! Уля гордилась своей дочкой, отдавала много времени ребенку, но оказалось, что это не мешает Уле заниматься хозяйством и шитьем – обшивая дочку Уля находила время для своих подружек и знакомых ...

Кроме недолгих экскурсий в Москву и в Ленинград Уля долго никуда не выезжала из города недалеко от Москвы, а более дальние поездки у супругов Свиридовых-младших начались с поездки в Вену.

Знакомство с Дрейзерами оказалось на редкость приятным и длительным – из-за этого Уля начала учить язык и довольно быстро получила возможность общаться с мадам Дрейзер на венском диалекте немецкого языка. И писать ей письма – тоже.

Уля очень скучала в поездках без детей, но это не мешало ей наслаждаться новизной: либо улочки Вены и фиакры, либо аккуратные девушки на Бали, либо сплошные бары и магазинчики в Альпах ...

А еще папа Толя устроил для Ули небольшую экскурсию в Париж, от которой Уля долго не могла прийти в себя ...

И больше не от новизны, а от невероятных способностей папы Толи ...

Разбирая фотографии Уля зримо представляла увиденное, раскладывая фотографии она пыталась воссоздать красоту и неповторимость окружающего и почувствовать то, что она чувствовала тогда ...

Гриша привлекал жену к своим работам – и по рисункам для рекламы, и для иллюстраций к переводимым книгам, и к своему долгоиграющему проекту «моя Вена».

Он давно начал подбирать рисунки, сделанные во время поездок в Вену, намереваясь создать из них альбом, но пока у него почему-то не получалось. Кажется, рисунки охватывали очень многих, увиденных им в Вене персонажей, и даже зарисовки некоторых удививших его событий, но все равно Грише не удавалось достичь целостности.

Уля, листая подобранные Гришей рисунки, задумалась и стала прикладывать к ним фотографии венских улиц, уголков и мостов, видов на некоторые архитектурные памятники ...

А потом ей захотелось сделать подписи под фотографиями и рисунками, не связанные напрямую с изображением, но ...

Получилось не сразу, но потом ей показалось, что материал «ожил» и она показала его Свиридову-старшему – мужу она показывать это почему-то постеснялась.

А Свиридову очень понравилось, и он сразу позвал Тоню – и она оба удивлялись и радовались тому, что Уля нашла

прием связать фотографии и рисунки с общей идеей «моя Вена».

Последним творчество Ули увидел Гриша, и сильно обрадовался, хотя и не преминул высказать жене неудовольствие от того, что она не показала сразу все это ему. Но он целовал Улю и радовался, и они вместе переставляли фотографии и рисунки, редактировали подписи ...

А потом сводили все это в виде макета будущего альбома, и Гриша выбирал иллюстрацию для титульной страницы и сверху написал: «Ульяна Воробьева Григорий Свиридов».

И когда Уля возразила против того, чтобы ее фамилия была первой на титульной странице, Гриша ответил, что он муж и он так решил.

Вскоре макет альбома оказался в венском издательстве, был благосклонно воспринят с единственным вопросом: в какой пропорции перечислять авторам гонорар?

Гриша ответил, что гонорар полностью следует перечислить его супруге Ульяне Воробьевой, а когда Уля возразила против этого, он ответил «я муж и я так решил».

Альбом был издан на трех языках – английском, немецком и русском, и в таком виде поступил в продажу в городе. Альбом раскупали и караулили Гришу и Улю чтобы получить автограф.

А Уля получила – кроме весьма приличного гонорара – и вкус к творчеству.

И когда у нее на рабочем столе Гриша увидел грудку фо-

тографий с Бали, то он стал активно помогать Уле в работе над новым альбомом ...

Отгремел гром грозы в начале мая, и перед главными праздниками во всех помещениях института включились динамики громкой связи. Эта система включалась так редко, что многие о ее наличии просто забыли.

А тут в динамиках что-то щелкнуло и раздался голос Свиридова.

– Здравствуйте, друзья. Сегодня, перед самым важным праздником я хочу ... Хочу напомнить вам о той команде, которую перед важными праздниками подавали командиры. Эта команда «Наденьте ордена!» Я не командую, я прошу вас всех перед нашим праздником – друзья, наденьте ордена! Пусть все видят, какую оценку вы получили за свою нелегкую службу, пусть даже не на фронте, и без стрельбы. Друзья мои, наденьте ордена!

Голос Свиридова звучал по-особенному четко и торжественно.

И утром девятого числа на улице все появлялись в парадной одежде, и практически каждый третий, и даже второй прикрепил на груди правительственные награды. Дома, одеваясь Свиридов надел парадный мундир со всеми своими наградами, только без орденской ленты через плечо. А рядом Тоня прикрепляла к жакету свои награды, а из своей комнаты вышли Уля и Гриша – Гриша тоже в парадной форме и

с наградами.

– Папа, принимай парад! – Уля в красивом платье вела за руку Верочку и несла плетенку с Коленькой.

Стоило им выйти на площадку как со Свиридовым начали здороваться и козырять ему, и он отвечал на приветствие, поднося руку к козырьку.

А на улице ...

Конечно, все друг друга хорошо знали, все так или иначе были знакомы, но тут внезапно увидели на груди хорошо знакомого человек блеск орденов – и от этого стало почему-то светлее и радостнее.

Парад был объявлен заранее, вдоль Дома культуры установили ряды скамеек, а на крыльце Дома культуры разместился сводный оркестр.

Торжественная речь генерал-лейтенанта Свиридова была краткой – он поздравил всех с великим праздником и махнул рукой оркестру.

И торжественно зазвучала медь.

А генерал Свиридов сбежал с временной трибуны и встал впереди отряда полковника Воложанина, открывающего парадный проход войск.

Во главе отряда в руках майора Владислава Маленького, мужчины далеко не маленького, отсвечивало алым Знамя, которое вручили отряду совсем недавно, после уничтожения в области группы вооруженных дезертиров.

Свиридов встал перед этими тремя майорами – знаменос-

цем и ассистентами – и скомандовал. И отряд под музыку тронулся с места, и торжественным шагом двинулся перед зрителями, а за отрядом Воложанина пошел сводный отряд гарнизона.

А весь спецотряд под знаменем во главе с генералом-лейтенантом Свиридовым шел четким, но не парадным шагом, и у всех за левым плечом стволом вниз чернел короткий автомат. Такой автомат непонятным образом появился и на плече генерала ...

Парад был недолгим и оркестр заиграл песенные мелодии.

На крыльцо поднимались те, кто хотел петь и мог петь.

Часть публики осталась на площади перед Домом культуры, а другая часть двинулась на кладбище, по пути навещая цветочные киоски. Цветы продавали веселые приветливые девушки, предлагающие каждому покупателю гвардейскую ленточку и булавку.

– Берите булавочку, прикалывайте!

Цветы были свежие и дешевые, их раскупали быстро и так же быстро подвозили новые цветы, только что срезанные и влажные.

Свиридовы обзавелись большими букетами и влились в поток, направляющийся на кладбище.

По традиции первые цветы Свиридовы положили на могилу первого коменданта города Павла Тимуровича Большакова, ветерана и инвалида войны.

Его могила с пирамидкой, красной звездой и фотографи-

ей всегда была ухожена – за ней ухаживали не только его невенчанная вдова Таисия Архиповна, но и ее подопечные ребята, да и Свиридовы эту могилу не забывали.

Вот и сейчас около этой первой могилы на кладбище на скамеечке сидела Таисия Архиповна с девочками из общежития – из лесной школы-интерната.

Из плетенки Коленьки вылез белый котенок Максик, ознакомился с могилой, а потом догнал уходящих, подпрыгнул, уцепился за край плетенки и уселся в ногах Коленьки.

А вторую остановку Свиридовы сделали у могилы родителей Тони – Николая Тимофеевича Гнездилова и Анфисы Егоровны Карпухиной.

Эта могила была символической, точное место захоронения родных Веры Николаевны Гнездиловой – Антонины Ивановны Свиридовой – было неизвестно, да и погибли они в разных местах, но небольшой каменный памятник украшали не фотографии, а рисунки Гриши.

Могила была ухожена, внутри скромной ограды пестрели цветы.

Тоня положила свой букет к памятнику, постояла, поклонилась портретам родителей. Поклонились им Гриша с Улей, Свиридов и уже кое-что понимающая Верочка.

Коленька спокойно поглядывал кругом, а Максик ознакомился и с этой могилой.

Еще Свиридовы зашли на могилу Елизара Болеславовича Авдоконихина и встретили там Надю Новикову и сына Ели-

зара Болеславовича Андриюшу.

Наде помогала ее верная помощница Капа Шерстнева, заканчивающая курсы операторов.

Когда Свиридовы уходили, положив цветы к памятнику доктора наук начальника отдела Авдоконихина, им навстречу пришли Лена Долгополова и Потап Потапович, сменивший Елизара Болеславовича на посту начальника отдела.

А у Дома культуры все пели и пели, иногда появлялись танцующие пары.

Ветераны заходили в открытый зал ресторана и получали стопку водки и картонную тарелку со скромной закуской – черный хлеб, селедка, соленый огурчик, моченое яблоко

Свиридов договорился с Полиной Федченко и Валерием Масловым об угощении ветеранов, и те получали свою порцию бесплатно (то есть за них платил Свиридов) – и надо сказать, вторично подходящих не было.

Но довольно скоро «любители попеть» у Дома культуры отсеялись и стали выступать «профессионалы» – Валентина Суковицина, Ангелина Кочура и Александра Беляева.

Им помогали два хора – школьный и взрослый. Помогали те, кто помогал выступать Свиридову с бек-вокалом – офицеры отряда Воложанина и их жены.

И зазвучали песни военных лет.

А у Свиридова непонятным образом появилась голубая лента через плечо с приколотой крупной звездой, и когда он поднялся на площадку лестницы, то вся публика в ожидании

затихла.

© ©

Здравствуй, мама –
возвратились мы не все ...
Босиком бы
пробежаться по росе ...
Пол-Европы
прошагали,
полземли -
Этот день мы приближали,
как могли.
Этот день Победы
порохом
пропах,
Это праздник
с сединою на висках,
Эта радость
со слезами на глазах,
День Победы,
день Победы,
день Победы ...

Свиридов пел негромко, но его слышала вся площадь перед Домом культуры.

Напротив, на фронтоне ресторана была укреплена видео-

камера, и те, кто обратил бы на нее внимание, увидел бы, что камерой кто-то управляет. Камера поворачивалась, у нее двигался объектив. А среди слушателей неприметно перемещалась Анна Кутенкова с небольшой видеокамерой и ассистентом – выпускником лесной школы, а микрофоны, установленные в разных местах, дисциплинированно фиксировали звуки.

Свиридов опустил гитару.
За его спиной вспыхнул экран.

© ©

Здесь птицы не поют.
Деревья не растут.

Знакомое лицо, знакомый голос – только вчера опять показывали этот фильм.

© ©

Лишь только мы к плечу плечо
Врастаем в землю тут.
Горит и кружится планета.
Над нашей Родиной дым.

Оркестр потихоньку стал вторить гитаре с экрана.

© ©

И значит нам нужна
одна победа,
Одна на всех –
Мы ценой не постоим.
Одна на всех –
Мы за ценой
не постоим.

Хор, стоящий позади оркестров, тоже стал вторить голосу
с экрана.

© ©

Нас ждет
огонь
смертельный,
И все ж бессилен он.
Сомненья прочь -
Уходит в ночь
отдельный
Десятый наш
десантный
батальон,

Десятый наш
десантный
батальон.

Последний куплет, который на экране пели все вместе со
своей медсестрой, пела вся площадь.

© ©

Взлетает
красная
ракета.
Бьет пулемет
неутомим.
И значит
нам
нужна
Одна победа,
Одна на всех -
Мы
за ценой
не постоим,
Одна на всех -
Мы
за ценой
не постоим!

К Вечному огню у кремлевской стены автобусы привозили ребят до праздника – в праздники туда было не пробиться.

Но там появились Свиридовы, и помешать зайти за ограду парка генералу с таким «иконостасом» никто из охраны не посмел.

И эта пара с белоснежными седыми головами положили цветы к вечному огню.

И вспомнили свое первое посещение – вдвоем! – этого места много лет назад ...

– Толенька, за всех наших родителей – пусть земля им будет пухом!

И они отпили по глотку из плоской карманной фляги.

А Тоня с удивлением отметила, что некоторые подтянутые мужчины не только в форме, но и в штатском приветствовали Свиридова!

Одни неприметно кивали, другие также неприметно сдвигали каблуки, третьи поднимали руку.

– Кто это? Кто с тобой здоровается, милый?

– У меня столько знакомых ... в разных структурах ...

На праздники Кате сшили белое платье – такое, как шьют невестам.

Казалось, что никто не заказывал именно такое платье, но Тоня и Уля сшили Кате именно такое, свадебное, красивое, с оголенными плечами и почти до пола.

И когда Олег пришел «принимать» обновку, то он только ласково поцеловал Катю, обнял Улю и поцеловал руку Тоне. Катя засмузилась, но пошла показаться Полине Ерлыкиной и Семену Черномырдину – это было так естественно, она уже чувствовала себя настоящим членом семьи.

И Полина, которую Катя иногда – по ошибке? – называла мамой, на что Полина, казалось, никак не реагировала, и Семен Гаврилович, прячущий свою ласку и заботу о Кате за внешней суровостью, переглянулись и дружно одобрили Катину обновку.

Весь суматошный праздничный день Катя провела в новом платье, все поздравляли ее – с обновкой!?! – и желали счастья.

Когда вечером все вместе, вчетвером, усталые вернулись домой, то почему-то Семен Гаврилович вытащил из укромного уголка пузатую бутылку не нашего профиля с надписью «MONDORO» и они распили эту бутылку за здоровье друг друга.

Катя ушла в комнату Олега и в халатике нырнула в душ ...

Утром с бешеными сияющими глазами она вышла к завтраку, а Олег еще бережнее – если это возможно? – поддержал ее и подвинул ей стул, и очень серьезно устроился рядом.

Семен Гаврилович вопросительно взглянул на Полину, а потом они оба обняли и расцеловали Катю – молча, очень ласково. А Катя совершенно естественно стала называть их

«мама» и «папа» ...

Первой, кто что-то понял и поздравил – на ушко! – Катю с радостным событием была Уля.

Она увидела Катины сияющие глаза и все поняла, и радостно обняла ее, а потом сдержанно поздравила Олега.

Во второй половине дня продолжился концерт, прерванный вчера из-за позднего времени, снова звучали разные песни и выступали разные исполнители.

Не обошлось без сенсаций – среди выступающих на площадке парадной лестницы Дома культуры вдруг появились две девушки в длинных белых платьях. И запели ...

© ©

Дождинка малая

на землю

капнула.

А мы не встретимся -

что было

кануло.

Что было –

не было,

Что было –

сгинуло.

Прошу за все

простить

меня.

Дуэт Шурочки Беляевой и Кати Бганцевой был неожиданным, но звучал очень красиво – высокий голос Шурочки и низкий, грудной Кати прекрасно слились, а «сопровождение» пения со стороны Олега, Свиридова и Полины придали выразительность и изысканность исполнению.

Слушатели наградили девушке бурными аплодисментами, и девушки переглянулись и продолжили свое выступление.

© ©

Как много лет
во мне
любовь спала.
Мне это слово
ни о чем
не говорило.
Любовь
таилась
в глубине -
Она ждала,
И вот
Проснулась,
И глаза
свои
открыла ...

Голоса девушек звучали то слитно, перекрывая друг друга, то расходились и звучали пополнением друг другу. Одни фразы оба голоса выводили слитно, а вдруг начало перекрывал низкий голос Кати, а завершал высокий голос Шурочки. Они были очень похожи – обе беленькие, обе стройные, обе в длинных белых платьях, и почти одного роста и возраста, и такие разные ...

Аплодисменты вынудили девушек продолжить выступление, хотя Олег мысленно посоветовался со Свиридовым – Катя может не выдержать нагрузки.

© ©

Живет

моя отрада

в высоком терему,

А в терем

тот высокий

нет хода

никому,

А в терем

тот высокий

нет хода

никому.

Вряд ли эту особенность предопределяла музыкальная ос-

нова, но голоса девушек как будто плескались и переливались, они неуловимо менялись и звенели, он уносились вдаль и вновь возвращались.

© ©

Я знаю
у красотки
Есть сторож
у крыльца -
Никто
не загородит
дорогу
молодца,
Никто
не загородит
дорогу
молодца.

А потом благодарные слушатели несли девушкам букеты, их поздравляли с успешным дебютом такого прекрасного дуэта, их обнимал Свиридов, Олег, Полина Ерлыкина и Семен Черномырдин ...

Вечером Катя в домашнем халатике вышла на кухню и стала помогать Полине по хозяйству.

– Как думаешь, стоит попросить у Свиридова квартиру побольше?

– Я не знаю ... мама. Нам хорошо ... вместе с вами.

– Олежке негде даже инструмент поставить ...

– Да, мама. Но пусть вместе с вами, хорошо? Мне без вас

будет ...

– Ты сказала своим? Как это примет твоя мама?

– Это вопрос ... Но ей придется это принять.

≠ Дядя Толя, спишь?

≠ Почти.

≠ Мы Были в Большом. Это восторг! Светлана Захарова

– это ...

≠ Хороша?

≠ Не то слово! Мы шли пешком, а Катенька плакала!

≠ Рад за вас. Целуй Катеньку.

≠ Ты бы видел, как они шмыгают носами вместе с мамой!

≠ И маму тоже ... Спи!

Через заднюю калитку на участок вошла целая делегация

...

Издавна дачные участки, соприкасающиеся заборами, в точке стыка хозяева четырех участков рыли общий колодец, и это был канал для общения всех обитателей этих участков минуя улицу.

И появление таких мест для общения в дачном поселке НИПЦ было вполне естественным, но участки были разного размера и четыре забора в одной точке сходились очень

редко. Поэтому между заборами позади участков появились сквозные проходы – тропинки, немедленно получившие название транспортных коридоров.

По этим тропинкам обитатели квартала могли навестить соседей не выходя на улицу.

Теперь через калитку из транспортного коридора на участок шли трое огненно рыжих молодых человека – впереди девушка, а за ей трое парней.

Девушка несла какой-то предмет, завернутый в старую ковбойку, но оказалось, что процессию возглавляла не она – впереди гордо и величественно спокойно шел белый кот, а вокруг ног девушки нервно кружила худая жалобно мяукающая кошка.

В коробке оказались шевелящиеся и попискивающие комочки – темные и один светлый.

Коробку пристроили в укромном уголке под лестницей, кошка залезла под рубашку и писк прекратился. Гордый белый кот сел рядом с коробкой и призывно мяукнул.

Ему принесли две мисочки – с водой и едой.

– Они еще слепые!

– Говорят, что если котят взять в руки, то мать съест их!

– Сколько дней новорожденным?

– Она окотилась вчера утром. Мама сказала, что ваш Максик захотел, чтобы его семью перенесли к вам ...

– Неужели ты не ревнуешь Толю?

– Еще как! Только не так, как все бабы! Я ревную его за то внимание, которое он уделяет другим женщинам. А их немало.

– А он?

– А он рассказывает мне о них, о своих встречах, о разговорах ...

– А ты?

– А я слушаю, переживаю вместе с ним, волнуюсь и радуюсь!

– И чему ты радуешься?

– Глупая! У меня наилучший мужчина в мире! А у тебя, Марго?

– У меня Каренчик тоже лучший – мне повезло ... Нам с Ванечкой повезло!

– Привет, Никуля! Как дела? Как поживает потомство?

– Привет, Толя. Все путем. Что не заходишь?

– Зайду обязательно. Твой мудрец далеко?

– Вот он. Весь в делах. Отрывается только для прогулки с Егоркой.

– Дай ему трубку.

– Здравствуй, дядя Толя. Когда зайдешь? Я тут покопался в твоих программах с завода Дерендяева – кое-что нашел. Приходи, посмотришь.

– Зайду обязательно. Просто вирус или троян?

– Ты не поверишь – я нашел очень древнего трояна! Кто

бы мог подумать, но он старше меня!

– Сергей Кожугетович? Добрый день, Сережа. Анатолий Свиридов.

– Добрый день, Толя.

– Внимание! Через несколько минут на полосу Симферопольского аэропорта будет садиться неопознанный неизвестный самолет. Он безопасен, но требует надежной охраны. Из него нужно быстро выгрузить ящики и сохранить их под надежной охраной. Через тридцать минут после посадки самолет ... самолет исчезнет. Объяснения – потом. Президент будет в курсе.

– Я вас понял, генерал Свиридов! Отдаю приказ!

– Владимир Владимирович, желаю здравствовать! В Симферополе садится самолет с золотом самого толстого олигарха соседей. Шойгу разгрузит ящики и поставит охрану. Представителей ФСБ Москвы и местных органов я предупрежу – содержимое для спецсчета конторы.

– Я вас услышал, Анатолий Иванович. Жду подробности.

– Анатолий Иванович, на ваше имя шифровка из конторы. Принести?

– Да, Мари, пожалуйста.

Свиридов прочел две строчки машинописного текста и для себя перевел: «От вас получено и оприходовано триста пятьдесят килограмм золотых слитков. Председатель».

– Генерал Свиридов? Будет говорить Министр обороны.

– Привет, Анатолий Иванович.

– Привет, Сергей Кожугетович. – Свиридов скорее почувствовал, а не услышал, что у Шойгу включена громкая связь.

– Анатолий Иванович, груз передан представителям из Москвы. А самолет ... самолет исчез. Ты обещал пояснить произошедшее.

– Я прилечу завтра и поработаю со всеми очевидцами. Возможно, ты тоже прилетишь?

– Договорились. Сложность в том, что самолет исчез, а остальное ... остальное особого интереса не вызвало.

– До встречи, Сергей Кожугетович!

– До встречи, Анатолий Иванович.

– Вить, ты задвижку закрыл?

– ... закрыл ...

Дальше слов слышно не было, но звуки – завораживающие, упоительные, интимные – продолжались ...

В комнате было три двери.

Одна выходила на лоджию, вторая в коридор и ручка этой двери блокировалась изнутри кнопкой. Третья дверь вела в детскую и блокировки не имела, из-за чего Виктор пристроил там простенькую задвижечку – для детей.

Дело в том, что младшая их дочка Риточка утром иногда приходила к маме и устраивалась «под бочок» – говоря «мне стало так грустно!».

Поэтому, когда они были вдвоем задвижечку запирали.

Часто Виктор уходил к себе на рассвете, и тогда задвижечку отпирали.

Был случай, когда Виолетта заработалась в квартире у Виктора и осталась там ночевать, и Риточка обнаружила в маминой кровати отца – но она с неменьшим удовольствием пристроилась к нему под бочок.

А как-то запереть задвижечку забыли и Риточка обнаружила в маминой постели маму с папой – она пристроилась между ними и уютно засопела под рукой Виктора. Рано утром Виктор-младший в поисках пропавшей сестренки обнаружил их и устроился около отца.

Так они и проснулись – вчетвером ...

– Я сегодня навестила знаменитый винзавод. Территория богатая, используется далеко не все, но такие жулики там сидят! Боюсь, там без Толи нам не справиться.

– Мама, а подходящие помещения там есть?

– Как мне показалось есть. Но эти жулики заламывают такую арендную плату!

– Ничего, Тонечка, я поеду с вами и поговорю. Все подберем! Гриша, ты электронные демонстраторы проверил? Старых мало, нужны новые ...

– Папа, а какие книги зарядим в демонстраторы? А Гришины рекламные рисунки?

– А сама подбери те, которые считаешь нужными. Наибо-

лее выразительные. И собачек – тоже.

– Толя, когда у тебя будет время с нами туда съездить?

– Надеюсь, завтра. Поедем все вместе. Уля, захвати фотоаппарат – фото пригодится для планировки помещения.

В колхозе умерли старики Аникеевы.

– Иваныч, у нас беда! – рано утром позвонил бессменный председатель колхоза Трофимов. – Умерли в одночасье старики Аникеевы! И ведь не старые еще были ...

– Так им за шестьдесят было – верно? От чего умерли?

– Сердце или тромбы – вроде так. Остались двое приемных – Валентина и Сергей, а старший сын Аникеевых давно уехал из деревни. Адрес есть – это где-то под Красноярском. Пробовали позвонить на номер почты – не получается, эта почта далеко от разреза ... Не сможешь помочь вызвонить их на похороны?

– Я попробую, Иван Степанович. Это Иван Пахомович и Зинаида Карповна – я не путаю? Адрес давай!

Что там делал Свиридов, чтобы установить реальное место молодых Аникеевых, но он узнал место, где они проживали в городке у разреза в трехстах километрах от Красноярска, и даже добился телефонного разговора, а колхозе тем временем появились деятельные женщины из женсовета и молодые девушки.

Девушки, появившиеся в свое время в городе около фирмы из лесной школы, сразу направились в избу к Аникеевым,

где рядом с заплаканными Сергеем и Валентиной сидела матушка Павла Евменовна, утешая их.

А деятельные женщины сразу активно включились в организацию похорон ...

А женсоветов на фирме было сразу целых три.

Так не бывает?

У Свиридова бывает и не такое!

Первый женсовет появился очень давно, когда еще шло строительство – строились корпуса самой фирмы и строился первый жилой корпус.

Как же без женсовета – воинская часть!

Второй женсовет практически в полном составе прилетел из Сибири, откуда Свиридов вывез забытый гарнизон – часть офицеров этого гарнизона (опять-таки не без участия Свиридова) образовали строительно-монтажную бригаду, обслуживающую стройки в колхозе.

Третий женсовет (а может быт второй?) был создан в воинской части, охраняющей периметр ЗАТО – из-за некоторой оторванности от фирмы (семнадцать километров по прямой) самостоятельны женсовет там оказался при делах.

И все три женсовета дружно сотрудничали и работали как единое целое – и это опять было заслугой генерала Свиридова.

А трое офицеров, одетых по местной погоде, вдруг появились в квартире Ивана Аникеева – был выходной и все семейство было в сборе – Иван Пахомович, супруга его Зина-

ида Карповна и их сынишка Сидор.

Привет от Ивана Степановича Трофимова и мастерство Свиридова сделали свое дело – скромное застолье, рюмочка за родителей.

Десять минут на сборы и семейство Аникеевых, плотно обнятое тремя гостями – закройте глаза! – оказалось в избе в колхозе под Москвой, в родной избе Ивана.

Иван узнавал и не узнавал родной дом, в котором он не был почти десять лет. Кажется, все привычно, все на месте ...

Но окна стали просторными по-городскому ...

Пол дощатый, но ровный и собранный в шпунт ...

Двухэтажная кровать и коврик около нее ...

Плоский телевизор около русской печки и завешенное черным зеркало...

А кухню пристроили, и там тоже все было по-городскому – и мебель, и электрическая плита с духовкой ... Раковина с кранами ...

Иван замер перед фотографиями в настенной раме и к нему пристроился Трофимов, Зинаидазнакомилась с грустными Валентиной и Сережей и знакомила их с маленьким Сидором, впервые очутившемся в этой избе, а в избе начали появляться бывшие одноклассники Ивана и Зинаиды ...

Зина и Валя дружно собирали на стол, Сережа показывал Сидору свой уголок с инструментами, Иван с бывшими одноклассниками украдкой разливал водку по маленьким сто-

почкам ...

За столом как бы сам по себе оказался Свиридов ... Трофимов ... Матушка Павла Евменовна ... Соседи Аникеевых ...

Помянули.

Еще было не поздно, когда все вышли на улицу – на обычную деревенскую улицу: широкую, с зелеными шпалерами и протоптанными по заборам тропинками и плотно укатанным полотном.

Здороваясь со всеми встречными все тронулись в сторону церкви ...

– Тетя Зина, на, покройся! – Валя накинула на голову платок и протянула платок Зинаиде Карповне.

После долгого разговора с отцом Исидором пошли на кладбище позади церкви, посмотрели место, договорились с землекопами ...

Деревенская улица заполнилась людьми – от участка местной больницы и до церкви тележки с гробами сопровождали местные жители. Аникеевых было тоже много – родни у умерших хватало, как и близких друзей и соседей.

Дорога была недалняя и гробы не закрывали, и по дороге туда клали цветы.

Каталки катились на велосипедных колесах с широкими шинами, и эти колеса легко справлялись даже с крупным гравием деревенской улицы.

Отпевание в церкви было недолгим, и далее гробы повез-

ли на кладбище что позади церкви ...

Громадный стол соорудили во дворе из снятых дверей – соседи тоже поучаствовали.

Людей собралось много, и многие шли со своими тазиками с салатом и даже с бутылками – прозрачной беленькой или мутноватого самогона.

За столом собрались давно знакомые и близкие люди, и поэтому общение было неспешным и почти родственным. И поднимали небольшие стаканчики – «мерзавчики», а их целый ящик привез Свиридов, оказавшийся ничуть не менее близким и родным, чем председатель колхоза Трофимов, и говорили не по писанному – кто что думает и как чувствует ...

Иван и Зинаида легли спать на громадном надувном матрасе посреди горницы, а пятилетний Сидор охотно пошел с Валентиной и улегся спать с ней, и они долго шептались.

Рано утром Иван по давней привычке пошел на двор к рукомоёйнику, налил в него воды – пока его не позвала Зина.

– Вань, не мудри! Глянь, тут не только умывальник есть, но даже душ! Иди сюда ...

Сытный завтрак готовили вместе Зинаида и Валентина, забежали соседи, пошли разговоры, недоговоренные вчера.

Оба – Иван и Зинаида – дружно удивлялись: в их время молодежь стремилась уехать из колхоза в город, а тут.

Оказалось, что многие их школьные друзья вернулись в колхоз обратно, причем часто уже с полученным в городе

образованием!

Целый день Аникеевы ходили и не узнавали родные места – столько нового появилось в их родном колхозе. И молокозавод, и птицеферма, и новые улицы ...

– А вон тут живут крестники Президента!

– Какого еще президента? Скажешь тоже!

– Самого что ни на есть настоящего! Он к ним на свадьбу приезжал!

Удивлялись порядку на машинном дворе, громадным теплицам и холодильным машинам в цехе розлива молока, складу около мясобойни, где из дверей тянуло инеем, цехам завода и железнодорожной ветке с путями и высокой крышей корпуса депо ...

Потом допоздна сидели в правлении колхоза.

Несмотря на новые времена колхоз остался, и даже название «Вперед» сохранилось, хотя на самом деле сельскохозяйственное предприятие было структурным подразделением воинской части генерала Свиридова.

А в правлении остался всего один старожил-колхозник – председатель правления Иван Степанович Трофимов. Один – потому что все остальные были молодые специалисты с образованием, пусть не всегда высшим ...

Аникеевы задержались на неделю.

Сережа и Валентина называли их дядя Ваня и тетя Зина, Сидора они таскали с собой в ночное и на рыбалку и переименовали его в Малого.

И Сидор охотно отзывался: «Малой, ты где?»

В конце месяца в Доме культуры на общем собрании Ивана и Зинаиду Аникеевых принимали в колхоз, а на другой день Свиридов передал Трофимову трудовые книжки Аникеевых и тоненькую папочку со школьной выпиской Сидора Аникеева.

– Анатолий Иванович как вы оцениваете возможность физического изъятия конкретных личностей из других государств? С других территорий? Вы провели подобную операцию с нашим резидентом ...

– Для проведения такой операции требуется решение на вашем уровне. Других препятствий не вижу.

– Вы считаете это возможным?

– Сложность может быть только с обнаружением данной личности. Дальше – дело техники ... Место нашего человека искать не пришлось – поэтому это было проще. С другими необходимо выбрать место и время, а это может потребовать дополнительного времени. А все остальное дело техники и особых затруднений не вызывает.

– Сколько времени может занять вся операция?

– В зависимости от срочности – от нескольких часов до ... в зависимости от личности, степени прикрытия. Можно это сделать явно, можно – незаметно и неизвестно как ...

– И разовые диверсии вы тоже считаете возможными?

– Почему у вас возник такой вопрос? В небольшом мас-

штабе такие операции уже выполнялись ... Объект, адрес ...

– А танкер с нефтью, вдруг загустевший до вязкости мыла?

– Это была не диверсия, а эксперимент. Кроме загустевания была сумасбродная идея снижения вязкости почти до вязкости воды или пива, но это было нерационально.

– Но возможно?

– Да, возможно. Но такая жидкость практически сохранит химический состав нефти и будет легко поддаваться переработке. Густая резалась ножом ...

– Это было сложно?

– Сложность была в том, что вся нефть в танкере содержится не в одной емкости, а в нескольких изолированных отсеках. Поэтому загуститель вводился в момент закачивания сырья в емкости танкера и начинал работать не сразу ...

– Толя, я сумасшедшая?

– Warum denn nicht?

– Я давно замечаю, что не старею ... Я была в магазине, там было такое платье ... тонкий трикотаж ... я мерила на голое тело, без белья ...

– Представляю, насколько это было сексуально!

– Я представить себе не могла, насколько это сексуально для меня! Неопишуемые ощущения, как впервые купаться ночью голышом – по крайней мере, так писал какой-то классик ...

– А почему ночью? Днем разве не так?

– Не так. Днем опасаясь зрителей, а ночью все чувства

... обнажены ...

– Тела или чувства?

– А я это платье купила ...

– Покажешь?

– Если отпустишь – встану и покажу ...

– Отец, у тебя будет время посмотреть то, что мы с Улей натворили? Нам твое мнение важно.

– А мамино? Маме показывали?

– Нет еще. Уля хотела, чтобы ты посмотрел первым.

– Раз надо – значит надо. Буду смотреть.

Вечером Свиридов долго и внимательно листал отпечатанный макет книги, рассматривал фотографии и рисунки.

Потом он тискал Улю и Гришу, но больше похвал и поцелуев досталось Уле – она была редактором и основным автором этой книги ...

– Тонечка, не поверишь – снова находятся сумасшедшие, желающие проверить наши границы!

Тоня даже подняла голову с плеча мужа.

– Кто такие? Не местные?

– В том то и дело, что местные. Два дурака подготовились, набросили маты на колючку и полезли. Конечно, напоролись на следующую линию заграждений, но прошли. Их засек де-

журный дрон, осветил, предложил сложить оружие и лечь. Но один из них с двух стволов крупной дробью сбил дрон.

– Совсем больной! Пьяный?

– Не сильно. Их взяли, допрашивают – кто научил, кто помог. Сядут оба, а одному еще компенсировать стоимость дрона, который зафиксировал момент выстрела перед своей гибелью ...

– У них в деревне уже позабыли предыдущую попытку? У них, что, не висит на правлении памятка о границе зоны и последствиях нарушения ограды?

– Все висит, все знают, но видимо им требуется постоянное подтверждение запрета ...

Материалы «татарина» появлялись в популярной газете все реже, хотя по устным сведениям своей деятельности этот народный мститель не прекращал.

Корр. Не первый раз возникает тема незаконного варварского вывоза ценной древесины из Сибири при попустительстве местной власти. Вы слышали об этом?

Тат. Не только слышал, но и принимал активное участие в наказании виновных. Об этом не пишут и всячески замалчивают, а наказания совершаются довольно кровавые.

Корр. Кровавые?

Тат. Именно! Умирают те, кто пилит деревья в заповедных местах, и умирают мучительной смертью. И делается это так, чтобы знало об этом максимальное количество населе-

ния. Они погибают от потери крови – у них отрублены руки и ноги, и их находят затем приехавшие за стволами. В других местах гибнут трелевщики – они погибают прямо в кабинах тракторов. Крановщики, загружающие лесовозы, тоже гибнут в кабинах – они тоже умирают от потери крови от различных ран.

Корр. Но не эти исполнители получают гигантские прибыли? А организаторы пиратских вырубок?

Тат. До организаторов добраться бывает трудно, но я нахожу и наказываю их тоже. Простым отсечением головы, но публично. Сидит такой надутый от собственной важности господин на заседании и вдруг – нет головы и много крови.

Корр. И какова действенность ваших наказаний? Уменьшается число незаконных порубок ценных пород сосны?

Тат. Я не следил за уменьшением порубок, но денежные потоки от вывоза древесины существенно уменьшились. И куча «висяков» у следственных органов ...

Корр. Тема педофилии возникает постоянно ...

Тат. Это связано с тем, что наши судьи и заседатели часто очень милостиво относятся к этим преступлениям. Педофилы даже возвращаются обратно в школу. Мы уже обсуждали эту тему – я рассказывал, что наказываю педофилов смертью. Если бы СМИ не замалчивало такие случаи, то действенность была бы выше.

Корр. Мы много раз поднимали тему незаконной застройки – как в прибрежной зоне так и в сельской местности.

Последние скандалы связаны с постройками на месте деревенских халуп и заселения их нелегальными мигрантами ...

Тат. Тут целый вагон нарушений – и незаконные постройки, и пострадавшие приобретатели, и нарушения при строительстве, и коррупция властей на различных уровнях власти ... И наказывать приходится многих, и опять нет гласности ... А тут еще взялись достраивать деревенские халупы и заселять их незаконными мигрантами – приходится наказывать начиная с властных структур за коррупцию и попустительство ...

Корр. Много жалоб на слабость властей на местах – нарушение законов есть, а привлечь за это не хотят ...

Тат. А у нас руководство работает в режиме ручного управления – жалуйтесь президенту, авось подействует. Иногда наказываю виновников, но тогда это уже с величайшей жестокостью – начинаю с родственников, с детей.

Корр. Но это же жестоко!

Тат. Зато действительно – действует сразу и наверняка. Ставит машину в чужом дворе на газон – плакат на лобовое стекло: «завтра поставишь так – умрет твой сын». Сын умирает – машину больше во дворе не видели. И так далее ...

Корр. Очень жестоко ... и бесчеловечно!

Тат. Власть должна быть жестокой, иначе она не власть.

Корр. А как вы относитесь к случаям с представителями «золотой песочницы»?

Тат. Если вы имеете в виде недорослей наших олигархов,

то сугубо отрицательно. И думаю, что в самое ближайшее время начну наказывать не недорослей, а их родителей. Но для этого нужна нормальная гласность! А сейчас у меня основное время занимают рядовые ограбления и убийства.

Корр. Что значит «рядовые»?

Тат. Это массовые правонарушения – их много, много «висяков», мало информации в прессе ... А пострадавших много и они обычные рядовые девушки, пенсионеры без именитых родственников ... Я нахожу таксистов, опаивающих пассажиров и грабящих их, выбрасывающих тела в пустынных местах, где чаще всего они умирают ... Некоторых я сажаю на кол, некоторых вешаю вниз головой, а некоторых просто убиваю ...

Корр. Но об этом ничего не известно ...

Тат. В том-то все и дело! Поэтому такие таксисты вновь появляются и вновь грабят людей!

Корр. А вам известно о притеснениях африканских студентов в Нижнем? Их высылают из страны!

Тат. А вы поинтересуйтесь, кто там губернатор. И его прошлым ...

Корр. Вы практически решаете судьбы людей – жизнь или смерть. Вас это не мучает? Вы собой подменяете некую высшую, верховную власть?

Тат. Да, это совсем непросто. Мой духовник ...

Корр. У вас есть духовник? Вы ходите в церковь на исповедь, на причастие?

Тат. Да, я хожу исповедоваться. И верховный суд всевышнего для меня много значит.

Корр. Это власть всевышнего. А гражданская власть вас не заботит?

Тат. При моем отношении к властным структурам каким образом меня может интересовать мнение этих структур? И при этом я стараюсь не нарушать действующего законодательства ...

Корр. За последние годы произошло много трагических событий, убийств популярных личностей, и вообще нераскрываемых преступлений. Это каким-то образом вас затрагивает?

Тат. (Прим. редактора: наш гость молчал несколько минут) Таких случаев накопилось уже довольно много. Насчет их нераскрываемости – кто-то очень не хочет раскрытия, что чаще всего. Но часто я не могу предъявить виновника обществу, и как при этом карать?

Я уничтожаю прямых виновников, но остаются косвенные ... чаще всего трупы даже связать с происшествием почти невозможно. Вы знаете, что такое мачете? Это короткая сабля, которой рубят сахарный тростник. И это страшное (было использовано другое слово, недопустимое в газете) оружие я часто использую для казни.

Корр. А гласность?

Тат. Для данного контингента это не актуально. Внутри этой среды информация распространяется почти мгновенно.

Корр. И помогает?

Тат. Как сказать ... Растут цены заказа, резко падает уровень квалификации исполнителей ...

Соответствующие органы неоднократно допрашивали корреспонденток газеты и смогли составить словесный портрет «татарина».

Это был плотный мужчина выше среднего роста в темных очках, которые он никогда не снимал. Голос грубый, с дефектами и нецензурными оборотами.

Волосы стриженные, темно-каштановые, скорее всего парик.

Черты лица без отличительных особенностей, нос прямой, губы прямые широкие, на зубах золотые коронки.

Руки с короткими пальцами, пальцы толстые, ногти грязные, неровно подстриженные.

Форма ушей из-за волос невыяснена.

В разговоре часто употребляет специфические термины, характерные для слесаря, и большое количество нецензурных выражений и оборотов.

Допрос главного редактора ничего не прояснил – гость появляется неожиданно, и из комнаты отдыха главного, в которую есть отдельная дверь из коридора.

≠ Приветствую вас, друзья!

Все обладающие паранормальными – экстрасенсорными

– способностями откликнулись.

≠ Привет, <мои> дуралеи! – первой откликнулась Полина Ерылкина, и чуть ее послания – <мои> – была на более высоком «языке»: это «переводилось» не в словесной форме, а в «эмоциональной», и означало «дорогие, родные, милые, любимые» и еще множество ласкательных «слов» ...

Откликались другие экстрасенсы, и всех Свиридов и Олег различали по «голосам».

Конечно, никакого голоса не было, но индивидуальные особенности у всех были, и характеризовали каждого однозначно.

Баранов, Карцева, Дормидонтов, Лопаткин, «мальчишки»

...

Не откликнулся только Потап Потапович.

Свиридов взглянул на часы – мысленно – увидел стрелки, цифры.

– Молодец, Потап, – подумал Свиридов, – Я тоже блокируюсь, когда мы с Тоней ...

≠ Мы с Олежкой сейчас собираемся провести эксперимент по обучению меня ...

≠ Дядя Толя, не смейся меня! Я не смогу работать!

≠ Я и не думал. Сейчас Олег мысленно – частично и визуально – будет учить меня игре на рояле.

≠ А ты, что, все остальное уже умеешь? – это чуть-чуть съехидничала Карцева.

≠ Леночка, не завидуй! – это уже Лопаткин.

≠ А мы тоже хотим! – это кто-то из «мальчишек».

≠ Научим, научим ...

≠ Рояль или синтезатор?

На сцене Дома культуры постоянно находились два концертных рояля – стояли за кулисами.

Если рояли выкатывали, то это означало лишь одно – город посетил давний друг Раймонд Паулс и предстоит концерт-дуэт на двух роялях: Паулс – Лопаткин.

Правда, это было не совсем так или совсем не так – сигналы из мозга Паулся снимал Олег Ерлыкин и передавал Лопаткину.

Но передавал так успешно, что дуэт получался вполне слаженно.

Потом за рояль садился сам Олег, и они так же успешно играли вдвоем с Паулсом – уроки в Консерватории для Олега не прошли даром.

Затем опробовали трио – два рояля и синтезатор Олега.

Этот синтезатор представлял собой нечто особенное – над ним мудрили и Олег, и умники из отдела Авдоконихина, и сам Потапович, и Владик Медяков ...

Получилось нечто, обладающее прекрасной гаммой обычного рояля и возможностями множества других инструментов вплоть до неплохого органа ...

По крайней мере партитуру из фильма «Антон Иванович сердится» Олег воспроизводил очень точно.

≠ Вы будете транслировать для всех?

≠ По крайней мере мы не намерены блокироваться ...

– Поехали?

– Поехали, дядя Толя! Сперва посмотри как играю я.

Олег сел за рояль, сзади встал Свиридов.

Олег положил руки на клавиатуру, потом пробежался простенькой гаммой.

– Давай какую-нибудь хорошо знакомую мелодию ...

Через некоторое время за рояль сел Свиридов и положил на клавиатуру пальцы так, как это делал Олег. И закрыл глаза.

Олег мысленно дал команду Свиридову и тот заиграл ...

≠ Толя, главное звукосочетания. Мелодия – это уже хорошо ... Но есть еще и аккомпанемент! – это Полина Ерлыкина.

Свиридов и Олег занимались до вечера, пока их не погна-ли – зал готовили для вечернего концерта: сегодня приехали студенты Гнесинки ...

На другой день Свиридов вполне уверенно смог воспроиз-вести партитуру органа из старинного фильма «Антон Ива-нович сердится» ...

– Из громадной кучи записок мы выбрали ...

– Кто это «мы»? – из зала.

– Я и Толик ... то есть я хочу сказать Анатолий Иванович.

– Вить, кончай! Все знают, что мы с тобой знакомы тысячу лет ...

– И он тебя запросто может назвать «гад начальник»! – это из зала уточнил Костя Докукин.

– Мы решили сегодня вечер ответов начать с темы «день рождения»!

– Итак, день рождения. Что это такое? Раньше называли это день ангела – детей нарекали по святцам, по дню конкретного святого. И праздновали соответственно по церковным канонам. Затем ангелы стали позабываться, но привычка праздновать оставалась. А потом условность этого праздника возрастала, и отмечать день рождения многие стали тогда, когда этого хотелось «празднующему».

– Но тем не менее этот праздник является для многих ничуть не менее важным, чем новый год или первое мая ...

– При этом особенно ценным этот праздник является для детей – они с малых лет должны привыкнуть, что их день рождения для родителей является самым важным и самым главным, что в этот день дети должны в наибольшей мере чувствовать любовь родителей, родственников и вообще всех окружающих.

– Для детей это очень важно! Это способствует воспитанию чувств взаимной любви и уважения в семье, установлению тесных родственных отношений. Дело не в подарках, а во внимании к растущему человеку.

– Хотя и в подарках тоже – в подарке проявляется внимание и забота, подарок не должен быть формальным, а еще лучше, если он не будет заказным – ребенок заказал, ему и

купили.

– Утилитарным? Да, подарок может быть утилитарным. Я помню, как у нас в школе родительский комитет дарил на день рождения ботинки – в семье купить этого не могли, дорого. Не подарок? А это конец войны и нищеты хватало даже в Москве!

– А как дарили книги! Забыли, что было время, когда книга была реально дорогим подарком! Или редкий значок – я помню, как гордился паренек из соседнего класса: ему подарили чешский значок Юлиуса Фучика. Он носил его не снимая – а это был крупный значок, похожий на орден, с надписью «Люди, будьте бдительны». С этими словами Юлиус Фучик шел на казнь ...

– Да, теперь с выбором подарков трудности – нет дефицита ... Да и с выдумкой сложности ...

– День рождения – это очень важный праздник, и с возрастом он не теряет своего значения, своей важности. Хотя иногда этот праздник становится условным ...

– Как это?

– Например, у нас с Тоней кроме индивидуальных дней рождения есть наш общий день рождения, который мы тоже отмечаем ...

– Анатолий Иванович, у нас с Сергеем Кужугетовичем есть к вам вопросы.

– Я слушаю.

– Как, по вашему мнению, возможно проведение локальных воинских операций с использованием ваших способностей и ваших офицеров?

– Такие операции возможны и даже в небольшом масштабе были осуществлены. Для проведения подобных операций, даже локальных, требуется политическое решение и оценка возможных последствий.

– У меня есть данные о некоторых локальных операциях диверсионного характера, которые скорее всего проводил генерал Свиридов ... – задумчиво произнес Шойгу.

– ??

– Подтверждаю.

– А если танковая атака? Что можно сделать?

– Можно уничтожить танки. И другую тяжелую технику. Возможны диверсии на складах и в иных местах сосредоточения боевой техники.

– Какими силами вы располагаете?

– Достаточными для борьбы с любыми видами военной техники вплоть до авиации и морских сил. Я докладывал о проведенных нами локальных операциях, где были задействованы снайперы и легкое стрелковое оружие – в принципе возможно применение любого вида вооружения. Требуется только политическое решение ...

– Что за неясные сведения об обнаружении невидимых объектов военного назначения?

– В реальности положение на данный момент следую-

щее. Существует оборудование, позволяющее обнаруживать невидимый кокон с людьми и оружием. Оборудование довольно сложное и дорогое – один прибор стоит примерно 12 тысяч долларов и его работа требует постоянного охлаждения жидким азотом.

– У нас или у них?

– И у нас, и у них – но приборы разные. Наш дешевле, жидким азотом не заправляется и обеспечивает круговое сканирование до расстояния около четырех тысяч метров – в зависимости от состояния атмосферы. Американский сканер – агрегат сложный, сканирование узконаправленное с углом около 15 градусов по азимуту, на час работы требуется пара литров сжиженного азота ... Их образец у нас уже есть ...

– У вас была возможность проверить свой прибор на реальном объекте. А как проверяли они?

– Они проверили свой прибор на моем коконе в реальных условиях.

– Вы рисковали?

– В известной мере. У них для лабораторной проверки объекта не было, поэтому поиск ведется в широком диапазоне, но в узком луче – получается медленно. Мы засекаем действие их прибора сразу, и сразу меняем дислокацию, а попросту мгновенно уходим ... Совершаем маневр в зависимости от ситуации ...

– Таким образом использование вашего кокона достаточ-

но опасно. Так?

– Опасно, но с учетом возможностей их прибора ... Тем более, что у нашего противника пока нет реальных данных по обнаружению объекта поиска. Единственный прибор, обнаруживший нас в коконе, захвачен нами.

– И они это знают?

– Нет. Для них эта станция была уничтожена полностью.

– Слушай, Анатолий, с тобой не соскучишься! Так насколько реально использование твоих ... твоих ...

– Ваших особых возможностей, Анатолий Иванович?

– Вполне реально с учетом конкретных условий.